

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 3

***ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ЭКОНОМИКА,
КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ***

№ 20 / 2021

Серия основана в 1998 году

Редакционная коллегия:

А. Л. Подгайский (*ответственный редактор*),
Н. П. Баранов, А. М. Захаров, А. Н. Кушнеревич,
С. Е. Новиков, В. Н. Усоский

СОДЕРЖАНИЕ

История

<i>Кушнярэвіч-Шпэт А. М.</i> Германскі кампанент этнакультурнай гісторыі Беларусі XIX – пачатку XX ст.....	5
<i>Лютко С. Г.</i> Становление и развитие военного образования на землях Беларуси в XVIII – начале XX века.....	11
<i>Новікаў С. Я.</i> Новыя архіўныя крыніцы пра нацысцкі эканамічны генацыд насельніцтва ўсходняй Беларусі (1941–1944 гг.).....	18
<i>Усоский В. Н.</i> Исторические условия возникновения рыночной экономики и ее эволюция в античном обществе.....	31
<i>Цымбал А. Г.</i> Сучасная польская гістарыяграфія палітычнага жыцця ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.).....	41

Философия и социология

<i>Баранов Н. П.</i> Мудрость как общечеловеческое достояние.....	47
<i>Майборода Д. В.</i> Философские основы поведенческой экономики и диалогика.....	56
<i>Салтанович И. П.</i> Культура и ее цифровой формат. Изменения в социуме.....	68
<i>Севостьянова Н. Г.</i> «Борьба за логос» как проявление платонизма в русской философии.....	77
<i>Усоский В. Н.</i> Богословско-философские дискуссии о природе человека в позднем Средневековье.....	86

Экономика

<i>Афанасенко А. В.</i> Актуальные тенденции развития рекламы в международном маркетинге.....	97
<i>Благуш И. С.</i> Инновационная политика Республики Беларусь в условиях глобальной инновационной гиперконкуренции.....	107
<i>Иванова Е. Н.</i> Меры по организации лизинговой деятельности в Республике Беларусь в условиях региональной экономической интеграции.....	114
<i>Подгайский А. Л.</i> Системные реформы в экономике – условие адаптации субъектов к новым реалиям хозяйствования.....	120
<i>Русак А. Н.</i> Направления развития интернет-предпринимательства посредством совершенствования бизнес-коммуникации в социальных сетях.....	126

<i>Усоский В. Н.</i> Ростовщический и торговый капитал в рыночной экономике Средневековья	132
--	-----

Политология

<i>Баграёнок В. А.</i> Этика дискурса в политике (рефлексия идей Ю. Хабермаса).....	141
<i>Захаров А. М., Савельева Е. С.</i> Национальные интересы Республики Беларусь в контексте ее интеграционного потенциала: фактор «разумной силы»	147
<i>Ковалева И. В.</i> Культурная дипломатия как средство внешней политики государств	154
<i>Мигас Б. Я., Наумова В. В.</i> Коронавирус как катализатор нестабильности общества	162
<i>Наумова В. В.</i> Работа с документами в процессе расследования экологических преступлений	171

Научная жизнь

<i>Новікаў С. Я.</i> XIX Міжнародная навуковая канферэнцыя «Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць» у МДЛУ	175
---	-----

Памяти коллеги

Кубека Сяргей Паўлавіч	180
------------------------------	-----

Обзоры и рецензии

<i>Новікаў С. Я.</i> Аўстрыйская канцэпцыя ўшанавання памяці ў Мемарыяльным комплексе «Трасцянец».....	181
<i>Усоский В. Н.</i> Природа экономического человека индустриальной рыночной экономики Западной Европы	188

Наши юбиляры

Бабровіч Вячаслаў Іванавіч (да 60-годдзя з дня нараджэння)	199
---	-----

ИСТОРИЯ

А. М. Кушнярэвіч-Шпэт

ГЕРМАНСКИ КАМПАНЕНТ
ЭТНАКУЛЬТУРНАЙ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.

Статья посвящена истории формирования немецкого этнического меньшинства на белорусских землях в период их вхождения в состав Российской империи. Характеризуются причины и состав миграционных и переселенческих потоков на каждом этапе. Называются места, причины исхода этнических мигрантов и переселенцев, а также их расселения в Беларуси.

Вывучэнне этнічнай гісторыі таго альбо іншага народа, пытанні міжэтнічных кантактаў, узаемаадносін, узаемауплываў і ўзаемаўзбагачэння нацыянальных культур заўжды былі і застаюцца актуальнымі праблемамі сучаснай этнакультуралогіі. У ракурсе ўзаемадзеяння культур асаблівае значэнне сёння набываюць праблемы фарміравання, развіцця і сучаснага стану этнічных меншасцяў, якія пражываюць за межамі асноўнай этнічнай тэрыторыі. Да аднаго з такіх этнакультурных утварэнняў адносяцца і беларускія немцы. Таму мэта публікацыі – прааналізаваць працэс, характар і матывы міграцый і перасяленняў этнічных груп немцаў на тэрыторыі Беларусі ў рамках распрацоўкі аднаго з раздзелаў індывідуальнай навуковай тэмы, прысвечанай германа-беларускім этнакультурным кантактам XIII–XIX ст. ва ўсёй іх разнастайнасці.

Слабае эканамічнае развіццё і спусташальныя войны на нямецкіх землях выклікалі ў апошняй чвэрці XVIII – пачатку XIX ст. новую актыўную эміграцыю насельніцтва ў розныя краіны Амерыкі і Еўропы. Гэтак жа пачаўся чарговы этап у гісторыі немцаў на Беларусі. Так, у XVIII ст. у асноўным мігравалі нямецкія сяляне з знішчанай Сямігадовай вайной Прусіі. Яны асядалі ў сельскай мясцовасці і займаліся пераважна земляробствам і жывёлагадоўляй, шырока выкарыстоўвалі капіталістычныя метады гаспадарання. Значная колькасць тых немцаў пасялілася ў Віцебскай губерні, дзе ўжо існавала значная дыяспара іх суайчыннікаў [1, с. 310].

Наступная хваля эміграцыі была выклікана Загадам 1817 г. «Пра прыём замежных каланістаў на прыватных землях» Расійскага імператара Аляксандра I, але яна ўжо адбывалася паводле строгіх крытэрыяў: патрабавалася наяўнасць вызначанага маёмаснага цэнзу. Найвялікшы поспех гэта кампанія мела для паўднёва-заходняй і паўднёвых правінцый Германіі.

Новая міграцыйная хваля была накіравана ў асноўным у раёны Прычарнамор'я і Каўказу, але немцы сяліліся таксама на тэрыторыях сучасных Украіны і Беларусі. Яна складалася пераважна з жыхароў Швабіі і ў меншай ступені – жыхароў Прусіі, Баварыі, Мекленбурга, Саксоніі, Эльзаса і Бадэна; Швейцарыі; нямецкіх жыхароў Польшчы.

Аляксандр I асобна вылучаў пасяленцаў, якія валодалі неабходнымі ведамі для рацыянальнага вядзення гаспадаркі. Планавалася, што яны будуць узорам у сялянскай справе і ў рамястве. Гэта былі добрыя землеўладальнікі, спрактыкаваныя ў вінаградарстве, вырошчванні тутаўніка, іншых раслін і з досведам у жывёлагадоўлі (асабліва ў развядзенні авечак палепшаных парод). Найбольшую інтэнсіўнасць перасяленне немцаў дасягнула ў 1804 г., 1816–1817 гг., і да 1842 г., ішло ў асноўным з Вюртэмбергу.

У час нацыянальна-вызваленчых паўстанняў на землях былога Вялікага Княства Літоўскага 1830–1831 і 1863–1864 гг. этнічныя немцы і італьянцы шырока прымалі ў іх удзел, і шмат з іх былі пакараны смерцю [2].

Асваенне нямецкімі каланістамі прастораў беларуска-украінскага Палесся пачалося з 1830 г., калі тут на землях князя Любамірскага ўзнікла першае нямецкае паселішча Фрыдрыхсдорф (Саломка). У 1860 г. у заходняй частцы Палесся на тэрыторыі Мінскай і Валынскай губерняў (Пінскі і Лунінецкі паветы) налічвалася ўжо 20 нямецкіх населеных пунктаў. Пасля адмены прыгону іх колькасць стала павялічвацца яшчэ больш хуткімі тэмпамі і ў 1870 г. дасягнула лічбы 58, у 1875 г. – 89, а ў 1882 г. – 155 нямецкіх пасяленняў, дзе пражывалі 21 640 жыхароў і з якіх 99 % (21 525 чал.) складалі немцы [3, с. 105].

Землеўладальнікі актыўна запрашалі немцаў працаваць кіраўнікамі маёнткаў, ляснічымі. Таму не выпадкова, што сярод служачых вотчыннай адміністрацыі Радзівілаў у XIX – пачатку XX ст. існавала трывалая праслойка служачых-немцаў, якія паходзілі з Прусіі [4, с. 181]. Сярод немцаў, якія жылі на тэрыторыі Беларусі, было нямала службоўцаў, арандатараў, аптэкараў, прамыслоўцаў. Так, напрыклад, Аршанскі піваварны завод, заснаваны ў 1883 г., належаў немцу Вайнбергу, у Бярозаўскім раёне невялікі завод належаў немцу Мартонсу.

У 1855 г. у вёсцы Уць Гомельскай вобласці з’явілася першая баптысцкая суполка штундыстаў, заснаваная пад уплывам нямецкіх каланістаў-менанітаў. Таксама з 1863 г. з Польшчы на поўдзень Беларусі пачалася хваля эміграцыі баптыстаў (сярод якіх было шмат немцаў).

Новы этап міграцыі немцаў на беларускія землі назіраўся ў другой палове XIX ст. і працягваўся да пачатку Першай сусветнай вайны. За гэты перыяд мелі месца тры масавыя хвалі. Паводле першага ўсерасійскага перапісу 1897 г. у канцы XIX ст. у Віленскай, Гродзенскай, Каўнаскай, Мінскай, Віцебскай і Магілёўскай губернях жылі 49 073 немцаў (0,49 % супольнага насельніцтва Беларусі) [2].

Асноўная ж плынь нямецкіх мігрантаў у XIX ст. на Беларусь паходзіла з Прусіі, Усходняй Германіі і Аўстра-Венгрыі. Так, паводле вышэй згаданага перапісу ў Мінскай губерні было зафіксавана замежных грамадзян: выхадцаў з Прусіі – 958 чалавек, Аўстра-Венгрыі – 693, Германіі – 497, Саксоніі – 20, Вюртэмберга – 12, Баварыі – 6. Прычым колькасць мігрантаў-мужчын нязначна перавышала колькасць жанчын: напрыклад, выхадцаў з Прусіі

ў Мінскай губерні налічвалася 490 мужчын і 468 жанчын, з Германіі ўвогуле – адпаведна – 279 і 218. Прыкладна такая ж карціна назіралася і ў іншых беларускіх губернях.

Новыя нямецкія мігранты былі прадстаўлены даволі шматлікімі групамі, не схільнымі адаптавацца да мясцовых соцыя- і этнакультурных умоў, бо ўстойліва захоўвалі традыцыі сваіх продкаў, родную мову і гістарычную памяць. У пачатку ХХ ст. многія з іх нашчадкаў у сувязі з правядзеннем сталыпінскай аграрнай рэформы перасяліліся ў Сібір.

Больш актыўнымі і плённымі былі сувязі мясцовага насельніцтва і нямецкіх пасяленцаў у беларускіх гарадах. Тут здаўна існавалі нямецкія культурныя асяродкі, гандлёвыя і прамысловыя ўстановы, лютэранскія цэрквы. У параўнанні з вёскай узаемаконттакты на бытавым узроўні, працэсы інтэграцыі і акультурацыі тут праходзілі інтэнсіўней. Разам з тым нямецкія мігранты падтрымлівалі ўстойлівыя сувязі са сваёй радзімай, адкуль запрашалі сваякоў і знаёмых на часовае і пастаяннае жыхарства, давалі ім прытулак і фінансавую дапамогу [3, с. 106].

З 1870-х гадоў іміграцыя немцаў у Расійскую імперыю пачала спыняцца. У многім гэта было абумоўлена адменай у адносінах да каланістаў ільгот па адбыванні ваеннай павіннасці і пахаладаннем у расійска-германскіх адносінах. Больш за тое, вялікая колькасць немцаў пачала эміграваць з самой Расійскай імперыі, прычым не ў Германію, а галоўным чынам у ЗША. Усяго да 1914 г. у Амерыку з'ехала да 200 тыс. этнічных немцаў, якія такім чынам склалі адну з найбуйнейшых плыняў дарэвалюцыйнай эміграцыі з Расійскай імперыі (нароўні з яўрэямі, палякамі, беларусамі, літоўцамі і фінамі).

У канцы ХІХ – пачатку ХХ ст. назіралася міграцыйная хваля немцаў з Валыні (Украіна) на Палессе. З дапамогай латышкага банкіра Анзельмава нямецкія каланісты набывалі зямлю ў Палессі (сучасныя Нараўлянскі, Ельскі, Лельчыцкі раёны Гомельскай вобласці). Памешчыкі Беларусі давалі ў арэнду немцам зямлю і ўтойвалі гэта ад улад, каб не выплочваць падаткі.

Асноўная колькасць этнічных немцаў пачала перасяляцца ў Мазырскае Палессе прыкладна з 1905 г. Так, паводле афіцыйных звестак на студзень 1905 г., у маёнтку Клесіне (сучасны Нараўлянскі раён) пражывала ў якасці арандатараў каля 200 сямействаў немцаў-каланістаў. У студзені 1911 г. у раёне ўжо налічвалася каля 700 сямействаў каланістаў – пакупнікоў зямлі, галоўным чынам, немцаў. Гэта міграцыя была вымушанай мерай і мела эканамічны (земляробчы) характар. Да гэтага нямецкія каланісты жылі галоўным чынам ва Украіне, дзе пераважна арандавалі абшарніцкую зямлю ці мелі невялікую яе колькасць ва ўласнасці. Пасля ўскладнення арэндных адносін немцы перасяліліся ў суседнюю Мазыршчыну, набылі зямлю праз банк у мясцовага памешчыка Ансэльма (Анзэльма) і ў буйнога землеўладальніка Шоманскага. Як правіла, гэтыя немцы-каланісты ўжо былі расійскімі падданымі, прыпісанымі да розных сялянскіх грамадаў Украіны.

У сувязі з Першай сусветнай вайной шматлікія немцы з'ехалі з Беларускага Палесся, распрадаўшы свае землі. Гэта было выклікана таксама

загадам расійскага ваеннага камандавання 1915 г. высяліць немцаў-каланістаў з прыфрантавой паласы ў 24-гадзінны тэрмін (загад не распаўсюджваўся на нямецкія сем'і, члены якіх служылі ў царскім войску). І пасля высылкі вярнуліся не ўсе. Шмат немцаў назаўжды пакінула Палессе зыходам кайзераўскіх войскаў у 1918 годзе.

Такім чынам, у час Першай сусветнай вайны колькасць нямецкіх каланістаў Беларусі значна змяншалася. Гэта было яшчэ звязана з дэпартацыяй немцаў з прыфрантавой зоны ў Сібір. Знікла шмат нямецкіх кампактных паселішчаў, у грамадскіх месцах забаранялася ўжыванне нямецкай мовы [2].

Больш-менш поўную карціну аб колькасці немцаў у Беларусі даў згаданы вышэй першы ўсерасійскі перапіс насельніцтва 1897 г. Тады этнічная ідэнтыфікацыя праводзілася перапісчыкамі на аснове мовы, у выніку чаго да немцаў былі аднесены толькі тыя грамадзяне, якія назвалі ў якасці сваёй роднай нямецкую. Паводле вынікаў нямецкая дыяспара ў беларускіх губернях налічвала больш за 50 тыс. чалавек, што складала 0,49 % ад усяго насельніцтва дзяржавы [5, с. 31]. Пазначаная колькасць нямецкага насельніцтва размяркоўвалася па беларускіх губернях наступным чынам:

- больш за 10 тыс. немцаў жыло ў Гродзенскай губерні (найбольш значная група ў раёне Беластока);
- каля 4 тыс. у Віленскай губерні;
- больш за 7 тыс. – у Віцебскай губерні (найбольш у Віцебску і Віцебскім павеце);
- да 4 і 1,8 тыс. пражывала адпаведна ў Мінскай і Магілёўскай губернях;
- сярод іншых этнічных груп і па сваёй колькасці немцы пераўзыходзілі літоўцаў, латышоў, татар і цыган.

Удзельная вага немцаў сярод гарадскога насельніцтва была даволі значнай. Так, у Вільні, паводле перапісу 1897 г., пражывала 2170 немцаў, што складала 1,7 % мясцовых гараджан, у Беластоку – 3703 (5,6 %), у Мінску 645 (0,7 %), Гродне – 375, у Віцебску – 970 (1,3 %). Аднак, калі зыходзіць з абсалютнай колькасці нямецкага насельніцтва, то большасць яго пражывала ўсё ж не ў гарадах, а ў паветах (сельскай мясцовасці).

З перапісу вынікала, што немцы рассяляліся па тэрыторыі беларускіх земляў нераўнамерна. У канцы XIX ст. найбольш шматлікія дыяспры існавалі ў Беластоцкім (7412 чал.), Дзвінскім (4242), Віленскім (2844), Мінскім (1655), Віцебскім (1214), Бабруйскім (1045) паветах. Даволі прыкметнай была доля нямецкіх каланістаў сярод палескага насельніцтва: у Пінскім павеце ў той час пражывала 670 немцаў (0,23 %), а ў Мазырскім – 638 (0,35 % жыхароў павета). Прычым абсалютная колькасць нямецкага насельніцтва сялілася тут у сельскай мясцоваці: у прыватнасці, у Мазырскім павеце з 638 жыхароў германскага паходжання толькі 11 пражывалі ў горадзе [2].

Найвялікшая колькасць нямецкіх каланістаў была ў Беластоцкім уездзе Гродзенскай губерні – 76 % ад усёй колькасці нямецкага насельніцтва ў беларускіх землях. Толькі на адзін Беласток прыпадала палова ўсіх немцаў губерні. Менш за ўсё немцаў было ў Магілёўскай губерні – 1,3 тыс. [6, с. 73].

Звычайна нямецкія каланісты бралі ў арэнду лясныя дзялянкі памерамі 5–15 дзесяцін на 10–12 год. Новапасаенцы выкарчоўвалі лес, выкарыстоўвалі на свае патрэбы будаўнічы матэрыял, а затым поле засявалі адборным насеннем, ураджай атрымліваўся даволі высокім, асабліва ў першыя гады. Пасля яны прадавалі ўчастак новым каланістам, атрымлівалі пэўны прыбытак і рухаліся далей, каб асвойваць новыя лясныя прасторы.

Распрацоўка лясных дзялянак нямецкімі каланістамі стварала пэўныя нязручнасці для мясцовага беларускага насельніцтва, якое пазбаўлялася магчымасці пасвіць на арандаваных землях статак, нарыхтоўваць дровы, грыбы, ягады і інш. Такія акалічнасці часам спараджалі насцярожанасць і некаторую напружанасць паміж беларускімі сялянамі і нямецкімі арандатарамі. Разам з тым адбываліся карысныя кантакты і нават узаемаўплывы, бо заможныя сяляне набывалі ў каланістаў больш сучасныя прамысловыя тавары, сельскагаспадарчыя прылады – жалезныя плугі, бароны, веялкі, будаўнічыя канструкцыі і інш. [3, с. 108].

У канцы XIX ст. большасць жыхароў Беларусі нямецкага паходжання складалі пратэстанты (85–90 %), астатнія – каталікі (6–9 %), праваслаўныя (2 %), іўдзеі (1–1,5 %). Апошнія лічбы адлюстроўвалі працэсы адаптацыі немцаў да мясцовых этнакультурных умоў [1, с. 311]. Цікава, што пасля пераселення асобныя немцы працягвалі захоўваць грамадзянства Германіі, але з пачаткам Першай сусветнай вайны імкнуліся перайсці ў расійскае падданства з-за пераследаванняў з боку мясцовых жыхароў.

Большасць немцаў на Беларусі была занята ў аграрным сектары ў якасці арандатараў, эканомоў, у рамеснай дзейнасці і гандлі, апрацоўчых промыслах і сферы абслугоўвання. Разам з тым існавала вузкая праслойка гарадскіх жыхароў, якія трымалі крамы, аптэкі і прадпрыемствы. Некаторыя немцы служылі ва ўзброеных сілах расійскай арміі [6, с. 73]. Пераважная іх колькасць займалася сельскай гаспадаркай. Сярод іх былі і аканомы маёнткаў. Значная частка немцаў-гараджан была занята на вайскавай і дзяржаўнай службе Расійскай імперыі. Яны былі таксама фабрыкантамі, аптэкарамі, служачымі чыгунак, рамеснікамі.

У 1908–1910 гг. прайшла новая хваля перасялення немцаў з Валыні на Беларускае Палессе. Так, у пачатку 1915 г. у калоніі Нейдорф Дамачэўскай воласці Брэсцкага ўезда Гродзенскай губерні пражывала 788 немцаў каланістаў-лютэран і 473 каланістаў-каталікоў. У гэты час лютэранскія цэрквы (кірхі) былі ў Віцебску, Гродне, Магілёве, Мінску, Полацку, пры іх існавалі прыходскія нямецкія школы. У 1910 г. у Віцебску дзейнічала Нямецкае дабрачыннае таварыства. У пачатку Першай сусветнай вайны многія немцы былі прымусова выселены з Беларусі ўглыб Расіі, аднак пасля вайны большасць з іх вярнулася [Там же].

Першая ж значная хваля беларускай міграцыі ў Германію на мяжы XIX–XX ст. была абумоўлена сацыяльна-эканамічнымі прычынамі. У 1890 г. у Германіі працавалі 200 беларусаў, у 1900 г. – 4 тыс.; у 1919 г. – 44 тыс.; 1911 г. – 108 тыс.; у 1912 г. – больш за 144 тыс. чалавек. З пачаткам першай суетнай вайны эміграцыйны рух з беларускіх зямель спыніўся [7, с. 190].

Такім чынам, фарміраванне нямецкай этнічнай меншасці ў XIX – пачатку XX ст. на беларускіх землях адбывалася ў тры этапы, абумоўленых негатыўнымі наступствамі тагачасных складаных эканамічных, дэмаграфічных і палітычных працэсаў у германскіх землях:

- 1) пачатак XIX ст.;
- 2) трэцяя чвэрць XIX ст.;
- 3) канец XIX – пачатак XX ст.

У развіцці германа-беларускіх этнакультурных кантактаў разглядаемага часу пераважна назіраўся анклаўны спосаб рассялення нямецкіх перасяленцаў, які садзейнічаў іх тэрытарыяльна-культурнай і культурна-бытавой кансалідацыі. Нямецкая этнічная супольнасць на Беларусі мела адметныя асаблівасці ў культурных традыцыях і самасвядомасці. Яна садзейнічала распаўсюджванню ў беларускай культуры еўрапейскіх цывілізацыйных параметраў.

ЛІТАРАТУРА

1. *Навагродскі, Т. А.* Этналогія Беларусі : традыцыйная культура насельніцтва ў гістарычнай перспектыве : вучэб.-метад. дапам. / Т. А. Навагродскі, В. В. Гарбачова, С. А. Захаркевіч. – Мінск : БДУ, 2009. – 335 с.
2. Немцы ў Беларусі [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://be.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступу : 28.03.21.
3. *Цітоў, В.* Нямецкая дыяспра ў Беларусі XIX – пачатку XX ст. / В. Цітоў // Беларуска-нямецкае грамадска-культурнае ўзаемадзеянне : гісторыя, сучаснасць, перспектывы / Міжнар. асац. беларусістаў, Нац. навук.-асвет. цэнтр імя Ф. Скарыны ; рэдкал.: А. Мальдзіс (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1996. – С. 105–109.
4. *Кахновіч, В. А.* Немцы ў валоданнях Радзівілаў на Палессі (другая палова XIX – пачатку XX ст.) / В. А. Кахновіч // Этнакультурнае развіццё Беларусі в XIX – начале XX ст. // Матэрыялы Міжнародн. науч.-практ. конф., 19–20 мая 2010 г. ; Мінск, БГУ / рэдкал.: Т. А. Новогродскі. – Мінск, 2011. – С. 180–185.
5. *Тугай, В. В.* Немецкий этнос в Беларуси в XIV – 30-х гг. XX в. / В. В. Тугай // Европа : актуальныя праблемы этнакультуры : матэрыялы VI Міжнародн. науч.-теорет. конф., г. Мінск, 22 дек. 2014 г. / Бел. гос. пед. ун-т ім. М. Танка ; рэдкал.: В. В. Тугай (отв. ред.) [і др.]. – Мінск, 2015. – С. 30–35.

6. *Дмитриева, О. П.* Национальные общности на территории Беларуси накануне Первой мировой войны. Численность и состав / О. П. Дмитриева // Гістарычна-археалагічны зборнік / Ін-т гісторыі НАН Беларусі ; гал. рэд. : А. А. Каваленя. – Мінск, 2003. – С. 67–74.
7. *Карашчанка, І.* Немцы / І. Карашчанка, А. Майснер // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск, 1999. – Т. 5. – С. 189–190.

Поступила в редакцию 30.03.2021

С. Г. Лютко

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ЗЕМЛЯХ БЕЛАРУСИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья посвящена актуальным и малоисследованным вопросам становления и развития системы военного образования на территории Беларуси в досоветский период. В ней представлена периодизация развития военной школы на белорусских землях, приводятся факты о деятельности всех военно-учебных заведений Речи Посполитой и Российской империи, готовивших офицерские кадры для вооруженных сил этих государств в XVII – начале XX в.

Подготовка профессиональных кадров для вооруженных сил занимает важное место в системе обеспечения военной безопасности государства. В этом отношении большой интерес представляет накопленный исторический опыт, учет которого необходим для правильных, научно обоснованных подходов в военном строительстве.

В отечественной историографии имеется всего несколько изданий, посвященных отдельным страницам развития военного образования на территории Беларуси. В первую очередь, это исследование П. И. Бригадина и А. М. Лукашевича «Военная школа в Беларуси. XVIII – первая четверть XIX в.» (в нем показана история кадетских корпусов на белорусских землях в периоды Речи Посполитой и Российской империи) и «Военная школа Беларуси: традиции и современность» (в книге сделана попытка раскрыть историю подготовки профессиональных военных кадров на белорусских землях с 1740-х гг. до 2010 г.). В обоих изданиях авторам, к сожалению, не удалось полностью раскрыть заявленные темы: ряд военно-учебных заведений в книгах даже не упомянут (например, кадетский корпус в Слуцке, Рыцарская школа в Гродно, Могилёвское офицерское училище – предшественник Императорской военной академии Генерального штаба, Минское артиллерийско-минометное училище). Отдельным проблемам истории военного образования на белорусских землях посвящены статьи И. А. Мисурягина, В. А. Лисовского и А. Л. Самовича. Определенный вклад в раскрытие проблемы подготовки военных кадров на территории Беларуси внес Б. Д. Долготович, однако его книга «Объединенная Белорусская военная школа – кузница кадров» посвящена, главным образом, персоналиям выпускников этого военно-учебного заведения. Отдельную информацию по данной проблеме можно найти в энциклопедических изданиях: «Вялікае княства

Літоўскае», «Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне. 1941–1945», «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі» і «Рэспубліка Беларусь. Энцыклапедыя», а такжэ в выданні «Краснознаменный Белорусский военный округ». Ісцючыкамі служаць такжэ мемуарныя успамінаніа і кнігі серыі «Памяць». В цэлом жэ можна сдэлаць вывяд, што к настоащэму врэмени в отечественной историографіі імеюцца лішь разрозненныа ісследованія по отдельным вопросам создания и развития военного образования на территории нашей Родины, а сама історія военого обралоования на белорусских землях являється малоісзученой проблемой. Поэтому цель данной статьи – ісследовать через історію военого-учебных заведений создание и развитие системы военного образования в Беларуси в комплексе, определить основные этапы ее развития и показать все военого-учебные заведения, когда-либо существовавшие в пределах нынешней Беларуси в XVIII – начале XX вв.

Развитие военной школы на белорусских землях можно условно разделить на несколько периодов:

1740–1770-е гг. – зарождение военного образования (Беларусь в составе Речи Посполитой);

конец XVIII в. – 1917 г. – развитие военного образования в период Российской империи;

1918–1945 гг. – развитие военного образования в годы Гражданской войны, межвоенный период и во время Великой Отечественной войны;

1945–1991 гг. – развитие военного образования на территории Белорусской ССР в послевоенный период;

1991 г. – настоящее время – развитие военного образования в Республике Беларусь.

Поскольку всю информацию о военно-учебных заведениях в силу ее объема очень трудно рассмотреть в рамках одной статьи, остановимся на первых двух этапах.

До 40-х гг. XVIII ст. какой-либо специальной системы подготовки профессиональных военных кадров в военно-учебных заведениях на белорусских землях не существовало. Конечно же, это не означает, что офицеров не готовили. Шляхтичи, составлявшие основу офицерского корпуса войска Великого Княжества Литовского, изучали основы тактики и военную историю, обучались фехтованию, стрельбе, верховой езде и другим военным дисциплинам на дому, а затем закрепляли полученные знания в ходе частых военных конфликтов с соседями и во время службы в армиях других европейских государств.

Развитие военного искусства и совершенствование вооружения в XVIII ст. привели к тому, что к войсковому командиру стали предъявляться более серьезные требования: помимо личных рыцарских качеств и высокой индивидуальной боевой подготовки он должен был также обладать необходимыми знаниями по организации боя, уметь управлять большими по численности соединениями, организовывать интендантскую службу и взаимодействие между различными родами войск (пехотой, конницей и артиллерией). Так возникла необходимость в едином государственном подходе к подготовке офицеров для вооруженных сил.

Однако первыми военно-учебными заведениями на территории Беларуси стали частные заведения, появление которых неразрывно связано с одним из могущественнейших магнатских родов на нашей земле – Радзивиллов.

Около 1740 г. в «столице» радзивилловских владений – Несвиже – польным гетманом Великого Княжества Литовского князем Михаилом Казимиром Радзивиллом Рыбонькой на личные средства был открыт кадетский корпус – первое военно-учебное заведение на территории Беларуси [1]. В нем обучались сыновья самого князя и подростки-шляхтичи из семей сторонников Радзивиллов со всей Речи Посполитой, которым исполнилось на момент поступления 14 лет [1; 2, с. 13]. Поскольку заведение было частным, то и выпускало оно военные кадры исключительно для собственного войска гетмана. Так был сделан важный шаг вперед – от индивидуальной домашней подготовки будущих офицеров к их организованной совместной подготовке в рамках военно-учебного заведения, пускай частного, но принадлежащего одному из самых влиятельных родов Беларуси, организованного к тому же польным гетманом (впоследствии М. К. Радзивилл получил и булаву великого гетмана). Поэтому кадетский корпус в Несвиже мы можем рассматривать как переходную форму от индивидуальной подготовки офицеров к государственной.

Срок обучения кадет составлял от 3 до 5 лет в 1740–1747 гг. и 6–7 лет в 1747–1754 гг. На потоке обучалось 12–14 воспитанников, разделенных на две учебные группы [1]. Среди изучаемых дисциплин были как общеобразовательные, так и военные: математика, гражданская и военная архитектура, рисование, право, отечественная и всеобщая история, французский, немецкий, русский, латинский языки, верховая езда, фехтование, танцы. Воспитанники несли постовую службу [3, с. 373].

Примеру несвижского князя последовал его брат Героним Флориан Радзивилл, основавший приблизительно в это же время в своем личном владении – г. Белая (теперь г. Бяла-Подляска в Люблинском воеводстве, Польша) собственный кадетский корпус, позже переведенный в Слуцк (примерно в конце 40-х – начале 50-х гг. XVIII в.) [2, с. 9, 488]. Здесь обучалось от 40 до 60 человек [1].

Оба кадетских корпуса просуществовали до середины 1750-х гг. и были закрыты.

В 1767 г. сын великого гетмана князь Кароль Станислав Радзивилл Пане Коханку, закончивший в свое время Несвижский кадетский корпус, восстановил его деятельность в новом качестве. При этом значительно расширили социальную базу обучающихся – в число кадет попали дети мещан, что для того времени было необычным. Изменилась и программа обучения – добавились дисциплины «артиллерия» и «инженерия» [3, с. 373]. Предполагалось, что после обновления в кадетском корпусе будет обучаться 48 человек, но реальное количество учащихся было значительно меньшим: например, в октябре 1770 г. в нем проходило обучение всего 17 человек. Преподавателями были преимущественно немцы, а также выпускники предыдущих лет. Кадетам ежемесячно выплачивалась стипендия в размере 24 злотых [2, с. 16].

Окончательно военно-учебное заведение в Несвиже прекратило свою деятельность в середине 1770-х гг.

Первое государственное военно-учебное заведение на белорусских землях создано в 1774 г. в Гродно по инициативе одного из крупнейших белорусских реформаторов второй половины XVIII в. гродненского старосты графа Антония Тызенгауза. Здесь, по аналогии с Варшавой, был образован кадетский корпус, или Рыцарская школа, в которой ежегодно обучалось около 20 кадет исключительно для войска Великого Княжества Литовского (в 1774 г. – 17 человек, в 1775 – 23) [4, с. 5]. Она размещалась в построенном по инициативе А. Тызенгауза предместье Гродно – Городнице [3, с. 677]. Обучение осуществляли всего 7 преподавателей, руководил которыми войсковой инженер саксонец Ф. К. Фроелих (до этого – директор Несвижского кадетского корпуса) [2, с. 15–17]. Среди предметов обучения были: арифметика, алгебра, геометрия, немецкий язык, фехтование, строевая подготовка и другие [5, с. 500].

В 1776 г. рыцарскую школу перевели в Вильно [Там же].

Таким образом, в XVIII в. на белорусских землях, входящих в состав Речи Посполитой, действовали три средних военно-учебных заведения (кадетских корпуса): частные в Несвиже и Слуцке и государственное в Гродно, что стало началом создания системы военного образования в Беларуси (табл. 1).

Можно отметить следующие характерные черты деятельности первых военно-учебных заведений в Беларуси. Кадетские корпуса периода Речи Посполитой создавались по инициативе отдельных лиц, занимавших важные административные должности в государстве (гетмана, городского старосты). Они были небольшими: до 10 преподавателей и до 60 воспитанников, как правило, из шляхты. В течение довольно длительного срока обучения кадетам преподавались как общеобразовательные, так и военные дисциплины. При этом мы нигде не встречаем упоминания о полевых занятиях.

Так в XVIII ст. было положено начало системе военного образования на белорусских землях.

Т а б л и ц а 1

Военно-учебные заведения на территории Беларуси
в период Речи Посполитой

Место дислокации	Наименование	Приблизительные годы существования
Гродно	Рыцарская школа	1774–1776
Несвиж	Кадетский корпус	1740–1754
	Корпус артиллерии и инженерии	1767–1774
Слуцк	Кадетский корпус	1750–1754

На территории восточной Беларуси, вошедшей в состав Российской империи в 1772 г. в результате первого раздела Речи Посполитой, первым военно-учебным заведением стало Шкловское благородное училище – также частное учреждение, образованное в 1778 г. на собственные средства генерал-майором Семеном Гавриловичем Зоричем, сербом по национальности, героем русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и одним из фаворитов Екатерины II. Однако, в отличие от кадетских корпусов князей Радзивиллов, выпускники этого училища направлялись на службу в регулярную армию. Обучались здесь преимущественно дети бедных дворян из Могилёвской, Смоленской, Черниговской и других соседних губерний. Срок обучения составлял 7 лет, на потоке учились от 7 до 30 воспитанников [6].

В 1799 г., после смерти своего мецената, военное училище в Шклове стало государственным и было переименовано в кадетский корпус, а в следующем году его 211 воспитанников разных классов решением императора Павла перевели в Гродно – так появился Гродненский кадетский корпус, размещенный в Новом замке [6; 7]. Однако в Гродно корпус оставался недолго – по просьбе дворянства Смоленской губернии в 1807 г. он был переведен в Смоленск [7; 8].

В связи с появлением такого органа руководства войсками, как генеральный штаб, в конце XVIII – начале XIX в. возникла специальная штабная служба, называвшаяся в то время квартирмейстерской, и должность генерал-квартирмейстера. Опыт Наполеоновских войн показал, что круг вопросов, решаемых квартирмейстерами, был достаточно важным и сложным (на них возлагались организация и руководство разведкой, организация изучения местности и дорог, передвижения войск, их расквартирования и другие вопросы [9, с. 10]), и возникла потребность в их специальной подготовке.

Примечательным является тот факт, что первое в Российской империи высшее военно-учебное заведение по подготовке офицеров стратегического уровня появилось именно на белорусской земле: в 1820 г., в царствование Александра I, было создано Могилёвское офицерское училище. По сути с него и берет начало история подготовки офицерских кадров для службы в Генеральном штабе на территории Беларуси и России – до создания Императорской военной академии (в последующем академии Генерального штаба) училище являлось ведущим образовательным центром по подготовке специалистов штабного профиля.

На учебу принимались, после сдачи экзамена, офицеры, окончившие кадетские корпуса. Ежегодный набор составлял не более 30 человек. Подготовка осуществлялась в течение двух лет. На первом курсе слушатели изучали тактику, географию, историю, фортификацию и артиллерию, дело-производство, алгебру, геометрию и тригонометрию, русский и немецкий языки. На втором – продолжалось изучение тактики, истории, географии

и алгебры, а также слушателям преподавались стратегия, умение «сочинять диспозиции и реляции», французский и немецкий языки [9, с. 15–16; 10, с. 14]. Таким образом, первый курс предназначался для совершенствования военного образования по программе подготовки строевых офицеров, а второй – для целенаправленного обучения слушателей применительно к особенностям квартирмейстерской службы.

Училище в Могилёве просуществовало до 1830 г. [11, с. 16]

Вскоре в Беларуси были открыты еще два кадетских корпуса: в 1835 г. – Полоцкий и в 1842 г. – Брестский. Так же, как и другие подобные военно-учебные заведения, они принимали ежегодно до 100 детей из дворянских семей в возрасте от 8 до 12 лет. При этом долгое время преимущество отдавалось литвинам и полякам (самым известным из выпускников Брестского кадетского корпуса был, пожалуй, Ярослав Домбровский – польский революционер и герой Парижской коммуны 1871 г.) [11; 12].

Срок обучения в обоих корпусах составлял 7 лет. Это были учебные заведения закрытого типа. Воспитанники изучали как общеобразовательные (языки, естественные и общественные науки, музыку и танцы), так и военные (строевую подготовку, верховую езду, стрельбу, фехтование, гимнастику, плавание) дисциплины, обучались светской манере поведения [Там же].

В 1854 г., в связи с начавшейся Крымской войной, Брестский кадетский корпус перевели в Москву [11], а Полоцкий в 1865 г., в рамках мероприятий по совершенствованию системы подготовки офицерских кадров во время Милютинской военной реформы (1862–1879), реорганизовали в военную гимназию [12, с. 43]. При этом срок учебы был сокращен до 6 лет, в трех младших классах обучение стало носить характер начального, резко было сокращено количество времени, отводимого на изучение военных дисциплин, – по сути, военная гимназия стала мало чем отличаться от обычной школы. Ее выпускники, пожелавшие избрать профессию военного, поступали в военные либо юнкерские училища, готовившие офицеров для российской армии.

В 1882 г. военные гимназии переименовали в кадетские корпуса, и, таким образом, Полоцкий кадетский корпус был восстановлен [12]. В городе на Двине он просуществовал до начала Первой мировой войны – в 1914 г. его эвакуировали в глубь страны [8; 12, с. 45].

Таким образом, в имперский период на территории современной Беларуси военно-учебные заведения по-прежнему были представлены в основном кадетскими корпусами, в которых в середине XIX – начале XX вв. обучалось уже гораздо большее количество кадет, чем в аналогичных заведениях XVIII ст. (табл. 2). Примечательным является создание и функционирование Могилёвского офицерского училища – прообраза академии Генерального штаба.

Военно-учебные заведения на территории Беларуси
в период Российской империи

Место дислокации	Наименование	Годы существования
Брест	Кадетский корпус	1842–1854
Гродно	Кадетский корпус	1800–1807
Могилёв	Офицерское училище	1820–1830
Полоцк	Кадетский корпус	1835–1865, 1882–1914
Шклов	Благородное училище – кадетский корпус	1778–1800

Мы видим, что отечественная система военного образования имеет глубокие исторические корни. Пройдя длительный путь развития от частных кадетских корпусов до современных многопрофильных военно-учебных заведений, готовящих офицеров всех уровней для всех видов Вооруженных Сил и родов войск, она продолжает развиваться, опираясь на накопленный опыт.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кривошеев, Д.* Организация и функционирование кадетских корпусов Несвижа в 40-е – середине 50-х г. XVIII в. / Д. Кривошеев // *Новости и история Беларуси : Белорусская история, культура и новости* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://belhist.ru>. – Дата доступа : 21.12.2016.
2. *Бригадин, П. И.* Военная школа в Беларуси. XVIII – первая четверть XIX в. / П. И. Бригадин, А. М. Лукашевич. – Минск : Изд. центр БГУ, 2004. – 120 с.
3. Вялікае княства Літоўскае : энцыкл. : у 2 т. / рэдкал. Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2007. – Т. 2. – 792 с.
4. *Грыгор’еў, М.* Войска ВКЛ ад Сасаў да Касцюшкі (1765–1794) / М. Грыгор’еў. – Менск : Выдавец Зьміцер Саломкін, 1994. – 120 с.
5. Вялікае княства Літоўскае : энцыкл. : у 2 т. / рэдкал. Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2007. – Т. 1. – 688 с.
6. *Крылов, В. М.* Кадетские корпуса и российские кадеты [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscadet.ru>. – Дата доступа : 21.12.2016.
7. *Сенько, В. В.* История образования кадетских корпусов на территории Беларуси [Электронный ресурс] / В. В. Сенько, Р. В. Шишко. – Режим доступа : <http://ucstork.info>. – Дата доступа : 21.12.2016.
8. *Самович, А. Л.* Военно-учебные заведения на территории Беларуси (XVIII – первая половина XX в.) / А. Л. Самович // *Армия*. – 2006. – № 2. – С. 50–51.
9. От штаба округа к Генеральному штабу Вооруженных Сил Республики Беларусь (1918–2011 гг.) / О. К. Кривонос [и др.] ; под общ. ред. П. Н. Тихоновского. – Минск : БЕЛТА, 2011. – 300 с.

10. Академия Генерального штаба. 170 лет / под ред. В. С. Чичеватова. – М. : Защитники Отечества, 2002. – 560 с.
11. Александровский Брестский кадетский корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscadet.ru>. – Дата доступа : 21.12.2016.
12. Самович, А. Л. Полоцкий кадетский корпус / А. Л. Самович // Армия. – 2002. – № 2. – С. 42–45.

Поступила в редакцию 06.04.2021

С. Я. Новікаў

НОВЫЯ АРХІЎНЫЯ КРЫНІЦЫ ПРА НАЦЫСЦКІ ЭКАНАМІЧНЫ ГЕНАЦЫД НАСЕЛЬНІЦТВА ЁСХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (1941–1944 гг.)¹

В публикации анализируются немецкие документальные источники по истории нацистского экономического геноцида гражданского населения на оккупированной территории Беларуси. Автор вводит малоизвестные статистические данные об использовании белорусских мужчин, женщин и детей в качестве рабочей силы на промышленных, сельскохозяйственных и иных объектах, в том числе показывает масштабы эксплуатации гражданского населения, советских военнопленных, жителей деревни и беженцев.

Дакументальныя матэрыялы нямецкай трафейнай калекцыі эканамічнай інспекцыі (далей – ЭІ) «Цэнтр» (ням. *Wi In Mitte*), захаваныя ў фондах НА РБ, пераканаўча сведчаць пра фактычныя маштабы гаспадарчага выкарыстання эканамічных рэсурсаў і людскога патэнцыялу на акупаванай тэрыторыі ўсходняй Беларусі ў 1941–1944 гг. З першых дзён ваеннай агрэсіі германскі вермахт кіраваўся інструкцыямі, падпісанымі рэйхсмаршалам Г. Герынгам напярэдадні вайны з СССР, дзе разам з баявымі дзеяннямі павінны былі распачаць сваю дзейнасць ваенна-эканамічныя органы і спецыяльныя гаспадарчыя службы дзеля таго, каб вермахт быў здольны надалей забяспечваць сябе харчаваннем з акупаваных усходніх тэрыторый [1, с. 149]. Вышэйшым законам далейшага вядзення вайны нацысцкае кіраўніцтва аб'яўляла «патрэбы ваеннай эканомікі», да ліку якіх разам з сельскай гаспадаркай уключалася аднаўленне прамысловай вытворчасці, але перш за ўсё – выкарыстанне людскіх рэсурсаў з захопленай тэрыторыі СССР [2, с. 367].

З першых дзён германскай ваеннай агрэсіі супраць СССР уступалі ў сілу «Дырэктывы па вядзенні гаспадаркі на новазанятых ўсходніх тэрыторыях (Зялёная папка)», якія, як падкрэслівалася ў распараджэнні начальніка штаба вярхоўнага камандавання вермахта В. Кейтэля, павінны былі «выконвацца ўсімі вайсковымі часцямі». У адпаведнасці з дакументам галоўнаму каман-

¹ Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь.

даванню арміямі і ваенна-гаспадарчым службам часцей вермахта належала прыняць усе меры па тэрміновым і поўным выкарыстанні занятай усходняй тэрыторыі [3, Вл. 6–7].

Фактычна праз тры тыдні пасля пачатку аперацыі «Барбароса» тэрыторыя Беларусі з яе эканамічным патэнцыялам і людскімі рэсурсамі аказаліся галоўным аб'ектам для цэлага шэрагу ваенна-гаспадарчых органаў, у тым ліку:

- 3 гаспадарчых аддзелаў (ням. IV Wi) пры галоўнакамандуючых арміямі;
- 7 гаспадарчых груп (ням. Gruppe IV Wi) пры палявых камендатурах;
- 4 гаспадарчых каманд (далей – ГК) (ням. Wi Kdos) з трыма філіяламі пры гаспадарчай інспекцыі (далей – ГІ) (ням. Wi In) «Цэнтр» (створанай у Нова-Барысаве і задзейнічанай у тылавым раёне групы армій «Цэнтр» (ням. Mitte) [4, Вл. 81–87]).

Паводле дырэктыўных указанняў ГІ з падпарадкаванымі ёй службамі групы армій «Цэнтр» былі абавязаны аператыўна наладзіць харчовае забеспячэнне вайсковых часцей вермахта, агульная лічба якога толькі на гэтай тэрыторыі ў канцы лета пераўзыходзіла 1,5 млн чалавек. Галоўнай «выканаўчай сілай па выкарыстанні занятай краіны», як адзначалася ў дырэктывах, становіліся гаспадарчыя каманды: разам з вырашэннем задач па харчовым забеспячэнні яны адказвалі за прыцягненне рабочай сілы, аднаўленне прамысловай вытворчасці, нарыхтоўку сыравіны і апрацоўку матэрыялаў, вядзенне лясной гаспадаркі і дрэваапрацоўку, арганізацыю банкаўскай справы і гандлю. Кожную каманду складалі аддзелы і пададдзелы, створаныя з мэтай забеспячэння як часцей вермахта, так і іншых падраздзяленняў, у тым ліку часцей войск СС і паліцыі [5, с. 295].

Дзейнасць ГІ «Цэнтр» пачалася з 12 ліпеня 1941 г. – даты выхаду асобнага распараджэння № 1. У адпаведнасці з дакументам уся занятая да таго часу тэрыторыя Беларусі ўваходзіла ў сферу дзейнасці ГК «Белгард» (ням. Belgard) (Мінск), «Хіршберг» (Віцебск), «Бунцлаў» (Бабруйск), «Швейдніц» (Орша), якія прадвызначаліся ў далейшым для выканання сваіх функцый на расійскай тэрыторыі з улікам сваіх назваў: «Хіршберг=Масква» (ням. Hirschberg=Moskau), «Бунцлаў=Тула» (ням. Bunzlau=Tula) і «Швейдніц=Горкі» (ням. Schweidniz=Gorkij). Колькасны склад каманд вагаўся ад 200 да 600 служачых. Большасць з іх уваходзіла ў склад груп «сельская гаспадарка», якія непасрэдна адказвалі за харчовае забеспячэнне часцей вермахта. Напрыклад, на тэрыторыі дзейнасці ГК «Орша», «Бабруйск» і «Віцебск» гэтым займалася амаль палова ад агульнага складу гаспадарчай інспекцыі «Цэнтр» [6, Вл. 116]. Першай ГК, якая з ліпеня 1941 г. пачала забяспечваць выкананне «дырэктыў па вядзенні гаспадаркі», была «Белгард» (Мінск) [7, с. 130, 131, 139]. Але вырашэнне пастаўленых задач было магчымым толькі ў выпадку актыўнага выкарыстання мясцовай рабочай сілы і яе непасрэднага прыцягнення да вытворчага забеспячэння вайсковых часцей вермахта.

Да пачатку восені 1941 г. амаль палова Беларусі на ўсход ад Барысава (вобласць армейскага тылу. – С. Н.) стала зонай дзейнасці трох ГК, якія разам з «Белгард» займаліся харчовымі пастаўкамі з тэрыторыі двух нарыхтоўчых акруг – «Варшава» і «Цэнтр» (Днепр) з апорнымі пунктамі ў Варшаве, Оршы і Смаленску [8, Вл. 11].

Пасля разгрому германскіх войскаў пад Масквой, калі канчаткова пацярпела крах стратэгія «маланкавай вайны», ваенна-эканамічнае кіраўніцтва Трэцяга рэйха ўнесла «прынцыповыя» змяненні ў эканамічную палітыку ў дачыненні да ўсіх усходніх тэрыторый, дзе з гэтага часу «галоўным сэнсам з'яўлялася *вытворчасць* (выдзелена мной. – С. Н.) харчавання і здабыча сыравіны» [9, Вл. 42]. У сувязі з гэтым больш чым удвая павялічалася колькасць ГК (з 4 да 9), якія дзейнічалі на тэрыторыі Беларусі.

Да перадачы захопленай тэрыторыі на захад ад Барысава ў рукі германскай грамадзянскай уладзе вайсковыя часці запусцілі ў ход механізм па эксплуатацыі пакінутага пасля частковай эвакуацыі прамысловага сельскагаспадарчага патэнцыялу БССР з яе людскімі рэсурсамі. Апрача таго, на тэрыторыі армейскага тылу, куды з пачатку 1942 г. была ўключана паўночна-усходняя частка Віцебскай вобласці, пачалі пошукавую работу спецыяльныя армейскія нарыхтоўчыя каманды (ням. WEK). Як вынік, у 1942 г. усходняя частка Беларусі трапіла ў сферу прамых інтарэсаў 14 (з 39) выканаўчых ваенна-гаспадарчых суб'ектаў, якія дзейнічалі на тэрыторыі толькі 2 (з 7. – С. Н.) адміністрацыйна-гаспадарчых зон [10, Вл. 42].

Дакументальныя матэрыялы паказваюць: з першых дзён выканання плана «Барбароса» тэрыторыя Беларусі з'яўлялася аб'ектам дзеяння армейскіх гаспадарчых аддзелаў, ГК і іх філіялаў, а таксам нарыхтоўчых службаў, гаспадарчых аддзелаў галоўнага кварцёрмейсцера, ахоўных дывізіій і палявых камендатур. Пры гэтым германскія ваенна-эканамічныя службы зыходзілі з дырэктыўнай устаноўкі пра «самязабеспячэнне з захопленай краіны» [11, Вл. 6].

Як вынікае з нямецкіх дакументаў, гады германскай акупацыі тэрыторыі Беларусі пераўтварылі яе грамадзянскае насельніцтва разам з савецкімі ваеннапалоннымі, якія апынуліся ў тыле групы армій «Цэнтр», а таксама з мясцовымі і дэпартаванымі з краін Еўропы яўрэямі не столькі ў важны аб'ект, колькі галоўны суб'ект рабскай працы на месцах. Па стане на пачатак 1944 г. ЭІ «Цэнтр» валодала наступнай статыстыкай: агульная колькасць занятых, якія выкарыстоўваўся ў германскіх інтарэсах у розных сферах прамысловай вытворчасці, лясной гаспадарцы, на абслугоўванні імперскай чыгункі, у будаўнічай арганізацыі «Годта», занятых рамяством і работай у органах улады мясцовай адміністрацыі, а таксама занятых на абслугоўванні германскага вермахта (без дапаможных падраздзяленняў вермахта), складала ад 550 да 580 тыс. чалавек, з якіх былі заняты

- абслугоўваннем узброеных часцей (без дапаможных службоўцаў вермахта, якіяносяць форму) – ад 100 да 130 тыс. мясцовага грамадскага насельніцтва;

- на прадпрыемствах галоўнай групы «эканоміка» – 109 тыс.;
- рамяством і іншымі прыкладнымі прафесіямі – 70 тыс.;
- у мясцовых адміністрацыйных органах кіравання – ад 60 ды 80 тыс.;
- прадпрыемствах галоўнай групы «лясная гаспадарка і прамысловасць» – 54 800;
- у арганізацыі «Тодта» – 37 тыс.;
- на абслугоўванні імперскай чыгункі – каля 35 тыс. мясцовага насельніцтва;
- палявой чыгункі каля – 21 400;
- на прамысловых прадпрыемствах галоўнай групы «сельская гаспадарка» – 19 тыс.;
- на абслугоўванні аўтамабільных дарог – каля 3 тыс.;
- на розных работах было занята 11,5 тыс. ваеннапалонных,
- недахоп у рабочых руках складаў каля 12 тыс.

З больш за 2,5 млн чалавек, занятых летам 1942 г. у сельскай гаспадарцы, каля 38 %, ці 950 тыс. чалавек, складалі мужчыны і 62 %, ці 1550 тыс., – жанчыны [12, Вл. 71–73]. Пры гэтым неабходна мець на ўвазе, што паводле перапісу, праведзенага летам 1943 г., агульная колькасць насельніцтва на тэрыторыі ГІ «Цэнтр» складала прыкладна 5,8 млн чалавек, з якіх было прыкладна 24 %, ці 1392 тыс., мужчын, 39 %, ці 2262 тыс., жанчын і 38 %, ці 2146 тыс., – дзяцей. Такім чынам, найбольш маштабным з’яўлялася прыцягненне жыхароў беларускай вёскі да выканання абавязковых паставак для германскага вермахта.

Паводле нямецкіх статыстычных матэрыялаў у канцы другога 1942/43 гаспадарчага года агульная колькасць занятых у розных галінах вытворчасці на тэрыторыі ЭІ «Цэнтр» дасягала амаль 750 тыс. чалавек, у тым ліку 314 812 дзяцей (42 %) маладзейшых за 14 гадоў. Пры гэтым звыш за 245 тыс. (32 %), занятых у гэтых сферах вытворчасці, выконвалі работы нармальнай цяжкасці; 13,5 % (101 477) былі заняты на цяжкіх работах; на асабліва цяжкіх работах былі заняты каля 3,3 % ад усіх рабочых. Больш за 60 тыс. (8 %) мясцовых рабочых знаходзіліся на казарменным становішчы [13, Вл. 128].

Такім чынам, у гады германскай акупацыі мясцовае грамадзянскае насельніцтва, у тым ліку яўрэі, якія заставаліся ў жывых, савецкія ваеннапалонныя, якія знаходзіліся на акупаванай тэрыторыі Беларусі, шырока прыцягваліся да выканання розных работ.

Ужо з канца 1941 г. усё працаздольнае насельніцтва павінна было ў першую чаргу задавальняць патрабаванні ваеннай эканомікі рэйха, для чаго ўся мясцовая рабочая сіла падзялялася на 5 катэгорый:

1) рабочая сіла, якая павінна была выкарыстоўвацца для вырашэння неадкладных задач ваенных часцей вермахта, акупацыйных ваенных і грамадзянскіх органаў нямецкай улады;

2) рабочая сіла, занятая вытворчасцю ўзбраенняў і ваеннай амуніцыі;

3) рабочая сіла, якая выкарыстоўвалася для вырашэння задач харчовага забеспячэння і правядзення сельскагаспадарчых работ;

4) рабочая сіла, занятая на вытворчасці, важнай для нямецкіх ваенных інтарэсаў;

5) рабочая сіла, якая выкарыстоўваецца для вырашэння задача па вытворчасці прадукцыі для насельніцтва акупаваных тэрыторый [14, с. 361].

Працягласць рабочага часу ў тыдзень устанаўлівалася не менш за 54 гадзіны. Як цяпер бачна, ў пачатку аперацыі «Барбароса» ў планах не прадугледжвалася татальнае выкарыстанне рабочых рэсурсаў акупаванай савецкай тэрыторыі (у тым ліку Беларусі). Але з улікам новых задач, якія сталі на парадак дня ў выніку зацягвання вайны на ўсходзе, на авансцэну выйшла сцвярдженне, што «важным, вырашальным вытворчым фактарам з'яўляецца чалавек». Без яго выкарыстання германскія ваенныя і грамадзянскія органы ўлады не маглі пачаць «рабочы працэс» на акупаванай тэрыторыі [15, S. 347].

Калі ў жніўні 1941 г. уводзілася «абавязковая рабочая павіннасць» для ўсіх мясцовых жыхароў толькі ва ўзросце ад 18 да 45 гадоў, у далейшых распараджэннях і загадах палажэнні пра рабочую павіннасць знаходзілі сваё паступовае замацаванне: узроставыя рамкі пашыраліся на ўсіх працаздольных мясцовых грамадзян ужо ад 14 да 65 гадоў. Для яўрэяў ва ўзросце ад 14 да 60 гадоў таксама уводзілася «абавязковая прымусовая праца».

Маштабы, геаграфія і наступствы выкарыстання рабочай сілы станавіліся даволі відавочнымі ўжо з канца першага (1941/42) гаспадарчага года. Паміж аддзеламі, вярбовачнымі камісіямі, ГК, камендатурамі і іншымі германскімі ваенна-эканамічнымі службамі пачалася сапраўдная канкурэнцыя за рабочую сілу, патрэба ў якой усё больш востра адчувалася не толькі ў ваеннай эканоміцы на тэрыторыі рэйха, але на акупаванай усходняй тэрыторыі, у т.л. тыле групы армій «Цэнтр». Пры гэтым складвалася сітуацыя, калі нягледзячы на больш прыярытэтную задачу пастаўкі рабочай сілы ў сам рэйх (у параўнанні з яе выкарыстаннем на захопленай тэрыторыі) фактычныя маштабы яе прыцягнення сведчылі аб іншай даволі відавочнай тэндэнцыі.

Калі ў 1941/42 гаспадарчым годзе на месцах назіраўся лішак працаздольнай рабочай сілы, на працягу другога (1943/43) гаспадарчага года ўзрастаў яе востры недахоп, асабліва кваліфікаваных спецыялістаў. Галоўнымі прычынамі такога становішча з'яўляліся:

1) арганізаваны ў рамках праграм генеральнага ўпаўнаважанага па выкарыстанню рабочай сілы мэтавы вываз мясцовага насельніцтва і ваеннапалонных у рэйх;

2) значнае змяншэнне рабочай сілы на месцах у сувязі з гібеллю ваеннапалонных, ліквідацыяй яўрэяў і скарачэннем мясцовага насельніцтва;

3) больш шырокае прыцягненне мясцовай рабочай сілы да аднаўлення прамысловай вытворчасці на акупаванай тэрыторыі;

4) прыцягненне насельніцтва прыфрантавой зоны да работ па ўзвядзенні ліній палявых умацаванняў [15, S. 303].

Доля занятых у кантэксте агульнай колькасці насельніцтва на тэрыторыі ўсходняй Беларусі (вобласць тылу групы армій «Цэнтр») складала 41 %, тады як у генеральнай акрузе (далей – ГА) «Беларусь» – 45,6 % [16, ВІ. 304].

Вывучэнне статыстычных матэрыялаў вядучых ГК «Віцебск», «Орша» і «Бабруйск» паказвае, што вясной 1942 г. агульная колькасць насельніцтва складала 3 528 339, ці 60,8 % ад усяго насельніцтва, узятага на ўлік на тэрыторыі эканамічнай інспекцыі. Пры гэтым доля насельніцтва на тэрыторыі ГК «Віцебск» складала толькі 13,3 %, на тэрыторыі ГК «Орша» – 22,5 %, тады як на тэрыторыі ГК «Бабруйск» гэта лічба раўнялася 31,2 % ад агульнай колькасці мясцовага насельніцтва.

Табліца 1

Улік насельніцтва на тэрыторыі Беларусі, сакавік 1942 г. [17, Вл. 2]

Вядучая ГК	Біржа працы	Колькасць раёнаў	Плошча, км ²	Колькасць жыхароў
Віцебск	Віцебск	7	9 600	376 511
	Невель	2	4 400	107 100
	Полацк	4	6 500	157 899
	Лепель	5	6 700	237 841
		18	27 200	879 251
Орша	Орша	8	10 400	468 365
	Магілёў	8	11 300	463 613
	Барысаў	7	10 800	376 217
		23	32 500	1 308 195
Бабруйск	Бабруйск	15	32 500	650 712
	Гомель	14	13 900	586 840
	Клінцы	6	7 900	362 849
	Клімавічы	5	6 200	210 441
		40	60 500	1 810 842

У сярэдзіне другога (1942/43) гаспадарчага года назіраліся новыя тэндэнцыі ў колькасных зменах мясцовага насельніцтва. Калі спачатку акупацыйныя органы ўлады перш за ўсё цікавілі статыстычныя звесткі пра агульную колькасць насельніцтва, у канцы 1942 г. у парадак дня стаў улік усяго насельніцтва ўзростам ад 14 гадоў. Дзеці ніжэй за гэты ўзрост дадаткова падзяляліся на групу 12–14 гадоў. Эканамічныя службы былі вельмі заклапочаны стварэннем агульнай лічбавай базы, якая б давала поўную карціну для перспектыўнага планавання маштабаў выкарыстання мясцовай рабочай сілы (гл. табл. 2). Агульны агляд даных табл. 2 сведчыць, што ў пераліку статыстычных даных побач з агульнай колькасцю людзей (для задач ГК ЭІ «Цэнтр» і нямецкіх камендатур) утрымліваўся і яе падзел па катэгорыях – гарадская і сельская, мужчыны і жанчыны (у тым ліку дзеці). Гэта было неабходным удасканалваннем для вычарпальнага высвятлення агульнай колькасці працаздольнага насельніцтва, наяўнасці беспрацоўных і непасрэдна занятых на вытворчасці (асабліва з улікам іх прафесійнай дзейнасці). Як адзначалася ў нямецкіх дакументах, мужчыны ва ўзросце ад 20 да 40 гадоў, а таксама спецыялісты практычна адсутнічалі.

На працягу паўгода агульная колькасць насельніцтва на тэрыторыі Беларусі ў разрэзе біржаў працы змянялася. Асабліва адметнай, па звестках

бірж працы, тэндэнцыя была ў Барысаве, Оршы, Магілёве. Прапорцыя суадносін паміж мужчынамі і жанчынамі захоўвалася на карысць апошніх, у асноўным як 2 да 3.

Табліца 2

Асновы для планавання прыцягнення мясцовага насельніцтва на акупаванай тэрыторыі Беларусі, лістапад 1942 г. [18, Вл. 164]

Біржа працы	Кол-ць насельніцтва	Дзеці да 14 гадоў	Дарослыя (звыш 14 гадоў)	
			мужчыны	жанчыны
Віцебск	348 118	117 646	89 965	140 507
Лепель	202 936	77 202	50 341	75 393
Полацк	177 502	69 644	41 775	66 083
Невель	105 251	41 586	22 996	40 669
	833 807	306 078	205 077	322 652
Барысаў	328 402	117 726	89 887	120 789
Орша	344 723	132 175	78 135	134 413
Магілёў	343 071	121 393	86 202	135 476
Крычаў	228 490	91 265	48 387	88 838
Смаленск	382 226	135 347	86 293	160 586
	1 626 912	597 906	388 904	640 102
Бабруйск	601 391	202 402	165 843	233 146
Жлобін	145 764	49 562	38 892	57 310
Гомель	556 925	204 760	126 489	225 676
Клімавічы	151 755	62 977	31 458	57 420
Клінцы	496 186	201 595	108 997	185 594
	1 952 021	721 196	481 679	759 146
	4 412 740	1 625 180	1 075 660	1 721 900

Паводле статыстычных даных большасць занятых на тэрыторыі ГК «Віцебск», «Орша» і «Бабруйск» працавала ў сельскай гаспадарцы. Як было бачна са звестак галаўной групы «праца» эканамічнага штаба «Ост» (адказнага за ўсю акупаваную савецкую тэрыторыю), суадносіны рабочых у сельскай гаспадарцы і занятых у прамысловасці складаліся як 20 да 1 (тады як на тэрыторыі ЭІ «Цэнтр» – 5 да 1). Неабходна асобна адзначыць, што ў статыстычныя даныя эканамічнага штаба «Ост» не былі ўключаны дзясяткі тысяч мясцовых грамадзян, якія на месцах прыцягваліся да прымусовай работы ўжо пасля ліквідацыі гэтага ваенна-эканамічнага органа восенню 1943 г.

Да гэтага трэба дадаць, што да канца 1942 г. з тэрыторыі Беларусі, якая ўваходзіла ў склад ЭІ «Цэнтр», на работы ў рэйх былі вывезены першыя 100 тыс. чалавек. З аналізу статыстычных даных бачна, што дэпартацыя мясцовага насельніцтва на прымусовыя работы ў Германію складала зусім нязначную частку параўнальна з тымі, каго прыцягвалі нямецкай ваеннай адміністрацыяй да работ на акупаванай тэрыторыі самой Беларусі.

З нямецкіх дакументаў таксама вынікае, што рэгіянальная патрэба ў рабочай сіле ў Беларусі была шматкрат большай у параўнанні з колькасцю оstarбатайраў. Апрача таго, параўнанне агульнай колькасці мясцовага насель-

ніцтва, вывезенага на работы ў рэйх з тэрыторыі ГА «Беларусь» (паводле статыстыкі за гады акупацыі з тэрыторыі ГА «Беларусь» было вывезена 116 082 чалавекі, тады як з тэрыторыі ЭІ «Цэнтр» – 180 тыс. чалавек), дае падставу для сцвярджэння, што мабілізацыя цывільнай рабочай сілы на тэрыторыі, падпарадкаванай ваеннай адміністрацыі, была больш значнай у параўнанні з той, якая знаходзілася ў вобласці дзейнасці самой цывільнай адміністрацыі. Трэба мець на ўвазе, што колькасць насельніцтва на тэрыторыі гэтых двух частак акупаванай Беларусі было прыблізна аднолькавае. Гэта азначае, што рэкрутаванне мясцовага працаздольнага насельніцтва на тэрыторыі ўсходняй Беларусі адбывалася больш маштабна ў параўнанні з тэрыторыяй ГА «Беларусь». Апрача таго, амаль 80 тыс. мясцовых грамадзян было тут выратавана ад выгану на прымусовыя работы ў Германію дзякуючы дзейнасці беларускіх партызан [19, S. 318].

Наглядную карціну выкарыстання мясцовай рабочай сілы можна прасачыць на прыкладзе галоўнай групы «эканоміка» і яе некалькіх вытворчых галін, якія дзейнічалі на акупаванай тэрыторыі Беларусі. Геаграфія галін прамысловай вытворчасці, адноўленых да канца першага (1941/42) гаспадарчага года на тэрыторыі ЭІ «Цэнтр» (куды былі ўключаны заходнія раёны Расіі), дае магчымасць для выяўлення пэўных структурных і адміністрацыйна-тэрытарыяльных адметнасцей: колькасць і канцэнтрацыя прамысловых прадпрыемстваў узрасла з усходу на захад і ўшчыльненне з поўначы на поўдзень. Так, калі на тэрыторыі вядучай каманды «Віцебск» знаходзілася толькі 1/6 частка прамысловых прадпрыемстваў з колькасцю занятых на іх у 5100 чалавек (ці 11,4 %), на 159 прадпрыемствах (30 %) вядучай ГК «Орша» працавалі 16 200 рабочых (36,6 %). Але найбольшая колькасць прамысловых прадпрыемстваў знаходзілася на тэрыторыі вядучай ГК «Бабруйск» – 173 (32,2 %), дзе працавалі 18 тыс. чалавек (42,3 %).

Спраба выяўлення асноўных галіновых прыкмет занятасці мясцовага насельніцтва ў прамысловасці на тэрыторыі вядучых ГК «Віцебск», «Орша» і «Бабруйск» прыводзіць да выяўлення наступных адметнасцей.

Так, вясной 1942 г. асноўная маса (ці 52 %) занятых знаходзілася ў торфаздабычы (20 375 чалавек), лясной гаспадарцы і лесанарыхтоўцы (15 тыс. чалавек). Другую (меншую) частку занятых у прамысловасці складалі рабочыя астатніх галін, сярод якіх былі дрэваапрацоўка з 8 478 занятымі (13 %), тэкстыльная і папяровая індустрыя з 6 717 занятымі (10 %). Гэтыя тры галіновыя групы ахоплівалі $\frac{3}{4}$ ад усіх задзейнічаных рабочых, якія працавалі на 331 прадпрыемстве.

На 168 прадпрыемствах металаапрацоўкі і вытворчасці электраэнергіі працавала 12 % ад усіх занятых рабочых. Менш за ўсё былі заняты (ад 1769 да 2424) у хімічнай прамысловасці, вытворчасці шкла і будматэрыялаў. На 41 прадпрыемстве гарбарнай вытворчасці працавала 1439 мясцовых рабочых.

У рэгіянальным плане на тэрыторыі ЭІ «Цэнтр» асноўная частка прадпрыемстваў прыпадала на ГК «Бабруйск». Толькі папяровая, ганчарная, вытворчасць будаўнічых матэрыялаў і нарыхтоўка ўтылю займалі больш

значнае месца на тэрыторыі іншых ГК. ГК «Бабруйск» з 13800 рабочымі, занятымі на 138 прадпрыемствах, займала 3/10 ад агульнай колькасці ўсіх прадпрыемстваў і 55 % ад усіх рабочых.

Першае месца па колькасці рабочых належала тэкстыльнай прамысловасці з 4681 чалавекам, занятым у Клінцах. Увогуле на гэту галіну на тэрыторыі ГК «Бабруйск» прыпадала каля 7/10 рабочых.

Паводле статыстычных звестак аб колькасці занятых на вытворчасці другое месца было за дрэваапрацоўкай з 3744 рабочымі. Гэта складала практычна палову ад усіх рабочых, занятых на прадпрыемствах дрэваапрацоўкі на тэрыторыі ГК.

Крыху звыш за 1/8 (ці 1824 чалавекі) ад агульнай колькасці рабочых працавалі ў металаапрацоўцы. Хаця паводле колькасці занятых хімічная і гарбарная вытворчасці займалі ад 6 да 9 % ад агульнай колькасці занятых, але яны мелі даволі важнае значэнне на ўсёй тэрыторыі ЭІ «Цэнтр», паколькі сведчылі аб занятасці ў першым выпадку 7/10, а ў другім – 6/10 ад усіх занятых на тэрыторыі ГК «Бабруйск».

На долю ГК «Орша» прыпадала толькі чвэрць ад усіх занятых (5581 чалавек). Галоўную ролю тут адыгрывала дрэваапрацоўка з каля 2700 рабочымі. Затым ішла металаапрацоўка з амаль 1 тыс. рабочых. Блізкімі адна да адной па паказчыках з'яўляліся тэкстыльная і хімічнай вытворчасці, дзе былі заняты адпаведна 512 і 499 рабочых адпаведна. На долю ўсіх астатніх галін у ГК «Орша» заставаліся толькі 1/6 ад усіх занятых на вытворчасці.

У ГК «Віцебск» была задзейнічана толькі 1/10 ад усіх рабочых (2240). Дрэваапрацоўка займала тут лідзіруючыя пазіцыі з 626 (28 %) рабочымі, за ёй знаходзілася тэкстыльная індустрыя з 584 рабочымі (26 %). Даволі значную долю займала галіна вытворчасці будматэрыялаў, дзе былі заняты звыш за 400 рабочых (18 % ад усёй колькасці на тэрыторыі ГК «Віцебск»).

Разгляд агульнай эканамічнай сітуацыі скрозь прызму занятасці мясцовага насельніцтва на тэрыторыі іншых ГК, якія дзейнічалі на тэрыторыі ЭІ «Цэнтр», набліжае да выяўлення іншых адметнасцей. Зусім невялікае значэнне мелі ГК «Швайдніц» і ГК, якія дзейнічалі на акупаванай расійскай тэрыторыі, што знаходзілася ў вобласці аператыўнага тылу камандавання 2-й танкавай арміі (дзе былі заняты каля 12 % ад усіх рабочых, адпаведна 1540 і 1440). ГК, якія дзейнічалі ў вобласці 3-й танкавай арміі, выконвалі зусім нязначную ролю, паколькі тут былі заняты толькі 366 рабочых, ці 1,5 % ад колькасці ўсіх занятых. Такое становішча тлумачылася тым, што на гэтай тэрыторыі індустрыя была практычна цалкам разбурана.

Аналізуючы прычыны, якія прывялі да такога становішча, нямецкія гаспадарчыя службы адзначалі, што калі ў Клінцах (Бранская вобласць) прамысловыя прадпрыемствы патрапілі да немцаў без асабліва значных разбурэнняў, прамысловасць Гомеля ў ходзе захопу горада была немцамі амаль знішчана. Параўноўваючы расійскі горад Смаленск і беларускі горад Гомель, дзе перад вайной пражывала амаль аднолькавая колькасць жыхароў (156 тыс.

і 150 тыс. чалавек адпаведна), бачна, што ў расійскім горадзе засталася толькі 29 тыс., тады як у беларускім – больш за 50 тыс. чалавек.

Да другой важнай прычыны адносіўся недахоп тэхнічнага абсталявання, а таксама недастатковае і нерэгулярнае забеспячэнне электраэнергіяй. Але нягледзячы на гэтыя і іншыя перашкоды ваеннага часу ваеннай адміністрацыі ўдалося аднавіць некаторую частку прамысловай вытворчасці [20, Вл. 43–46].

Агульная тэндэнцыя зменаў у прамысловых сектарах акупаванай эканомікі паказвае, што калі ў канцы першага (1941/42) гаспадарчага года агульная колькасць прамысловых прадпрыемстваў складала 543, дзе працавалі 42 374 чалавекі (вядучымі галінамі з'яўляліся торфаздабыча і тэкстыльная), то ў сярэдзіне другога (1942/43) гаспадарчага года лічбы выраслі да 721 і 95 805 адпаведна, пры гэтым 74,3 % (ці 70 407 чалавек) працавалі на прадпрыемствах ГК «Бабруйск», «Барысаў», «Гомель», «Магілёў», «Клімавічы», «Орша», «Віцебск», «Лепель» і «Полацк». Самая вялікая колькасць на гэтай тэрыторыі працавала ў лясной гаспадарцы і дрэваапрацоўцы – 45 950 (47,9 %) [21, Вл. 198].

У апошні 1943/44 гаспадарчы год на тэрыторыі ўсходняй Беларусі складвалася амаль катастрафічнае становішча ў вобласці выкарыстання мясцовай рабочай сілы. Па ацэнцы нямецкага гісторыка Х. Герлаха, хаця доля працуючых у адносінах да агульнай колькасці насельніцтва Беларусі была «не самай высокай», між тым яна складала: у Барысаве – 33 %, у Суражы і Гарадку – 38 і 47,5 адпаведна, у вобласці тылу групы армій Цэнтр – 41 % [22, S. 456]. Але нямецкай акупацыйнай ўладай шукаліся розныя новыя шляхі яе прыцягнення і нават заахвочвання. Так, напрыклад, у пачатку трэцяга (1943/44) гаспадарчага года ваеннае ўпраўленне пры камандаванні групы армій «Цэнтр» узнагародзіла нават бронзавымі крыжамі 2-й ступені (без мячоў) 7 мясцовых рабочых – аднаго галоўнага агранома, 2 вартаўнікоў, аднаго кіраўніка прадпрыемства, аднаго кантралёра і аднаго ляснічага, якія працавалі на тэрыторыі ГК «Віцебск» і яе філіяла ў «Полацку» [23, Вл. 6].

Татальны маштаб працягнення мясцовай рабочай сілы на тэрыторыі ўсходняй Беларусі набыў у сувязі з узвядзеннем вермахтам г. зв. «усходняга вала». Так, у Гомелі ў красавіку 1943 г. для выканання гаспадарчых работ быў прыцягнуты кожны пяты жыхар акупаванага горада (з 54 тыс.), дык праз паўгода – кожны трэці. Вясной 1943 г. у раёне Оршы і Віцебска для правядзення работ патрабавалася 50 тыс. чалавек [19, S. 309]. Недахоп працоўнай сілы сярод мірнага насельніцтва ў гэтым выпадку пакрываўся за кошт прыцягнення да рабскай працы ваеннапалонных [24, Вл. 31–31 R.].

З мэтай неадкладнага выкарыстання працы ваеннапалонных паўздоўж чыгуначных станцый было створана 39 дадатковых лагераў, якія насілі характар пастаянных і часовых. У першым выпадку з вязняў шталагаў (ням. Stalag) ці дулагаў (ням. Dulag) ствараліся рабочыя каманды, якія знаходзіліся ў пастаянным распараджэнні чыгуначнай дырэкцыі і былі задзейнічаны для выканання розных работ. Да іх ліку таксама адносіліся невялікія групы ваеннапалонных, якія ствараліся для выканання тэрміновых заданняў. У другім выпадку ваеннапалонныя прыцягваліся дырэкцыяй чыгункі да

дзённай працы і пасля яе выканання павінны былі вяртацца ў распалажэнне лагераў [25, ВІ. 3 R.]. Паўздоўж чыгункі, што знаходзілася на тэрыторыі ўсходняй Беларусі, былі створаны такія лагеры, і ў іх размяшчаліся ад некалькіх дзясяткаў да некалькіх соцень ваеннапалонных (Асіповічы, Бабруйск, Жлобін, Гомель) [26, ВІ. 1–4]. Але ў асноўным колькасць ваеннапалонных у іх вагалася ад 30–40 да 70–80 чалавек [27, ВІ. 3–5].

На заключным этапе германскай акупацыі адбывалася масавае прыцягненне мірнага насельніцтва да выканання работ па будаўніцтву абарончых умацаванняў на «лініі пантэр» (апошняя прахадзіла з поўначы на поўдзень Беларусі па рэках Проня і Сож. – С. Н.) як адной з важных задач па арганізацыі абароны для нямецкіх дывізій, якія адступалі па тэрыторыі Беларусі. З гэтай мэтай камандаванне карпусоў і дывізій патрабавала актыўнага выкарыстання мясцовых жыхароў у якасці працоўнай сілы (для выканання загаду Гітлера аб стварэнні непрыступнага «ўсходняга вала»). Іх прымусова збіралі ў рабочыя каманды і калоны, накіроўвалі на ўчасткі, дзе яны ў аддаленасці ад сваіх вёсак таксама знаходзіліся ў лагерах [28, S. 203]. Па прычыне недахопу рабочай сілы, а таксама ў сувязі з несвоечасовасцю падрыхтоўкі палявых умацаванняў, камандуючы групы армій «Цэнтр» генерал-фельдмаршал Э. Буш 10 мая 1944 г. выдаў загад аб прыцягненні да прымусовых работ дзяцей ва ўзросце звыш за 10 гадоў [28, S. 204].

Выкарыстанне ваеннапалонных насіла мэтавы характар. Паводле нямецкіх дакументаў, ваеннапалонныя з’яўляліся «вельмі каштоўнай рабочай сілай» [29, ВІ. 2]. Сярод задач, якія вырашаліся ў выпадку выкарыстання гэтага кантынгенту, ставілася абавязковае павышэнне прадукцыйнасці працы. Сярод крытэрыяў адзначалася неабходнасць атрымання дастатковага харчовага забеспячэння. Аднак харчовыя дабаўкі за цяжкую фізічную работу, якую выконвалі савецкія ваеннапалонныя, маглі выдавацца толькі ў тым выпадку, калі яе выконвалі працяглы час, а не аднаразова. Харчаванне мясцовых рабочых, якія пастаянна знаходзіліся ў складзе рабочых калон пры нямецкіх вайсковых часцях, адрознівалася ад харчавання ваеннапалонных і мясцовых жыхароў, прыцягнутых да работ [29, ВІ. 2].

Такім чынам, даследаванне новых дакументальных крыніц сведчыць аб значных маштабах выкарыстання мясцовага грамадзянскага насельніцтва, у тым ліку яўрэяў, савецкіх ваеннапалонных у якасці рабочай сілы на акупаванай тэрыторыі ўсходняй Беларусі ў 1941–1944 г. Крытычны аналіз выяўленых гістарычных фактаў на цяперашні час асабліва неабходны для паказу не столькі наступстваў эканамічнага генацыду на акупаванай беларускай тэрыторыі, колькі вяртання ў пантэон нацыянальнай памяці гэтай катэгорыі пацярпелых ад вайны. У тых сем’ях, якія вынеслі на сваіх плячах цяжар прымусовай рабскай працы на захопленай беларускай тэрыторыі, і праз 80 гадоў пасля яе пачатку маўкліва зберагаецца памяць аб тых трагічных старонках жыцця соцень тысяч грамадзян нашай краіны. Вяртанне гэтых імёнаў у агульны спіс ахвяр Вялікай Айчыннай вайны з’явілася б важным

крокам па ўшанаванні памяці аб гэтай суровай старонцы ў нацыянальнай хроніцы і фарміраванні на якасна новым узроўні гэтак неабходных элементаў сучаснай культуры памяці ў беларускім грамадстве XXI стагоддзя [30, с. 58].

ЛІТАРАТУРА

1. Указ рэйхсмаршала вялікагерманскага рэйха, ўпаўнаважанага па чатырох-гадовым плане Г. Герынга ад 27.07.1941 г. // Эканамічная палітыка нацысцкай Германіі ў Беларусі 1941–1944 гг. агляд крыніц і германскай гістарыяграфіі 1990-х гадоў / С. Я. Новікаў. – Мінск : МДЛУ, 2002. – С. 149–152.
2. Распоряжение Гитлера об использовании экономики оккупированных восточных областей от 29 июня 1941 г. / Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933–1945 : ист. очерки, документы и материалы : в 4 т. / В. И. Дашичев. – М. : Наука, 2005. – Т. 3: Банкротство наступающей стратегии в войне против СССР, 1941–1943. – С. 367–368.
3. Федэральны ваенны архіў Германіі (далей – ВА-МА): – RW 31/128. Richtlinien für die Führung der Wirtschaft in den neubesetzten Ostgebieten (Grüne Mappe) (Fall Barbarossa, Anlage 2). – Bl. 1–112.
4. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). – Ф. 412. Воп. 1. Спр. 21: Wi In Mitte. Stellenbesetzungsplan für die Wi In Mitte. Stand : Anfang Juli 1941. – Bl. 81–87.
5. Новиков, С. Е. Белоруссия в первые месяцы Великой Отечественной войны / С. Е. Новиков // Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии / отв. ред. В.С. Христофоров. – М.: Изд-во Глав. арх. управ. города Москвы, 2011. – С. 271–322.
6. ВА-МА. – RW 31/302b. Wi Stab Ost : Monatsbericht für Oktober 1942. – Bl. 116–122.
7. Новікаў, С. Я. Ваенна-гаспадарчая дзейнасць каманды «Minsk»: (1941–1942 гг.) / С. Я. Новікаў // Славянскі свет: мінулае і сучаснае: матэрыялы Рэсп. навук. канф., 26 сакавіка 2004 г. : у 3 ч. – Мінск, 2004. – Ч. 2. – С. 130–140.
8. ВА-МА. – RW 31/98. Anlage zum Vierzehntagebericht Wi Stab Ost (17.8 – 30.8.41.). – Bl. 10–11.
9. Расійскі дзяржаўна ваенны архіў (далей – РДВА). – Ф. 1358 к. Воп. 4. Спр. 1: Wirtschaftsführungsstab Ost, V.P. 19206/6 g. v. 20.11.41 (Abschrift).
10. ВА-МА. – RW 31/98. Wi Stab Ost, Stab Abt. I/Ib, Nr. 900900, v. 9. November 1942: Stand der Wirtschaftsorganisation Ost am 1.11.1942 (Anlage 10).
11. ВА-МА. – RW 26-286/12. KTB Nr. 3. Kdo 286 SD (Quartiermeisterabteilung). Bericht über die Tätigkeit der Qu-Abteilung bei der Versorgungsgruppe der SD 286. V. 12.4.42. – Bl. 1–6.
12. НАРБ. – Ф. 412. Воп. 1. Спр. 87: Textilversorgung der einheimischen Arbeitskräfte für die Zeit vom 1.10.43–31.3.1944: Schreiben Nr. 94993 an die Wi In Mitte Chefgruppe W, Gruppe Textil, vom 5.4.1943. – Bl. 71–73.

13. ВА-МА. – RW 31/570: Versorgungsplanung berechnet unter Zugrundelegung der im Bereich der H.Gr.Mitte festgesetzten Rationen für die Zeit vom 1.7. bis 15.9.1943 (Anlage 3). – Bl. 128.
14. *Новиков, С. Е.* Ужесточение нацистского оккупационного режима на территории Беларуси / С. Е. Новиков // Страна в огне: в 3 т. – М. : Абрис, 2018. – Т. 2: Коренной перелом. 1942–1943: в 2 кн. Кн. 1: Очерки / отв. ред. А. М. Литвин, Ю. А. Никифоров. – С. 360–428.
15. Die deutsche Wirtschaftspolitik in den besetzten sowjetischen Gebieten 1941–1943 / hrsg. von Rolf-Dieter Müller. – Boppard a. Rh.: Harald Boldt Verlag, 1991. – S. 347.
16. ВА-МА. – RW 31/562: Wi In Mitte, Chefgruppe Arbeit: Grundlagen für Arbeitseinsatzplanung v. 31.12.42. – Bl. 304.
17. ВА-МА. – RW 31/558 : Lagebericht foer Monat Maerz 1942, v. 31.3.1942 (Anlage 1 zur Lagebericht Nr. 15). – Bl. 2.
18. ВА-МА. RW 31/570: Statistischer Bericht Nr. 1 des Arbeitsausschusses v. 30. Juli 1943. – Bl 164.
19. *Pohl, D.* Die Herrschaft der Wehrmacht. Die Deutsche Militärbesatzung und die einheimischen Bevölkerung der Sowjetunion 1941–1944 / D. Pohl. – München: Oldenbourg, 2008. – S. 318.
20. ВА-МА. RW 31/570: Statistischer Bericht Nr. 1 des Arbeitsausschusses v. 30. Juli 1943. – Bl. 43–46.
21. НА РБ. – Ф. 412. Воп. 1. Спр. 118 : Zusammenfassende Übersicht über Anzahl der arbeitenden Betriebe und der Beschäftigten nach dem Stande vom 20.1.1943. – Bl. 198.
22. *Gerlach, Ch.* Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944 / Ch. Gerlach. – Hamburg: Hamburger Edition, 1999. – S. 456.
23. ВА-МА. RW 31/799: H.Gr.Wirtschaftsführer beim Obkdo. d. H.Gr.Mitte: Verdienstauszeichnungen für Angehörige der Ostvölker 2. Kl. (ohne Schwertern) in Bronze, v. 21.12.1943. – Bl. 6.
24. НА РБ. – Ф. 378. Воп. 1. Спр. 539 : RVD Minsk: EAW Gomel: Sofortbedarf an Arbeitskräften in EAW Gomel v. 6.7.1943. – Bl. 31–31 R.
25. НА РБ. – Ф. 378. Воп. 1. Спр. 188 : Meldung über des Bestand und ungedeckten Bedarf an Arbeitskraeften. v. 10. Februar 1943. – Bl. 3 R.
26. НА РБ. – Ф. 378. Воп. 1. Спр. 95 : HED Mitte : Kgf-Nebenlager der HBD (o.D.). – Bl. 1–4 (падлікі аўтара).
27. НА РБ. – Ф. 378. Воп. 1. Спр. 310: Kgf-Nebenlager im Bereich des Verwaltungsamtes Minsk, v. 4 Juli 1942. – Bl 3–5.
28. *Müller, N.* Wehrmacht und Okkupation. Zur Rolle der Wehrmacht und ihrer Führungsorgane im Okkupationsregime des faschistischen deutschen Imperialismus auf sowjetischem Territorium / N. Müller. – Berlin: Militärverlag, 1971. – S 203.
29. ВА-МА. – RH 26-253/71. Verpflegung der sowjetischen Kriegsgefangenen, v. 7.12.1942. – Bl. 2.

30. Новиков, С. Е. Гражданское население как объект нацистской политики экономического геноцида в Беларуси 1941–1944 гг.: источниковедческий и историографический анализ / С.Е. Новиков // Путь к Великой Победе: история и современность : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, г. Майкоп, 16–19 сент. 2020 г. / отв. ред. Е. М. Малышева [и др.]. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2020. – С. 52–59.

Поступила в редакцию 22.04.2021

В. Н. Усоский

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ И ЕЕ ЭВОЛЮЦИЯ В АНТИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье исследуются исторические условия возникновения и эволюции рыночной экономики, включенной в качестве подчиненного элемента в структуру натурального хозяйства, которое доминировало в экономике античного общества. Цель античного ойкономос состояла в воспитании достойного гражданина общинного полиса. Доказано, что исходные хозяйственные интуиции античного грека и римлянина, которым как носителям языческого мировоззрения был внутренне присущ общинно-родовой сакральный характер мышления, исключали рыночный утилитаризм индивида (стремление к персональной пользе) как принцип построения экономики рыночного типа капиталистической общественно-экономической формации.

1. Бартерная экономика классового докапиталистического общества и роль государства в появлении денег

Рыночная экономика в докапиталистических формациях сформировалась как адекватный элемент их внутренней структуры. Обособленные общины, ведущие натуральное хозяйство, вступали в эпизодические рыночные отношения друг с другом с целью прямого продуктообмена (бартер) своей избыточной продукции на необходимую им продукцию, которую они не производили. От этого они не становились самостоятельными товаропроизводителями, так как продажа натуральной продукции как товара на рынке была редкой и вынужденной мерой. Бартерный рынок складывался постепенно ввиду появления у производителей излишков продукции, которые не могли быть потреблены внутри производящего натурального хозяйства общины. Например, община-производитель злаковых культур, собрав высокие урожаи, создает большие запасы зерна, которые не в состоянии потребить внутри себя. На дефицитные товары возникает потребность со стороны других производителей, которые выносят на рынок излишки своих товаров. Тем не менее, в натуральном хозяйстве рыночные отношения возникали спорадически, от случая к случаю. По этой причине данный тип становящегося бартерного рынка нельзя представлять как систему отношений между самостоятельными товаропроизводителями, кото-

рые специализируются исключительно на производстве и продаже товаров за деньги и покупке недостающих товаров на регулярной основе, вступая в договорные отношения с контрагентами. Самостоятельные специализированные товарные производства, которые регулярно взаимодействуют с контрагентами на основе договорных отношений, представляют собой высокий уровень развития воспроизводства товаров в капиталистическом обществе. Для функционирования такой системы рыночных отношений необходима зрелая форма частной собственности на факторы производства, которые находятся в руках автономного индивида Нового времени (XVII – XVIII вв.).

Прямой продуктообмен ограничивает динамику производства и обмена. Представители классической политической экономии считали, что деньги как универсальное средство обращения появляются стихийно из бартерного обмена, позволяя разрешить противоречия бартерных отношений. К. Маркс (1818–1883) и австрийская школа наследуют точку зрения классической школы на сущность денег и их происхождение. Мы считаем, что в исторической действительности эта позиция не имеет эмпирического подтверждения и не обоснована теоретически. Бартерный обмен между общинами не может породить деньги, он приводит к формированию примитивной *относительной формы выражения стоимости товаров*. Согласно теории К. Маркса, из бартерного обмена возникают простая или случайная, полная или развернутая и всеобщая формы стоимости.

Деньги как универсальный измеритель ценности возникают в классовом обществе, где государство обладает правом исключительного суверенитета. В обществе господствует бартерный рынок, который отличается неразвитым продуктово-товарным порядком взаимодействия общин. Государство создает институты власти, которые помимо экономической стороны имеют также и неэкономическую составляющую. Оно нуждается в эмиссии денег и изъятии налогов этими же эмитированными деньгами для формирования доходов и финансирования расходов госбюджета. Очевидно, что государство стремится установить монополию на эмиссию денег и изъятие налогов, пресекает попытки других субъектов делать это же. Обладая правом исключительного суверенитета, оно объявляет субъектов-нарушителей нелегитимными, жестко запрещая их действия. Сложно и трудоемко изымать налоги в натуральной форме «борзыми щенками». Очевидно удобство универсальных денег в отличие от натуральных продуктов для выполнения бюджетных функций государства. Это значимая причина, которая требует *эмиссии универсальных денег* государством, а не использования трех *относительных форм выражения стоимости товаров*. Для осуществления упорядоченной эмиссии денег и изъятия налогов у налогоплательщиков государство должно создать метрологическую систему универсальных мер весов различных драгоценных (золото, серебро) и не драгоценных металлов (медь), используемых для чеканки денег. Оно должно установить систему весовых единиц измерения

эмитируемой валюты, определить пропорции между весами крупных и мелких номиналов металлических денег, которые допускаются для использования в экономике в целях стабильного измерения ценности. Важным элементом денежной системы является установление пропорциональных отношений мер и весов собственной валюты к иностранным деньгам. Государство принимает юридические законы для стабильного функционирования системы денежного обращения, необходимые для неукоснительного исполнения обязательств держателями денег и плательщиками налогов. Эмиссия денег и их погашение держателю, изъятие налогов и расходы в пользу бюджетополучателей – это ключевые функции экономической власти государства. Они причинно обусловлены его исключительными прерогативами власти. По фундаментальным принципам функционирования иерархии общества, обладающего сложной структурой, субъекты рынка не смогут выполнять этих системных функций государства адекватно. Поэтому бартерная теория возникновения денег из стихийного обмена неубедительна.

Деньги расширяют возможности товарного производства, ускоряют товарно-денежные сделки, делают массовым товарный оборот. Возникают специализированные товаропроизводители, выполняющие на рынке функции производителей и торговцев одновременно. Создавая товар, товаропроизводители продают его за деньги для того, чтобы купить другой товар. В процессе воспроизводства товаров зарождаются субъекты рынка, действующие в рамках докапиталистических общественных структур, где доминирует натуральное хозяйство и используется принудительный труд рабов и крепостных крестьян. Цеховые структуры в городах жестко регламентировали порядок производства, торговли и хозяйственное поведение ремесленников и торговцев. Социальные ограничения были следствием отношений *солидаризма*, которые насквозь пронизывали античное и христианское общество ввиду их религиозного характера. Рыночные отношения, возникающие между мелкими производителями товаров, – это простое товарное хозяйство, выражаемое в формуле $T - D - T$. *Сущность простого товарного хозяйства состоит в производстве товаров не для извлечения прибыли, а с целью продажи их излишков для удовлетворения потребностей покупателей в необходимых для жизни товарах.* В этом экономическом укладе, сконцентрированном преимущественно в городах, зарождается автономный индивидуализм человека, который даст зрелые всходы в экономике Западной Европы (XVII – XVIII вв.). На этой почве вырастает *протокапиталистический социально-экономический уклад*. Товарно-денежные отношения простого товарного хозяйства обслуживают локальные и региональные рынки, где отсутствует массовый спрос и предложение товаров, что является отличительной особенностью индустриального капитализма, создавшего динамично растущий и емкий внутренний национальный и мировой рынок в XIX – XX вв.

2. Природа человека и античная экономика (ойкономос)

Торговый и ростовщический капитал появляется для обслуживания потребностей сухопутной и морской торговли товарами на дальние расстояния. Античное и христианское мировоззрение носило сакральный характер, что налагало на функционирование торгового и ростовщического капитала множество духовно-нравственных запретов (табу). Традиции общества оказывали на поведение капиталистов сильное воздействие, вводя жесткие социально-экономические ограничения. Например, сакральные вещи не могли быть средством рыночного обмена. Античная экономика греческого и римского полиса (города-государства) была аграрной, с преимущественно растениеводческой ориентацией своего развития. Она представляла собой составную часть публичной жизни греческих и римских граждан. Крестьянин как земледелец-собственник, верный родному участку своей земли, – это тот образ, который воплощает в себе хозяйственный тип грека и римлянина. Морская торговля портовых городов-государств, обслуживавшая потребности аграрной экономики, была подчиненной ей сферой. Экономика греческих и римских полисов базировалась на натуральных отношениях, ориентированных на производство потребительных стоимостей, которые потреблялись гражданами общины. В этом состоял глубинный смысл *античной ойкономос (домашнее хозяйство – община родичей)*, нацеленной на удовлетворение простых жизненных нужд людей посредством примитивных средств производства при массовом использовании ручного труда. Мировоззрение античных людей строилось на фундаментальной интуиции, определяющей доминирование в мышлении и поведении индивида общинных ценностей. Как член земледельческой общины, античный человек имел фиксированный уровень естественных потребностей. Он был призван служить общине самой судьбой. Феодальная экономика христианского общества также отличалась низким техническим уровнем развития. На нее оказывали сильное влияние множество катаклизмов (стихийные бедствия, эпидемии, войны). Ле Гофф (1924–2014) писал: «Средневековый Запад – это прежде всего универсум голода, его терзал страх голода и слишком часто сам голод» [1, с. 216].

Античное общество строилось на исходной интуиции, которую Аристотель облек в учение, согласно которому по своей природе существуют две категории людей – свободные и рабы. В основе рабовладельческого общества лежит естественное неравенство людей. Для античного мышления «естественное» состояние вещей определялось космической справедливостью, из которой вытекал идеал добродетельной жизни гражданина полиса.

Цель античного ойкономос состояла в воспитании достойного гражданина общинного полиса. Мудрость античного мира выработала правило: воздержание и умеренность. О том же свидетельствовало дельфийское изречение древнего оракула: «Ничего чересчур». Этический принцип жизни древних греков и римлян воплощался в фундаментальной идее традиционного патриархального автаркического земледельческого хозяйства

(общины) – *ойкономос*, которая рассматривалась античным, а затем также впоследствии христианским мировоззрением как единственно разумная и рациональная форма жизни земледельческого общества. Автаркическая земледельческая «ойкономос» была по своим мировоззренческим основаниям принципиально несовместима с «хрематистикой». Античные философы определяли ее как дурную бесконечность, образом которой является бег белки в колесе в никуда. «Хрематистика» – это система торгового и денежного посредничества, где торговцы товарами и деньгами проводят срочные товарные и денежные операции, с целью накопления капитала для создания новых денег в цикле их непрерывного оборота. Представим формулы, которые определяют сущность воспроизводства торгового капитала $[D-T-D'(D+\Delta D)]$ и ростовщического капитала $(D-D')$.

«Аристотель указывал, что восприятие богатства как имеющего цель в самом себе беспредельного накопления денег, есть нарушение основного закона человеческой природы, требующего накапливать только блага, необходимые для жизни. Хозяйственные блага интересовали греков и римлян по их конкретному назначению служить средством удовлетворения осязаемой, “телесной”, естественной потребности. Отсюда следует, что отвлечение от конкретных свойств хозяйства и их рациональный расчет в денежной форме, присущий европейскому буржуа, был просто невыносим для человека античной эпохи. Латифундии и мастерские с сотнями рабов воспринимались не в качестве анонимных, приносящих прибыль капиталистических предприятий, а как составная часть “дома” – богатого, но все равно семейного, ориентированного на человеческие потребности хозяйства» [2, с. 80].

Исходные хозяйственные интуиции античного грека и римлянина, которым как носителям языческого мировоззрения был внутренне присущ общинно-родовой сакральный характер мышления, исключали рыночный утилитаризм индивида (стремление к персональной пользе) как принцип построения экономики рыночного типа. Утилитарные цели и мотивы поведения новоевропейского человека, стремящегося к максимизации рыночной пользы, были не понятны и внутренне чужды античному человеку. Хрематистика как принцип экономической жизни, когда деньги порождают новые деньги, а посредник ставит своей целью получение прибыли ради новой прибыли, по мнению Аристотеля (384–322 г. до н.э.), порочна по своей сущности. Преследуя эти цели, индивидуум совершал движение в замкнутом круге дурной бесконечности, поэтому Аристотель сравнивал ростовщиков с содержателями домов терпимости. Богатство и деньги для римлянина служили всего лишь средством для реализации высших целей и ценностей Вечного города – Великого Рима. «Поскольку для римлян мир хозяйства не только конкретен, но еще и социализирован, то собственность и богатство получали свое оправдание в сферах гражданственности и публичности» [Там же, с. 81].

Римская община формировала доминантные духовно-нравственные ценности, которым была подчинена производная от них рыночная экономика и ее атрибуты – товар, деньги и капитал. Общинные сакральные ценности римлян были диаметрально противоположны индивидуалистическим ценностям рыночного утилитаризма, которые были внутренне присущи западно-европейскому человеку Нового времени (XVII – XVIII вв.). В основе утилитарного поведения лежит автономия индивидуума, требующего своего самостоятельного существования, обособленного от жизни солидарной христианской общины. Тенденция к формированию мирозерцания автономного индивидуума ведет к разрушению общинного образа жизни. Утилитарные ценности автономного человека Западной Европы диаметрально противоположны ценностям коллектива солидарной сакральной общины, которая в полисной экономике отождествляется с государством.

Римлянин уважал личные заслуги достойных граждан своей общины, благоговейно относился к римским социальным, политическим и правовым порядкам, считая их естественными, рациональными и неизменными. Рим представлялся его гражданам благоустроенной частью сакрального Космоса, неотъемлемой частью которого был индивид, погруженный в полис-общину. Языческая религия придавала рациональности античного мирозерцания сакральное содержание, источником которой было имманентное безличное божество, тождественное Космосу. Античная общность строилась на сакрализованном солидарном человеке. Философия античности занималась поиском актуальных практик погружения мудреца в безличную божественную реальность.

«Однако любой исторический тип рационализации хозяйства всегда приобретает отчужденное от непосредственной жизни идеальное значение в качестве безусловного и неотчуждаемого смысла хозяйствования. Или, что то же самое, экономическая рационализация есть одно из выражений сакрального (сверхэмпирического) осмысления мира и человека. Для Рима данное обстоятельство означало придание хозяйственной повседневности признаков единого природно-социального универсума, объединяющего богов, природу и сограждан» [2, с. 82]. Римлянин верил, что сакральный мир римской полисной общины является частью божественного Космоса, его эманацией (нисхождением) в подлунный мир. Полисная общность людей порождает из своей внутренней природы экономику, которая обслуживает потребности общинных порядков Рима. Экономика являлась специфическим срезом универсальной жизни римских граждан.

Полис (Рим, Афины, Спарта) представлял собой боевой союз вооруженных мужчин. Гражданин созерцал уютный благоустроенный полис (город-государство), который уподоблялся прекрасно устроенному чувственно видимому и осязаемому Космосу-Абсолюту. Полис, созерцаемый гражданином, – это живое отражение Вселенской красоты Космоса. За пределами античных полисов находится дикий хаос варварского мира. Римлянин и грек были существами политическими, гражданами общины

вооруженных мужчин, которая отождествлялась с полисом. Граждане общины, т.е. государство – есть высшая ценность. Римлянин был родовым существом, сросшимся с общиной и неотделимым от нее. Поэтому римлян называли «народом безымянных героев». Экономика для древних римлян и греков являлась не более чем подчиненным полису средством воспитания достойных граждан, беззаветно служащих общине. Экономика для автономных индивидов Нового времени (XVII–XVIII вв.), *сформировавших свое мировоззрение на основе функциональной (инструментальной) рациональности*, превратилась в средство получения персональной выгоды в личных интересах. «Духовное начало, лежавшее в основе экономической жизни Рима, никоим образом не могло привести к становлению там системы хозяйства, подобной новоевропейскому капитализму – при наличии “объективных” предпосылок подобного переворота» [2, с. 92].

3. Античное общество. Специфическая рыночная экономика грабежа

Натуральная экономика античного и феодального общества представляла собой систему производства сельскохозяйственной продукции, создаваемой принудительным трудом работников, лично зависимых от собственников земли (рабовладельцев и феодалов). В докапиталистическом обществе происходило становление рыночных отношений, в которых видное место занимал *протокапиталистический социально-экономический уклад*, обслуживавший натуральное хозяйство. Торговый и ростовщический капитал и рыночная система отношений вносили некоторую коррекцию в формирование целей и мотивов деятельности субъектов натуральной экономики. Небольшая часть сельскохозяйственной продукции, производимой в рабовладельческих латифундиях и феодальных поместьях, реализовывалась на рынке за деньги. Определенную долю от полученного денежного дохода рабовладельцы и феодалы использовали для покупки различных экзотических товаров, которые привозились из заморских стран (пряности, шелк, стекло, зеркала, оружие из дамасской стали и др.). В период разложения феодального строя в целях формирования товарного хозяйства, ориентированного на растущий рынок, «новые дворяне» в Англии (XV – XVIII вв.) проводили принудительную ликвидацию общинного землепользования. С одной стороны, происходил массовый сгон крестьян с общинных земель (огораживания – англ. *enclosure*), возникали фермерские хозяйства, арендующие землю у лендлордов, появлялись наемные рабочие (батраки). С другой стороны, осуществлялась рационализация аграрного производства, вводилась новая техника, передовые технологии обработки земли, создавались ткацкие, кожевенные мануфактуры.

Торговые капиталисты были нацелены на увеличение объемов продаж товаров для получения прибыли в коммерческих операциях. Ростовщический капитал занимался кредитованием заемщиков, обслуживая торговлю на дальние расстояния, а также кредитовал государство. Торговый и ростовщический капитал, нацеленные на присвоение прибыли, наращивали денежные обороты и осуществляли накопление капитала. Денежный капитал, возни-

кающий из срочных коммерческих операций, воспитывал коммерческий дух у людей, которые погружались в деперсонифицированные (безличные) рыночные отношения. Докапиталистические социально-экономические формации базировались на ведении натурального хозяйства собственниками земли и личной зависимости от них рабов и крепостных крестьян. Они обладали властью над жизнью подчиненных им людей. К. Маркс отметил: «Противоположность между властью земельной собственности, покоящейся на отношениях личного подчинения и господства, и безличной власти денег хорошо схвачена в двух французских поговорках: “Нет земли без господина”. – “Деньги не имеют хозяина”» [3, с. 157].

Рабовладельческие государства традиционно строились на грабеже покоренных народов. Показательны смыслы, заложенные в стихотворение, содержание которого дышит мудростью веков: «Откуда взято это богатство? Чем добыто и какой ценой? Война, торговля и пиратство – три вида сущности одной». Военное дело было жизненно важной системой римского общества, обслуживавшей натуральную экономику. Военная отрасль выполняла функции по поставке всех видов ресурсов для производства и потребления продукции в рабовладельческих латифундиях и крупных городах, которые были центрами административной власти в Римской империи. Рим вел непрерывные войны за ресурсы с соседними государствами и племенами, а также осуществлял грабеж покоренных провинций. Римская армия захватывала и поставляла в рабовладельческие латифундии массы рабов, завоевывала территории, пахотные земли, лесные массивы, водные артерии, недра земли, из которых извлекались полезные ископаемые (золотые и серебряные рудники). Римская армия и флот осуществляли контроль над крупными городами и населенными пунктами на завоеванных территориях. Особенно выделялись сухопутные транспортные коммуникации, морские и речные порты, горные перевалы, которые представляли собой стратегически важные узлы обороны. Римляне осуществляли господство над территориями и покоренными народами, поддерживая в функциональном состоянии инфраструктуру морских, речных и сухопутных коммуникаций. Например, военно-морские базы портов и вымощенные камнем римские дороги, связывающие в единое целое гигантскую Римскую империю, поддерживались в хорошем состоянии, так как были необходимы для целей быстрой переброски войск и грузов.

Римляне как этнос выработали рациональное мышление и жесткую дисциплину, отличались героическим подвижничеством. Эти внутренние присущие им качества цементировали их человеческую природу, благодаря которой римлян прозвали «организационной машиной» античного мира. Выдающиеся качества державного гения римского народа позволили создать гигантскую империю – *Ойкумену* (Вселенную), которая охватывала территорию трех континентов – Европу, Азию и Африку. Империя простиралась от Британии на севере до Египта на юге, от Испании на западе до Сирии, Армении и Междуречья (Евфрат) на востоке. Римский поэт Вергилий

(70–19 г. до н.э.) писал: «Римлянин! Ты научись народами править державно. – В этом искусство твое! – налагать условия мира. Милость покорным являть и смирать войною надменных» [4, с. 263].

Военная отрасль римской экономики поставляла ресурсы в систему натурального производства (земледелие, скотоводство, строительство), в отрасли сферы услуг: медицину и гигиену (термы), образование, а также обслуживала кровавые зрелища с гладиаторами и дикими зверями в античном цирке. Специфическая рыночная экономика, построенная на грабеже, была вписана в общественную систему Рима, обслуживая принудительные хозяйственные отношения. Рыночные отношения способствовали воспроизводству гигантских потоков богатств, которые направлялись из военной отрасли в отрасли натурального производства и сферу услуг. Особенности рационального хозяйственного мышления римлян оказали воздействие на формирование системы отношений частной собственности. В практической сфере деятельности античное римское право закрепило ее в выработанной системе юридических категорий. Однако частная собственность римлян носила специфический характер, что определялось особенностями их языческого мышления, солидарным характером общинных отношений и природой военной экономики Рима. В своей сущности римская экономика отличалась от системы экономических отношений капиталистической частной собственности, которые определяли природу хозяйственного порядка Западной Европы Нового времени (XVII–XVIII вв.). «Столь же невозможно было и экономическое развитие на основе принципа частной собственности как “естественного” или самодовлеющего института. По мнению М. Т. Цицерона (106–43 г. до н.э.), частной собственности от природы не бывает, она возникает либо путем оккупации незаселенных земель, либо вследствие победы на войне, либо благодаря законам, договорам, жеребьевке» [2, с. 80].

Приведем пример из обычной римской «военно-рыночной» практики. Полководец римской армии, подойдя к вражескому городу, предъявлял ему ультиматум, в котором содержались требования выплаты значительной контрибуции, размер которой зависел от богатства города. В случае неудовлетворения требований римлян город ждал штурм и жестокий погром. Если у жителей города не хватало денег для выкупа, то римляне предлагали им рыночную услугу. Армию сопровождали ростовщики, готовые дать городу деньги займы под залог движимого и недвижимого имущества горожан. Торговцы, находившиеся при армии, были готовы купить у горожан предметы роскоши, здания, рабов по ценам, которые римляне принудительно устанавливали собственникам имущества. Денежные и торговые посредники, сопровождавшие армию, предлагали помощь городу для сбора необходимой для выкупа суммы денег. Награбленные римлянами богатства поступали на рынок для продажи.

Римский религиозно-хозяйственный тип экономики базировался на специфических имущественных отношениях римской полисной общины, а также частной собственности свободных граждан империи. Однако, несмотря на рост товарности производства, а также экспансию военной экономики, что вело к увеличению объемов торговли товарами и деньгами, римская экономика оставалась в сущности натуральной. Домашние хозяйства патриархальных семей стремились к самообеспечению своего замкнутого цикла жизни. Нацеленность на самостоятельное удовлетворение потребностей общин оставалась неизменной. Натуральная экономика позволяла обеспечивать воспроизводство естественного образа жизни римлян и общинных ценностей. Субъект товарного хозяйства, расширяющий свое производство за счет кредитов и работающий исключительно на рынок, становящийся в XVIII – XIX вв. в Западной Европе, был принципиально не возможен как хозяйственный тип в римской Ойкумене. Подобные хозяйственные структуры несовместимы с духовными ценностями языческой религии, императивами полисной и имперской государственности Рима, а также социальной организации римского гражданского общества. Религиозно-хозяйственный архетип римской общины не базировался на представлении о том, что растущие богатства, текущие в Вечный город из покоренных территорий, а также получаемые от увеличения производства и торговли гражданских общин Рима, являются ограниченными ресурсами, которые находятся в руках инновационного предпринимателя. Представления римлянина о рынке принципиально исключали духовное принятие им процесса накопления капитала, который используется для наращивания объемов производства товаров с целью самовозрастания капитала. Дух римской ойкономос диктовал совершенно другие пути использования получаемых богатств. С одной стороны, богатство рассматривалось как средство удовлетворения частных потребностей и направлялось на сверх-потребление, а также совершение коррупционных сделок для получения должностей с целью выполнения функций государственной власти. Был и другой путь, который заключался в удовлетворении общественных потребностей римской общины. Частные лица и государственные структуры власти направляли гигантские средства на строительство грандиозных объектов социальной и военной инфраструктуры, а также организацию публичных зрелищ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гофф, Жак Ле.* Цивилизация средневекового Запада / Жак Ле Гофф – М. : Прогресс-Академия, 1992. – 376 с.
2. *Румянцев, М. А.* Религиозные основания хозяйствования / М. А. Румянцев. – СПб. : Изд-во НПК «РОСТ», 2005. – 308 с.
3. *Маркс, К.* Капитал. Критика политической экономии : в 3 т. / К. Маркс. – М. : Политиздат, 1978. – Т. 1, кн.1 : Процесс производства капитала. – 908 с.
4. *Дюрант, Вил.* Цезарь и Христос / Вил Дюрант. – М. : КРОН-ПРЕСС, 1995. – 736 с.

Поступила в редакцию 12.04.2021

А. Г. Цымбал

СУЧАСНАЯ ПОЛЬСКАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПАЛІТЫЧНАГА ЖЫЦЦЯ Ў ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (1921–1939 гг.)

Статья посвящена изучению современной польской историографии политической жизни в Западной Беларуси в составе межвоенного польского государства. Отмечается, что после распада Советского Союза и начала процесса системной трансформации были сняты идеологические ограничения в польской исторической науке. Свободный выбор тематики исследования вместе с облегчением доступа польским ученым к белорусским архивам содействовали появлению новых научных работ, посвященных особенностям политической ситуации в Западной Беларуси в 1921–1939 годах. В польской историографии представлены работы, характеризующие деятельность отдельных политических движений, биографии руководителей воеводской администрации, работы, анализирующие политическую жизнь на локальном уровне отдельных воеводств, а также обобщающие исследования.

Становішча заходнебеларускіх зямель у складзе міжваеннай польскай дзяржавы ў апошні час ўсё больш прыцягвае ўвагу даследчыкаў. Польскай гістарыяграфіяй за апошнія 30 год створаны дастаткова вялікі корпус прац, прысвечаных шматлікім праблемам даследавання рэгіёну, у тым ліку і асаблівасцей палітычнага жыцця. Неабходна адзначыць, што да пачатку 90-х гг. XX ст. заходнебеларуская праблематыка не знаходзілася сярод папулярных тэм і прадметаў даследавання польскіх гісторыкаў. Прычынай гэтага з'яўлялася палітычная сітуацыя пасля II Сусветнай вайны, якая вызначала асаблівасці развіцця гістарыяграфіі Польскай Народнай Рэспублікі. У пасляваеннай сацыялістычнай Польшчы тэматыка т. зв. «крэсаў усходніх» фактычна знаходзілася на перыферыі навуковых інтарэсаў гісторыкаў па прычыне цензуры і ідэалагічных абмежаванняў, недасяжнасці для польскіх даследчыкаў савецкіх архіваў. Праблемы польскай прысутнасці на беларускіх землях выключаліся з навуковага дыскурсу ў духу ідэалагічнага прынцыпа «сацыялістычнага сяброўства народаў». Нешматлікія выданні, прысвечаныя беларускай праблематыцы, былі напісаны з класавых пазіцый і вялі гаворку аб абавязку Польшчы памятаць аб беларускіх сялянах, дзякуючы працы якіх ствараліся матэрыяльныя асновы для развіцця польскай культуры і гаспадаркі [1, с. 5]. У польскай сацыялістычнай гістарыяграфіі інтэрпрэтацыя знаходжання Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы разглядалася ў кантэксце каланіяльнай палітыкі ўлад і барацьбы ўсіх прагрэсіўных сіл Польшчы з санацыйнымі ўладамі, як гэта сцвярджалася ў адзінай абагульняючай працы па гісторыі Беларусі, выдадзенай у перыяд ПНР, аўтарам якой з'яўляўся М. Косман [2, с. 321, 331]. Ідэалагічныя табу адносна вывучэння вострапалітычнай заходнебеларускай праблематыкі разам з класавым падыходам прыводзілі да таго, што аўтары звярталіся больш да сацыяльна-эканамічных аспектаў становішча Заходняй Беларусі [3, с. 331]. З 1970-х гг. усё больш увагі польскія гісторыкі пачынаюць надаваць нацыянальнаму пытанню [4]. Беларускі камуністычны рух у Заходняй Беларусі даследвала А. Бергман [1].

Пасля распаду Савецкага Саюза, пачатку працэсу сістэмнай трансфармацыі, знікнення ідэалагічных абмежаванняў у польскай гістарыяграфіі, а таксама дзякуючы доступу да беларускіх архіваў, узніклі якасна новыя даследчыя ўмовы і магчымасці, што спрыяла з'яўленню новых навуковых прац, прысвечаных вывучэнню асаблівасцей палітычнай сітуацыі на ўсходніх тэрыторыях міжваеннай Польшчы.

Палітычнае жыццё ў Заходняй Беларусі з'яўляецца адной з праблем, якая застаецца маладаследаванай у сучаснай польскай гістарыяграфіі. Толькі ў апошнія гады пачалі з'яўляцца спецыяльныя выданні прысвечаныя дзейнасці асобных палітычных рухаў, біяграфіі асоб з дзяржаўнай адміністрацыі, а таксама абагульняючыя даследаванні.

Фундаментальным пытаннем напісання гісторыі Заходняй Беларусі ў складзе міжваеннай Польшчы з'яўляецца праблема метадалогіі. У польскай гістарыяграфіі на сённяшні дзень выразна дамінуе польскі «метадалагічны нацыяналізм». В. Слешыньскі ў сваім даследаванні, прысвечаным праблемам бяспекі ў палітыцы польскай дзяржавы на паўночна-ўсходніх землях II Рэчы Паспалітай, адзначае, што адкідвае палонацэнтрычнае бачанне гісторыі. У той жа час ён сцвярджае, што канструкцыя працы і выкарыстання архіўных матэрыялаў абумовілі вобраз праблемы, які створаны з перспектывы і пазіцыі польскіх улад [5, с. 11], што фактычна вяртае даследаванне ў палонацэнтрычны дзяржаўны дыскурс, з якім неразлучна звязана «крэсовая парадыгма» як мадэль вывучэння ўсходніх тэрыторый дзе рэалізоўваліся польскія нацыянальныя інтарэсы. У выніку для наратыву сучаснай польскай гістарыяграфіі палітычнай гісторыі характэрны супрацьпастаўленні цэнтра і перыферыі («крэсаў»), палякаў і нацыянальных меншасцей, польскай дзяржавы і дзяржаўных памкненняў беларусаў, польскага пана і беларускага селяніна, рэалізацыі дзяржаўнай палітыкі і дзейнасці падрыўных элементаў на «крэсах».

Для сучаснай польскай гістарыяграфіі ўласцівы зварот да рэгіянальнай гісторыі. Гісторыкамі даследуецца палітычная сітуацыя ў асобных усходніх ваяводствах II Рэчы Паспалітай. Значны інтарэс выклікае Палессе, якому за апошнія гады прысвечана некалькі даследаванняў. Асабліва вылучаюцца даследаванні П. Ціхарацкага, які прадставіў цэласны вобраз палітычнай гісторыі Палесскага рэгіёну, даследуючы легальныя праявы грамадска-палітычнага жыцця [6], дзейнасць камуністычных арганізацый [7], ўзброеныя выступленні і парушэнні грамадскага парадку [8], а таксама біяграфію найбольш вядомага кіраўніка Палесскага ваяводства – В. Костэк-Бярнацкага [9].

Э. Кірвел [10] прадметам свайго даследавання вызначыла палітычнае аблічча паўночна-ўсходніх крэсаў II Рэчы Паспалітай. Аўтар пабудавала сваю працу ў рамках «крэсвай парадыгмы» але падкрэслівае, што ў літаратуры адсутнічае адназначнае тэрытарыяльнае вызначэнне «крэсаў». У выніку яе даследаванне тэрытарыяльна абмежавана толькі Віленскім і Наваградскім ваяводствамі, пакідаючы Палесскае і Беластоцкае ваяводства па-за ўвагай [10, с. 9]

Паводле польскіх даследчыкаў, палітычнае становішча ў Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд фарміравала спецыфіка тэрыторый, а менавіта граніца з СССР і Літвой, нацыянальная і сацыяльная структура насельніцтва, гаспадарчая сітуацыя, канцэпцыі і накірункі дзейнасці асноўных палітычных аб'яднанняў, а таксама адміністрацыйная практыка польскіх улад на заходнебеларускіх тэрыторыях.

Храналагічна польскія гісторыкі вылучаюць два асноўныя перыяды ў палітычнай гісторыі Заходняй Беларусі. 1920-я гг. выступаюць перыядам актыўнай палітычнай барацьбы і канкурэнцыі польскіх палітычных партый з рухамі нацыянальных меншасцей. Характэрнай асаблівасцю перыяду было дамінаванне на палітычнай арэне прадстаўнікоў левай палітычнай плыні. Ад больш памяркоўных групавак, кшталту Польскай сацыялістычнай партыі (ППС), да больш радыкальных і схільных да камуністычнай ідэалогіі, як Беларуска-сялянска-работніцкая грамада (БСРГ). Польскія палітычныя партыі звычайна належалі да першай плыні, у той час як прадстаўнікі нацыянальных меншасцей – да другой [6, с. 433].

Як піша Э. Кірвел, пасля майскіх падзей 1926 г. выбары паступова страчвалі сваю актуальнасць. З 1928 г. можна казаць аб пачатку другога этапу, калі на першы план палітычнага жыцця выходзяць праўрадавыя партыі з лагера Ю. Пілсудскага, як, напрыклад, Беспартыйны блок супрацоўніцтва з урадам (ББСУ), які быў створаны перад выбарамі ў парламент. Пры выкарыстанні легальных і нелегальных сродкаў «пілсудчыкі» забяспечылі факт, што большая частка грамадства на выбарах 1928 г. выказалася за ББСУ. Становішча, якое ў грамадска-палітычным жыцці заняў ББСУ пры выразнай дапамозе мясцовай польскай адміністрацыі, якая адкрыта ангажавалася на яго баку і перашкаджала дзейнасці апазіцыйным арганізацыям, было надзейна забяспечана. У той жа час прадстаўнікі беларускай меншасці галасавалі выразна за камуністычных кандыдатаў, што, па меркаванні Э. Кірвел, з'яўляецца аргументам няслабнучай папулярнасці гэтай ідэалогіі сярод беларускага насельніцтва, а таксама вынікам уплываў толькі нядаўна ліквідаванай Грамады [10, с. 206]. Палітычнае становішча ў 1930-я гг. характарызаваў некалькі істотных палітычных працэсаў. Па-першае, абмежаванне з боку правячага лагера пры дапамозе мясцовага адміністрацыйнага апарату дзейнасці і ўплываў усіх польскіх арганізацый, якія знаходзіліся ў апазіцыі да ўраду, а таксама ліквідацыя беларускіх партый. Па-другое, рост палярызацыі грамадскіх настрояў у радыкальных накірунках (камуністычных і нацыяналістычных). І па-трэцяе, усё большая апатыя і пасіўнасць беларускага грамадства.

Вялікі інтарэс пры аналізе палітычнага жыцця мае антрапалагічны падыход, што прадстаўлены П. Ціхарацкім у яго даследаванні жыцця і дзейнасці В. Костэк-Бярнацкага, які займаў пасады каменданта Брэсцкай крэпасці, а пазней Навагрудскага і Палескага ваяводы ў 1931–1939 гады. «Брэсцкі працэс» 1930 г., звязаны з расправай санацыйным рэжымам над саюзам цэнтрэцкіх і левых партый, што выступалі супраць улады

Ю. Пілсудскага, праславіў В. Костэк-Бярнацкага як выключна жорсткага чалавека, які не лічыўся з нормамі права [9, с. 169]. Даследчык сцвярджае, што дзейнасць Бярнацкага можа разглядацца як рэалізацыя спецыфічнай праграмы адміністравання і нацыянальнай палітыкі ў паўночна-ўсходніх ваяводствах, што былі звязаны з паслядоўнай палітыкай паланізацыі.

Асобную ўвагу Ціхарацкі надае ролі Бярнацкага ў стварэнні лагера ў Бярозе-Картузскай. Будучы палескім ваяводам, ён калі не быў ініцыятарам размяшчэння лагера ў сваёй падуладнай тэрыторыі, то выступаў вялікім прыхільнікам стварэння месца ізаляцыі і актыўна ўдзельнічаў у яго кіраванні. Ён часта выкарыстоўваў сваё права працягваць час зняволення для арыштаваных, які вызначаўся ў тры месяцы, бо лічыў гэта надзейным метадам рэпрэсіі і запужвання [9, с. 351].

Асаблівасці палітычнага жыцця ў Заходняй Беларусі з перспектывы развіцця рэвалюцыйнага руху і ўдзелу ў ім нацыянальных меншасцей прадставіў Х. Цімак. У сваім даследаванні ён звярнуў увагу на дзейнасць Камуністычнай партыі Польшчы (КПП), Камуністычнага саюзу моладзі Польшчы (КСМП), а таксама іх састаўной часткі – Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі. Аўтар, звяртаючы ўвагу на нацыянальны склад КПП і КСМП адзначаў, што гэта былі партыі пераважна нацыянальных меншасцей, у першую чаргу яўрэяў, а беларусы і ўкраінцы разам складалі ў 1933 г. каля 38 % камуністаў у Польшчы. Свае асаблівасці прысутнічалі ў КПЗБ, якая не імкнулася працаваць сярод палякаў і змагалася за адарванне Заходняй Беларусі ад Польшчы, але партыя не фармулявала ніякіх спецыяльных пастулатаў адносна палякаў на выпадак рэалізацыі іх праграмы. КПЗБ вылучала беларускае пытанне ў першыя гады сваёй дзейнасці, а частка партыі, т.зв. «сецэсія» (1924–1926 гг.), дэманстравала цэнтрабягучыя і антыпольскія тэндэнцыі. Прадстаўнікі гэтай плыні, як адзначае аўтар, імкнуліся пазбавіцца ўплыву КПП на КПЗБ і вылучала патрабавання далучэння Заходняй Беларусі да БССР шляхам арганізацыі лакальнага ўзброенага паўстання, падтрыманага Чырвонай Арміяй. Тактыка КПЗБ адносна беларускага пытання ў 1927–1935 гг. атрымала назву *нігілізму*. Беларускае пытанне ўсё больш адыходзіла на другі план, што, на думку даследчыкаў, з'яўлялася памылкай камуністычнага руху [11, с. 159].

Папулярнасць рэвалюцыйных партый сярод нацыянальных меншасцей Цімак абумоўлівае асаблівасцямі нацыянальна-сацыяльнага складу Заходняй Беларусі і палітычных лозунгаў партыі, накіраваных на барацьбу з класавым і нацыянальным прыгнётам. Гэта прыцягвала мясцовае насельніцтва ў шэрагі партыйных арганізацый левага накірунку, што вылілася ў пікавы момант дзейнасці Беларускай сялянска-работніцкай грамады, якая налічвала каля 120 тыс. членаў. Дастаткова масавымі былі і іншыя левыя партыі так ці інакш звязаныя з камуністычным рухам. Аднак не ўсе лозунгі КПП і Камуністычнага інтэрнацыяналу ўспрымаліся ў Заходняй Беларусі. Сепаратысцкія тэндэнцыі, нягледзячы на заклікі да пралетарскага інтэрнацыяналізму, дамінавалі асабліва шырока сярод яўрэяў. Для беларускіх камуністаў, а таксама

часткова яўрэйскіх і польскіх, не вельмі была зразумела стратэгія народнага фронту (1935–1937 гг.) згодна якой рэкамендавалася выступаць у абарону Польшчы перад пагрозай з боку нацысцкай Германіі. Выхаваныя на лозунгах рэвалюцыйнай барацьбы з капіталізмам мясцовыя камуністы не разумелі заклікаў абароны буржуазна-дэмакратычнага ладу або незалежнасці капіталістычных дзяржаў перад агрэсіяй фашысцкіх дзяржаў [11, s. 159].

Беларускія і ўкраінскія камуністы, якія па-ранейшаму выступалі за арганізацыю ўзброенага паўстання пры дапамозе Чырвонай Арміі не жадалі прымаць лозунг першанства агульнапольскай рэвалюцыі і толькі потым рэалізацыі права самавызначэння народаў. Незразумелым для іх было патрабаванне абароны дзяржавы, ад якой яны хацелі аддзяліць частку тэрыторыі і змяніць капіталістычны лад на сацыялістычны. Змяншалася і вера ў перавагі сацыялізму, што будаваўся ў СССР, дзе пашыраліся рэпрэсіі ў тым ліку адносна камуністаў, адбывалася масавая прымусовая калектывізацыя і барацьба з сялянствам. У гэтым кантэксце, як піша Цімак, узніклі і сумненні адносна рэалізацыі лозунга аб самавызначэнні праз далучэнне да БССР і УССР, асабліва ў сувязі з навінамі аб шматлікіх ахвярах у СССР у выніку штучна арганізаванага Сталіным голаду [11, s. 161].

У 1930-я гг. працягваўся працэс маргіналізацыі іншых, акрамя ББСУ і пазней Лагера нацыянальнага аб'яднання (ЛНА), легальных польскіх палітычных арганізацый, якія былі не ў стане стварыць канкурэнцыю правячаму лагеру, які распараджаўся дзяржаўным апаратам, паліцыяй і войскам. Але «пілсудчыкі» галоўным ворагам лічылі дзейнасць групавак нацыянальных меншасцей, якія разглядаліся як шкодны фактар для польскай дзяржаўнасці. У апошнія гады II Рэчы Паспалітай, як падкрэслівае Э. Кірвел, «пілсудчыкі» з'яўляліся галоўнай кіруючай сілай у рэгіёне, але факт іх кіравання не азначаў сапраўднай падтрымкі гэтага лагеру ў Заходняй Беларусі, асабліва сярод няпольскага насельніцтва [10, с. 206]. П. Ціхарацкі ставіць адкрытае пытанне, наколькі эфектыўнымі, з пункту гледжання правячага лагеру, былі спробы мясцовых структур ЛНА прыцягнуць у арганізацыю мясцовае праваслаўнае насельніцтва. На яго думку, не падлягае сумненню, што дзейнасць у рамках галоўнай праўрадавай палітычнай структуры выступала яшчэ адным каналам паланізацыі [2, с. 435].

Такім чынам, сучасная польская гістарыяграфія прапанавала шэраг даследаванняў, прысвечаных палітычнаму становішчу заходнебеларускіх тэрыторый у складзе міжваеннай польскай дзяржаве, якія ўяўляюць вялікі інтарэс для айчыннай гістарычнай навукі і актуалізацыі даследаванняў Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. Для польскай гістарыяграфіі ў значнай ступені характэрны разгляд заходнебеларускай праблематыкі з перспектывы палонацэнтрычнага падыходу польскіх «крэсаў», што ў значнай ступені абумоўлена наяўным архіўным матэрыялам, а менавіта дакументацыяй польскай адміністрацыі. У той жа час з'явіліся працы, што крытычна аналізуюць дзейнасць польскіх улад і прадстаўнікоў адміністрацыі. Вывучэнне архіваў Беларусі дазволіла польскім даследчыкам дасягнуць

значнай ступені дэталізацыі даследаванняў заходнебеларускай праблематыкі і звароту да гісторыі палітычнага жыцця ў асобных ваяводствах Заходняй Беларусі. Палітычнае жыццё ў працах польскіх гісторыкаў прадстаўлена як праз агульную характарыстыку дзейнасці палітычных партый і рухаў у рэгіёне, так і праз спецыяльныя даследаванні асобных палітычных кірункаў і плыняў.

ЛІТАРАТУРА

1. *Bergman, A.* Sprawy białoruskie w II Rzeczypospolitej / A. Bergman // Białostockie Towarzystwo Naukowe. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwa Naukowe, 1984. – 285 s.
2. *Kosman, M.* Historia Białorusi / M. Kosman. – Wrocław [etc.] : Zakład Narodowy im. Ossolińskich Wydaw., 1979. – 404 s.
3. *Tomaszewski, J.* Z dziejów Polesia 1921-1939 : zarys stosunków społeczno-ekonomicznych / J.Tomaszewski. – Warszawa : Państw. Wydaw. Naukowe, 1963. – 208 s.
4. *Chojnowski, A.* Konceptje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921–1939 / A. Chojnowski // Polska Akademia Nauk. Wydział I Nauk Społecznych. – Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich - Wydaw., 1979. – 262 s.
5. *Śleszyński, W.* Bezpieczeństwo wewnętrzne w polityce państwa polskiego na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej / W. Śleszyński. – Warszawa : RYTM, 2007. – 400 S.
6. *Cichoracki, P.* Województwo poleskie 1921-1939 : z dziejów politycznych / P.Cichoracki. – Łomianki : LTW, 2014. – 477 S.
7. *Cichoracki, P.* Polesie nieidylliczne : zaburzenia porządku publicznego w województwie poleskim w latach trzydziestych XX w. / P. Cichoracki. – Łomianki : LTW, 2007. – 273 S.
8. *Cichoracki, P.* Komuniści na Polesiu w latach 1921-1939 / P. Cichoracki. – Łomianki : LTW, 2016. – 272 S.
9. *Cichoracki, P.* Droga ku anatemie : Waclaw Kostek-Biernacki (1884-1957) / P. Cichoracki // Instytut Pamięci Narodowej. Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu, Uniwersytet Wrocławski. Wydział Nauk Historycznych i Pedagogicznych. Instytut Historyczny. – Warszawa : Instytut Pamięci Narodowej, 2009. – 495 s.
10. *Kirwiel, E.* Kresy Północno-Wschodnie Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1918-1939 : oblicze polityczne / E. Kirwiel. – Lublin : Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 2011. – 219 S.
11. *Cimek, H.* Mniejszości narodowe w ruchu rewolucyjnym w II Rzeczypospolitej / H. Cimek. Rzeszów. – Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2011. – 176 s.

Поступила в редакцию 28.04.2021

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Н. П. Баранов

МУДРОСТЬ КАК ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОЯНИЕ

Ум – это дар, а мудрость – обретение
Иоанн Златоуст

Счастье следует просить у Бога, мудрость –
обретать самому...
Знание и мудрость – не одно и то же.

Высшая мудрость – различать добро и зло.
Сократ

Философией называется не сама
мудрость, а любовь к мудрости.
Августин «Блаженный» (Аврелий)

«На базаре мудрость продавали.
И давали старость к ней в придачу.
Люди проходили, но не брали,
Уходили молча, деньги пряча.
Глупость продавали на базаре,
Молодость давали к ней в придачу!
Люди подходили, покупали,
Убегали, позабыв про сдачу...»
Омар Хайям

В статье анализируется философское понимание сущности феномена мудрости как высшего качества разумности человека, фундаментальная основа ее развития философией и в целом рациональностью науки как способом познания и осмысления действительности. Акцентированно рассматриваются интеллектуальные компоненты *рассудок* и *разум*, их взаимосвязь и роль в формировании и применении знаний в творческо-преобразовательной деятельности человека. Мудрость рассматривается как закономерный компонент рациональной мыслительной деятельности человека, связанный с оценкой целесообразности применения знаний в ее нравственной санкционированности. Творческим обобщением данных происходящей когнитивной революции раскрывается формирование современной философии разума, характеризуются ее ключевые концепции.

Представляется актуальным использование обобщенного в статье научного материала в образовательном процессе со студентами университета, а также в дальнейших теоретических исследованиях феномена мудрости как гносеологической проблемы и фактора цивилизационного развития человечества.

Понятием *мудрость* человечество пользуется с глубокой древности, подразумевая под ней высочайшее из качеств человеческого ума, поступательно развиваемое человеком, как уникальным разумным существом вселенского мира, в процессе своего исторического бытия.

Современное употребление понятия *мудрость* лингвистика характеризует в наш цифровой век следующими данными: частота употребления слова *мудрость* составляет 2539 раз на приблизительно 300 млн слов. Сущностная его интерпретация охватывает синонимичный ряд таких общеупотребительных (в нашей обыденной и профессиональной деятельности, образовательной и научно-исследовательской практиках) понятий, как *разумность*, *благоразумие*, *умственность*, *толковость*, *баиковитость* и некоторые другие [1].

Понятие *мудрость* и синонимичные ему наличествуют в лексиконе всех исторических и современных народов мира. *Ум, мудрость* – ключевые смысловые константы в традиционной культуре любого народа, что находит свое яркое отражение в самом «умоёмком» жанре народного фольклора, кладезе народной мудрости – пословицах и поговорках.

Раздел сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа», посвященный оппозиции «ум–глупость», начинают библейские афоризмы «Всякая мудрость от Бога. Начало премудрости страх Божий», тематически продолжаемые паремиями «Разум – душе во спасенье, Богу на славу», «Нет роженного (ума), не дашь и ученого», «И сила уму уступает», а также молитвенными изречениями «Отыми, Господи, руки, ноги, да опокнь разум», «Вразуми его, Господи, наставь на ум», и заключаемые известным «Если хочет Господь наказать, то лишает разума» [2].

Русский пословичный фонд характеризуется отношением к *уму-разуму* как к благой способности, дарованной Господом Богом и вместе с тем обретаемой (активно формируемой) самим человеком на протяжении всей своей жизни постоянным учением в делах, заботах и испытаниях.

В индуизме сакрализованная мудрость, присущая исключительно богам (характерно для политеизма), просветляющим ум людей в великом колесе жизни – *сансаре*, рассматривается в восхитительных религиозно-мифологических образах богов – будд мудрости, разного уровня ее развития и покровительственной направленности. Среди них: *Ади Будда* – «первоначальный Будда», символизирующий просветленность как спокойный, еще пустой и бесформенный ум; *дхьяни-будды*¹ различных уровней созерцания мира и прозрения ума, выхода к просветленному пониманию (*парамита бодхичитта*); *Самантабхарда* – будда абсолютной, высшей (*праджня*) мудрости и даже запредельной мудрости (*праджня парамита*); *Майтрея* – будда мудрости будущего. Среди них и сам *Будда (Просветленный) Шакьямуни*² – просветляющий, наставляющий людей высшей мудрости в их земной и вечной жизни. В своей земной жизни *Будда* достиг «Совершенной Мудрости» (Мудрости Сердца). В великом духовном деле просветления людей мудростью Будде помогают его неисчислимые последователи-ученики.

С античности понятие *мудрость* навсегда связывается с понятием *философия*, а путь к мудрости – с философствованием, как любовью к мудрости, к глубокому знанию, присущей всякому разумному человеку,

¹ К пяти наиболее почитаемым в индуизме дхьяни-буддам относятся: центральный среди них – Вайрогана («прославленный»), Акшобья («спокойный, непоколебимый»), Ратнасамбхава – буквально «рожденный из драгоценностей», претворяющий в жизнь мечты и дарующий любовь, Амитабха – будда Безграничного света, считающийся первым из дхьяни-будд по времени появления, Амогасиддхи – олицетворяющий «непоколебимость и успешность» даруемую знанием; его рука находится в мудре бесстрашия [3].

² Сиддхарха Гаутама Шакьямуни Будда – пришедший в мир людей, пробужденный и просветленный земной Учитель Мудрости, основатель буддизма – философии просветленной жизни, последний будда перед грядущим Майтреей.

«ибо всякий человек философствует, его дух влечет его в высшие сферы, из конечного в бесконечное» [4]. Сакрализированным именем ее становится София¹, а иконизированный христианством образ святой богини Софии – олицетворением высшей мудрости – Премудрости Божьей.

Воплощенная в монументальный образ божественных знаний, богиня София в правой руке держит лавровый венок – символ победы (над любыми испытаниями), а на ее левой руке сидит сова – народный (языческий) символ задумчивой мудрости. Широким монументальным прославлением Божественной Мудрости стали затем в христианской культуре соборы и храмы Святой Софии. Гордостью Византии и всего христианского мира стала в свое время церковь церквей – константинопольский собор Святой Софии, символизировавший сияющий всем народам свет мудрости как духовной основы земного человеческого бытия, величия человеческих творений, красоты, мира и согласия людей.

Древнегреческие мыслители высказывали мысль о том, что мудрость как таковая представляет собой высший разум, присущий богам², а достоянием человека является любовь к мудрости, влечение к ней.

Безусловно, закономерным является тот факт, что повседневная жизнедеятельность человека основывается преимущественно на простейшем обыденно-практическом знании, непосредственно связанном с его индивидуальным ситуативным жизненным опытом и осваиваемым жизненным опытом окружающих его близких. В античной древности такое протонаучное или донаучное знание (достаточно поверхностно «параметрировавшее» и «объяснявшее» действительность), постепенно обогащаемое философствованием – углубляющимся в *сущность сущего* (Сократ) знанием, становится основой последующего развития рациональности и продвижения человечества к блистательным вершинам многоплановой общечеловеческой мудрости, наполненной жизненно освоенными и практически испытанными философскими и научными знаниями.

В свое время, рассуждая о сущности и корнях мудрости, ее глубинной связи с философией и философствованием, Аристотель отмечал, что «...ни одно из чувственных восприятий мы не считаем мудростью, хотя они и дают важнейшие знания о единичном, но они ни относительно чего не указывают “почему”, например почему огонь горяч, а указывают лишь, что он горяч.

¹ **Софи́я**, Премудрость (др.-греч. Σοφία ‘мастерство; знание, **мудрость**’; ивр. חֵכֶם Хохма) – понятие в античной и средневековой философии, иудаизме, гностицизме и христианстве, выражающее особое представление о **мудрости** или олицетворенная (воплощенная) **мудрость** [5].

² В античности, в период формирования начал философии как рационального духовного объяснения действительности еще закономерно сказывалось влияние частично наследуемых, ранее доминировавших духовных форм мировоззрения – мифологической и религиозной. К примеру, предание донесло следующие философские изречения Фалеса: старше всех вещей – Бог, ибо он не рожден; прекраснее всего – Космос, ибо он творение Бога; больше всего – пространство, ибо оно вмещает все; мудрее всего время, ибо оно обнаруживает все... [6].

Цель рассуждения – показать, что так называемая мудрость, по общему мнению, занимается первыми причинами и началами. Поэтому, человек, имеющий опыт, считается более мудрым, нежели те, кто имеет [лишь] чувственные восприятия, а владеющий искусством – более мудрым, нежели имеющий опыт, наставник – более мудрым, нежели ремесленник, а науки об умозрительном – выше искусств творения... Таким образом, ясно, что мудрость есть наука об определенных причинах и началах, ... наука о сущности». «Мудрость – наука о первых причинах и о том, что наиболее достойно познания, мудростью надо бы признать науку о сущности» [7].

То есть в своем глубинном величии мудрость и есть философия как постижение и знание глубин сущего, путь к которому открыла философия, ставшая праматерью всех наук. Именно в этой своей сути философия и исторически развивающиеся под крылом Софии науки являют собой высший уровень разума человека и человечества, воплощенного в многовековые творческие достижения человеческой цивилизации.

Появление философии в культуре человечества традиционно относят к середине I тыс. до н. э. (VII – V вв. до н. э.), когда в важнейших регионах древнего мира – Индии, Китае и Греции – шел процесс становления великих цивилизаций, приходящих на смену первобытнообщинному строю. Именно в это время появились люди (Будда, Лао-цзы, Фалес и другие), чьим творческим делом и долгом стала работа с мудростью и истиной. Это время «осевого излома истории» К. Ясперс назвал «осевым временем»¹ в цивилизационном процессе, связанном с переходом культуры на основу мудрости. В это время происходит «духовная революция»: философия и наука утверждаются как рациональный способ познания действительности, индивидуальные виды творчества развиваются в искусства, обретают более развитые формы религии. Человечество до сих пор живет теми идеями, которые были рождены в то далекое время. В ту эпоху произошел сдвиг колеса истории, человечество начало осознанное историческое бытие.

Основой для развития человеческого разума и мудрости являются знания. Это неоспоримо ни на обыденном, ни на научном уровнях постижения действительности.

Однако не всякое знание, с точки зрения уже первых философов, есть мудрость. Как простейшее рассудочное знание о единичном, так и многознание², учил Гераклит, не прибавляют мудрости. Мудрость заключается в том, чтобы обо всех известных людям вещах судить, исходя из признания их общей непреходящей основы, чтобы, постигнув сущность бытия, найти всеобщее в специфическом, обосновать и объяснить многие явления. Необходимость обоснования осмысливается в форме вопросов, непосредственно

¹ Понятие «осевого времени» введено и разработано К. Ясперсом в его работе «Истоки истории и ее цель» (1948).

² В досократическую эпоху мудрость была синонимом «многознанию» и «многоопытности». Пифагор указывал на недостижимость человеком мудрости, воспринимая ее как высшую степень познания мироздания.

затрагивающих существование человека. Люди были, остаются и останутся философами, пока они ставят вопросы о смысле своей жизни, о смысле мира, – писал французский философ Э. Вейль. Они забудут философию, вернее, не будут больше философствовать, если поверят, что они постигли этот смысл, или станут сомневаться в том, что он существует.

Бесспорно, именно с философией всецело связано, и таким образом определяется, начало осмысления и последующего научного исследования феномена человеческой мудрости. Вначале – как божественного дара человеку, затем – как закономерно развивающегося самостоятельного достояния человека, основывающегося на единстве его активно-творческой практической и мыслительной деятельности.

Вопрос о сущности мудрости как проявления разума, ее (его) реального генезиса и роли в жизни человека, будучи одной из основных проблем в истории философской мысли, по-прежнему не теряет своей актуальности. Конечно, для нас, современников, он уже не так загадочно проблематичен, как для начинавших его философское постижение мыслителей античности либо для мыслителей Нового времени, заложивших основы научных представлений о разуме. Их идеи, унаследованные и освоенные, являются путеводными и для современного его философского осмысления.

У истоков традиции постижения сущности мудрости – античные идеи о «разумной душе» (Аристотель), которой наделен человек, наряду с чувственной и вегетативной душой, способностью к общественной жизни; разработка начал науки логики о формах, законах и уровнях мыслительной деятельности человека; первые определения сущности разума как особого, рационального (логического) образа мыслей человека и, соответственно, высшей формы человеческого мышления.

Представление Р. Декарта о мышлении как единственно достоверном свидетельстве человеческого существования (*Cogito ergo sum* – Мыслю, следовательно, существую) легло в основу новоевропейского рационализма, усматривающего именно в разуме, мышлении специфическую особенность человека, определяющую его сущность.

Развитие философских представлений о разуме как олицетворении мудрости органично связано с идеей интеллигибельного мира, понятие о котором ввел еще Платон, как познаваемого умом (мыслительно) в отличие от мира, познаваемого чувственно (эмпирически). Важным вкладом в постижение сущности разума стала философская концепция интуитивизма о высшей духовной способности непосредственного усмотрения истины, не опирающейся на эмпирию и рассудочное мышление (Н. Кузанский, Б. Спиноза, Г. Лейбниц и др.).

Философское постижение интеллигибельных способностей человека определило формирование понятия *интеллект* (в античности такого понятия не существовало), и последовательно углубляющуюся разработку его содержания. Характерными при этом являются попытки специфицировать интеллект и разум как качественно различные реалии. Иллюстрацией тому могут

служить размышления по данной проблеме восточнославянского философа К.Транквилиона-Ставровецкого (последняя четверть XVI в. – 1646). «Калі спытаеш, ці адно і тое ж – розум і інтэлект, то варта ведаць, што не адно і тое ж. Розум – гэта адпрыродная моц души, крыніца, падмурак усякіх ведаў чалавека. Інтэлект жа звонку да души прыходзіць. Калі нечаму ад некага навучыцца і штосьці зразумееш – гэта інтэлект. А розум у души сам праз сябе інтэлектуальны. Ён усялякія інтэлекты ў свеце нараджае і аздабляе. У тым розуме вобраз Божы і падабенства славы яго і несмяротнасць адлюстраваныя... У галаве чалавека ёсць слова і голас, якія – свет розуму. Яны адкрываюць ягоныя жаданні, а таксама адкрываюць яго прамудрасць, рады, таемныя ўзрушанні души» [8, с. 30].

Феномену человеческого разума посвящены непревзойденные, всемирно известные, ставшие классикой философские творения Нового времени – «Опыт о человеческом разуме» Дж. Локка; «Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Критика способности суждения» И. Канта и другие.

В рамках философии Нового времени оформляется различение рассудка и разума как двух принципиально разных ступеней рациональности: аналитической и синтезирующей. Рассудок понимается как способность к «конечному мышлению» (постижению конечного), выражающаяся в способности дискурсивного рассуждения. Противопоставляемый рассудку разум являет собой сущностное постижение действительности, формирование идей и целеполагание, выход к трансцендентному как высшим пределам познания, постижения всеобщего (Кант, Гегель). Гегель, в частности, полагал, что на стадии разума мышление становится свободной, не связанной какими-либо внешними ограничениями спонтанной активностью духа, и тем самым мистифицировал разум. Вместе с тем Гегель истолковывал рассудок как «необходимый момент разумного мышления». Суть работы рассудка состоит в разложении целостных объектов на составные части. В этом акте проявляется основная мощь рассудка, способного разделить, разорвать, казалось бы, неразрывное. Рассудок, кроме того, – необходимый и существенный момент образования. Без опоры на твердые определения рассудка было бы невозможно договориться ни по одному вопросу. Таким образом, рассудок и разум суть моменты единого, внутренне противоречивого, развивающегося, восходящего процесса мышления.

Диалектика снимает противопоставление рассудка и разума. С точки зрения диалектического материализма процесс развития мышления предполагает закономерную взаимосвязь рассудка и разума. С рассудком связана аналитическая мыслительная способность (элементарно-содержательное постижение сущего и строгое оперирование понятиями), с разумом – синтезирующая мыслительная способность (адекватная целям познания и деятельности классификация фактов и явлений, приведение знаний в определенную систему). Опираясь на рассудок, разум выступает как рационально-творческая деятельность постижения сущности явлений

действительности. Посредством разума мышление (человек) синтезирует результаты познания, создает новые идеи, выходящие за пределы сложившихся систем знания, организует адекватно-рациональное применение знаний.

На основании рассмотренных философских данных об уровнях развития мыслительной (осмысление сущего) деятельности человека было бы в корне неверно определять феномен мудрости исключительно как синтезирующую работу человеческого разума. Мудрость есть результат целостной (включающей рассудочно-аналитическую и органично взаимосвязанную с ней творческо-обобщающую, синтезирующую работу мышления) рациональной деятельности человека по постижению действительности в интересах обеспечения своего бытия адекватной творческо-преобразовательной деятельностью в мире.

Разум – высшая ступень логического понимания, теоретическое, рефлексизирующее, философски мыслящее сознание, оперирующее широкими обобщениями и ориентированное на наиболее полное и глубокое знание истины. Мышление на уровне разума освобождается от застывших рассудочных форм и становится осознанно свободным. На уровне разума субъективное достигает максимального единства с объективным в смысле полноты и всесторонности понимания, а также в смысле единства теоретического и практического мышления. На этом уровне знания носят наиболее глубокий и обобщенный характер. Разумное сознание – глубоко диалектический процесс [6].

Наукой о мудрости как разуме, его природе, источниках, границах, принципах со времен Канта справедливо признается философия. Именно она олицетворяет любовь к мудрости и высший разум человечества. В связи с этим существует и представление о разуме как исключительно философском типе рациональности в его исторически изменчивых отношениях с другими формами человеческого познания и действия, такими как религия, искусство, социально-политическая практика.

К сожалению, самостоятельной категориальной «прописки» в новейших философских энциклопедических источниках сущность феномена мудрости не получила и по-прежнему раскрывается только во взаимосвязи-отождествлении с разумом, рациональностью и интеллектом. Вместе с тем с полным основанием можно констатировать, что размышления о разуме вновь становятся областью активного философского дискурса. Об этом свидетельствует динамика современных публикаций по проблематике интеллекта, рациональности, разума, расширение ее тематизации.

Разум всегда отождествлялся со знаниями. Это – закономерно, ибо именно они, добываемые кропотливым познанием действительности, выражают его содержание. Их уровень развития и применения характеризуется как понимание и умения, мыслительная способность и проницательность, величаются как ум и мудрость, оцениваются как рациональность и гениальность. Они когнитивно измеряются как интеллектуальный ресурс (потенциал) личности и общества.

Разум – интеллект в действии. Таков современный философский взгляд на сущность разума. Базой для разума (ума¹) являются знания, а также все имеющиеся у субъекта способности, позволяющие ему качественно познавать мир. Наличие разума у субъекта говорит о том, что субъект не только имеет способности к познанию, но и в той или иной мере активно использует накапливаемые систематизируемые знания (как рациональный опыт) в процессе своей жизнедеятельности. Разум субъекта напрямую связан с объемом его разумной деятельности, т.е. с его персональным (личным) опытом и полученными знаниями. Величину (объем) разума можно измерить. Единица измерения разума совпадает с единицей измерения количества информации у соответствующего субъекта. Объем разума субъекта представляет собою не что иное, как объем систематизированной им информации (т.е. его сознания), которую он использует в процессе своей деятельности [9].

Субъект, уместно применяющий свои умственные способности и накопленный опыт и знания, считается мудрым. Соответственно, сущность *мудрости* можно определить как способность человека *уместно* применять свой интеллект. Подобные данной, ставшие уже википедическими дефиниции определяют сущность феномена мудрости как явления разумности, в современной науке: мудрость – свойство человеческого разума, характеризующееся степенью освоения знаний и подсознательного опыта и выражающееся в способности уместного их применения в обществе, с учетом конкретной ситуации; мудрость – «способность грамотного применения знаний. Большой, глубокий ум, опирающийся на жизненный опыт»; способность находить решение различных проблем, в том числе жизненных, опираясь на свой и чужой опыт; (в философии) мудрость – один из измерителей степени познания окружающего мира, обсуждаемый, как правило, в контексте стремления к углублению этого познания как специфического свойства человеческого интеллекта. Как правило, важной сущностной характеристикой мудрости является наделение ума составляющей нравственной санкции в принятии рациональных решений. Ибо смысл мудрости, ее цель заключаются в истине, в правде и добре.

Современной философией, в единстве с когнитивистикой, психологией и наукой об искусственном интеллекте, разрабатываются новейшие научные теории, интегрируемые в единую философию разума. В ее формировании усилия ученых объединены исследуемым объектом – величиим человеческого разума, все еще сохраняющего многие тайны своих глубинных составляющих: мышления, рассудка, знания, понимания, ума, мудрости, нередко характеризующих обобщенно понятиями *сознание, интеллект, рациональность*.

Философское обобщение данных указанных современных наук позволяет формировать новейшую концепцию разума как множественного интеллекта, аналитики, синергетической рациональности, системного разума; дифференцировать важнейшие составляющие (элементы) и формы разума;

¹ Ум в тождественности его разуму правомерно интерпретировать как *мыслительные способности* субъекта.

определять реальные основы для создания человеком искусственного интеллекта – «информационно-интеллектуальных технических систем» как нового могучего технического помощника человека в его творческо-преобразовательной деятельности. В происходящей когнитивной революции отмечается необходимость преодоления порочных привычек человеческого мышления: инертности, довольствования рутинной (созерцаемым, сбором данных, простым описанием событий), использования готовых знаний. Актуализируется развитие активно, самостоятельно применяемой рациональности, представляющей действенный разум.

В космическую эпоху XXI века новый импульс в развитии получает также современная космическая философия ноосферы (К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский), осмысливающая роль и место разума во Вселенной.

Разум в своем объективном воплощении в разумной человеческой деятельности становится определяющим фактором нового, планетарного и космического, уровня развития человечества. Не это ли провидчески отмечал В. Вернадский, говоря о том, что в биосфере существует великая... быть может, космическая сила, планетное действие которой обычно не принимается во внимание в представлениях о космосе...; эта сила есть разум человека, устремленная и организованная воля его как существа общественного?..

Философская идея о космопланетарной роли человеческого разума как активно творящей силе является практически общепризнанной в наше время. Понятие *ноосфера*, введенное Э. Леруа в начале XX века в значении мыслящей оболочки Земли, формируемой человеческим сознанием, ныне признается одним из регулятивных философских понятий в осмыслении современного цивилизационного процесса человечества. Отнюдь не утопически-прогностической, а вполне реалистической представляется уже гипотеза о планетарном разуме человечества, выдвинутая американским писателем П. Расселом в его книге «Глобальный мозг: размышления об эволюционном скачке к планетарному сознанию». Получает все большее признание и понятие *разум космический*, до сих пор находившее идейное свое пристанище преимущественно в эзотеризме и теософии, где оно выступает аналогом понятий *Бог*, *Абсолют*, *Разум Вселенной*, т.е. «сверхразумом» (Шри Ауробиндо). В системах современного философского знания понятие *разум космический* обретает новое содержание, включая ноосферу человечества и разумы внеземных цивилизаций. И потому пытливым своим разумом, этой высшей своей духовной способностью, настойчиво ищет человек подобных себе во Вселенной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словоупотребление «мудрости» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://jeck.ru/tools/SynonymsDictionary>. – Дата доступа : 10.02.2021.
2. Ум – Глупость // Пословицы русского народа / В. И. Даль [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikisource.org/wiki>. – Дата доступа : 10.02.2021.

3. Пять богов мудрости в буддизме [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.google.com/search>. – Дата доступа : 10.02.2021.
4. Яскевич, Я. С. Философия и наука: время диалога, ответственности и надежды : избр. тр. / Я. С. Яскевич. – Минск : Право и экономика, 2014. – С. 36.– (Сер. «Научные труды белорусских ученых»).
5. София (философия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.google.com/search>. – Дата доступа : 10.02.2021.
6. Спиркин, А. Г. О семи мудрецах / А. Г. Спиркин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://fil.wikireading.ru>. – Дата доступа : 10.02.2021.
7. Васильченко, С. Аристотель. Метафизика / С. Васильченко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/metaphiz.txt>. – Дата доступа : 10.02.2021.
8. Саверчанка, І. В. К.Транквіліён-Стаўравецкі – філосаф і літаратар-энцыклапедыст / І. В. Саверчанка // Чалавек. Грамадства. Свет. – Минск, 2007. – № 2. – С. 24–31.
9. Красноступ, Н. Ум, Разум, Интеллект и Мудрость. Попытка подтверждения правильности толкования терминов на основе изучения поговорок, пришедших к нам из глубины веков / Н. Красноступ [и др.] [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.krasnostup.com/ru>. – Дата доступа : 10.02.2021.

Поступила в редакцию 19.02.2021

Д. В. Майборода

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ДИАЛОГИКА

Поведенческая экономика сформировалась в англо-американской традиции, где считается, что философия должна прежде всего предохранять от лженаучности науку, изучая ее метатеоретические формы (логические, методологические, этические и пр.). Это подразумевает утверждение идеи науки как соглашения людей, основанного на их объективном опыте, верном порядке мышления и философском установлении ценностей. Философские основания поведенческой экономики обнаруживаются в эмпиризме и позитивизме, скептицизме и номинализме, прагматизме и либерализме, а также диалектике. В этом проявляется ряд параллелей с диалогизмом, что задает возможность разработки синтетической концепции.

Философия понимается разными людьми в разных культурах совершенно по-разному. Во многих странах мира она рассматривается как способность улавливать скрытые причины того, что происходит в мире. Нередко эта способность (ее реализация в философии именуется метафизикой) приобретает религиозный характер. В европейских культурах помимо Великобритании философия часто отождествляется с различным образом реализующими эту способность идеализмом, марксизмом и иррационализмом (прежде всего ницшеанством) и всеми их разнообразными смесями. Они представ-

ляют свои оригинальные картины того, что является сутью происходящего в мире. От этого принципиально отличается доминирующая сегодня в мире англо-американская традиция, выступившая фундаментом поведенческой экономики. В ней вопросы о сущности происходящего, о том, как следует действовать, и о том, на что следует надеяться, отбрасываются как бессмысленные.

В англо-американской традиции философия – прежде всего основа подлинного научного исследования. И важнейшей ролью философии предстает предохранение науки от лженауки. Искушение объявить себя ученым очень велико, поскольку наука сегодня – доминирующая форма мировоззрения. Это значит, что ученым быть престижно, научное сообщество влиятельно в современных обществах, научные исследования хорошо финансируются. Потому совсем нередко мифотворцы, спиритуалисты, теологи, идеологи и спекулятивные (отвлекающиеся от фактов) философы выдают себя за ученых. И для того, чтобы изобличить их, так важно, чтобы философия находила и обосновывала критерии отличия науки от лженауки.

Эта задача важна и потому, что есть большой соблазн для самих ученых подменить собственно научное исследование «диванным рассуждением», то есть спекуляцией. Нередко ученые не могут устоять даже перед тем, чтобы сфальсифицировать данные экспериментов, с целью выдать свои гипотезы за подтвержденные теории. Это – одна из важнейших причин так называемого «кризиса воспроизводимости» (или «кризиса репликации»), широко обсуждаемого в науке начала XXI века. Этот кризис состоит в том, что многие научные эксперименты или наблюдения невозможно повторить, и особенно это касается сферы социально-гуманитарного знания. В некоторых случаях это – результат сложности исследований или того, что в описаниях опытов оказались нераскрытыми важные их аспекты. Но чаще кризис воспроизводимости – результат именно подмены настоящей науки лженаукой. Чтобы очищать науку от лженауки, философия должна исследовать и регламентировать основные параметры деятельности ученых.

Ясно, что сегодня нельзя проверить каждое высказывание или действие ученых на научность. Но философия описывает и предписывает наиболее важные и общие формы научной деятельности – логические и методологические, структурные и стилистические, этические и социально-политические. Эти формы потому называются *философскими основаниями науки*. Иногда в их отношении используется имя *метатеоретические формы*, что подразумевает, что стоят за (мета-) всякой настоящей теории в науке. В некоторых странах они передаются новому поколению ученых в основном напрямую их предшественниками, в других существуют особые дисциплины (такие, как «Философия и методология науки»), в рамках которых информация системно преподается молодым исследователям профессиональными философами. И в том и в другом случае подразумевается, что, познакомившись с философскими основаниями науки, молодые ученые сами смогут отслеживать научность тех высказываний или действий, которые будут задумывать или с которыми будут сталкиваться.

В каждой конкретной науке, дисциплинарной или междисциплинарной области и даже в каждом отдельном исследовании эти метатеоретические формы осуществляются с учетом специфики области исследований. Философские основания поведенческой экономики отчасти – просто частный случай метатеоретических форм науки, но в некоторых аспектах они имеют определенное своеобразие. Даже в представлении самой научности, с одной стороны, поведенческая экономика реализует философское понятие науки на конкретном материале, но с другой – акцентирует или даже раскрывает особые ее значения. Тем самым она задает свой специфический научный характер, отличный от образов научности психологии и экономической теории. Кроме того, это раскрытие новых значений научности может приводить к развитию или преобразованию фундаментального понятия науки и важнейших метатеоретических основ научной деятельности. Однако в то же время ясно, что такое «наведение» на все более точное понимание философских основ науки основывается на традиционном их понимании. И это касается в первую очередь понятия самой науки.

Начиная с Античности, наука понимается как альтернатива частным мнениям. У каждого человека – свой взгляд на мир и на то, что в нем происходит. Наука – то, в чем согласны люди знающие. Это единство создается двумя началами – опытом и порядком мышления. Наука строится на основе фактов, зафиксированных в ходе наблюдений и экспериментов. Данные этих исследований легко проверить, воспроизведя их. Тем самым сама объективность – один из истоков соглашения ученых. Другой исток – правильный порядок мышления. Научное сообщество вряд ли признает ученого, который постоянно противоречит сам себе или совершает элементарные ошибки в рассуждениях. Возможно, избранные гении находят верный порядок мысли сами, большинство же людей для этого нуждается в образовании. Логика – главная наука о правильном порядке мышления, математика – ее ответвление, учение о формах и количествах верно мыслимых предметов. Правильный порядок мышления описывается и другими науками, прежде всего – гуманитарными. Особо ценна среди исследований этого порядка психология.

Поведенческая экономика нередко описывается как результат интервенции психологов в экономическую науку. Экономисты любят говорить об экономическом империализме (распространении принципов экономической теории на другие области человеческого знания), но поведенческая экономика – случай как раз обратный. Это также – не стандартные междисциплинарные исследования, в которых данные нескольких наук обобщаются в единую концепцию. Психологи подвергли сомнению и эмпирическому опровержению важнейшие основы экономической теории, показав, что во многом они – результат спекуляций, не обоснованных ничем, кроме человеческого самомнения, естественных склонностей к ошибкам и зачастую идеологии. Тем самым поведенческая экономика показала, что экономическая теория, как и стандартные междисциплинарные исследования, включающие экономические исследования, недостаточно научны в силу

эмпирической необоснованности философских принципов, лежащих в их основании. Получается, что для научности установленные факты важнее теоретической стройности.

Это, конечно, совсем не открытие в англо-американской традиции и тем более в философии вообще. Поведенческая экономика базируется на традиции бихевиоризма, исследования поведения людей и животных в психологии и биологии. Бихевиоризм же – проявление позитивизма, направления в философии, господствующего в науках с XIX века. В свою очередь позитивизм – не что иное, как этап развития эмпиризма, основного направления британской философии. И, наконец, не следует забывать, что эмпиризм сформировался как возрождение и обновление интеллектуальной традиции, заложенной еще в Античности Аристотелем.

Аристотель утверждал, что чувственное познание, свойственное и животным, люди возводят до состояния опыта в силу развитой памяти. Обобщая разные элементы опыта, люди создают умения (искусства), а устанавливая в них окончательно истинное знание, – науки. Собирая случайные рецепты оздоровления в своей жизненной практике, человек постепенно осваивает искусство врачевания, а, достигая точных и обоснованных знаний в нем, – науку медицины. То, что не выводится из опыта и не проверяется им, и не приводит к знанию, но порождает заблуждения (подобно мифотворчеству Платона и его последователей идеалистов).

Этот по сути античный эмпиризм Аристотеля был дополнен и скорректирован в британской философской традиции несколькими важными элементами. Во-первых, ранее в аристотелизме (особенно средневековом) предполагалось, что обобщение опыта позволяет установить систему истинного знания, из которой можно затем выводить суждения о каждом конкретном случае. Британские эмпиристы же предостерегают, что такая дедукция чревата ошибками. Если ранее мы наблюдали только белых лебедей, то это не дает нам право утверждать, что все лебеди таковы, выводя из этого, что каждый конкретный лебедь, который будет встречен далее, обязательно белый. Всегда остается возможность, что следующий лебедь окажется черным, показав поспешность обобщения и порочность дедуктивного прогноза. Потому наука имеет в основном индуктивную природу, остерегаясь обобщений и тем более дедукции (и в том числе такой ее формы, как прогнозирование). Наука – в не прекращающемся сборе эмпирических данных, а не в самодовольном заявлении, что все уже познано, и не в самоуверенном гадании, что может произойти.

Во-вторых, Френсис Бэкон конкретизировал источники ошибок в исследовании, назвав их «идолами познания». Первое, что не дает познать истину – самомнение («идол пещеры»). Каждый человек склонен считать, что познает все правильнее, чем другие, но это – лишь иллюзия, возникающая из поклонения своей индивидуальности. Второе препятствие познанию истины – принятие авторитета другого человека («идол театра»). Многие почитают того или иного человека как непогрешимого эксперта, но это – лишь иллюзия, создаваемая восприятием исполнения им его роли.

Третий источник заблуждений – вера в общественное мнение («идол площади»). Стереотипы часто закрепляются в языке, а потому для их преодоления в науке нужен особый язык. Наконец, заблуждения могут проистекать и из чрезмерного доверия особенностям познания, присущим всем людям («идол рода»). Например, все люди склонны очеловечивать то, что они познают. Если грибы *Physarum polycephalum* воспроизводят кратчайший пройденный путь в лабиринте и даже умеют найти еще более краткий путь по потолку, то из этого легко сделать вывод, что грибам свойственен интеллект. Однако сделать это возможно, лишь пересмотрев само понятие интеллекта, традиционно связанное с психикой «высших» животных.

Недоверие дедукции и общечеловеческим особенностям познания, а тем более индивидуальным и общественным мнениям, – стандарт скептицизма в последующем эмпиризме. Для того, чтобы противиться человеческой склонности выдавать свои предположения за абсолютное знание, необходим здоровый критицизм (или «мудрое сомнение») в отношении как чужих, так и собственных разработок. Полагаться следует лишь на то, что установлено в конкретных опытах познания мира, максимально точно и детально описанных.

В-третьих, эмпиристы установили стандарт использования математики в интерпретации опытных данных. В европейской науке этот математический «поворот» ассоциируется с Галилео Галилеем, хотя главным его источником следует признать математиков мусульманских стран. Позднее немецкий философ Кант, особо почитаемый в англо-американской традиции, выразил это словами «в каждой конкретной доктрине естествознания можно встретить столько науки, сколько в ней математики». При этом эмпиристы понимают математику не как науку (поскольку она не описывает факты), а как язык науки. Поскольку в гуманитаристике до компьютерной эры математический язык использовался весьма умеренно, то многие эмпиристы отказывали ей в научности. Даже сегодня нередко можно еще услышать от сторонников эмпиризма, что лишь естествознание – наука. Правда, дигитализация социологии, экономики, психологии, культурологии и лингвистики в конце XX – начале XXI в. заставляет даже рьяных сторонников эмпиризма соглашаться с тем, что гуманитаристика также может приобрести научный вид.

Почтение к математике в традиции эмпиризма нередко выливается в сведение философии к логике, особенно в ее математизированном виде. Логика особенно ценится там, где она обеспечивает практически автоматизированную переработку полученных данных и уточняет формы их регистрации. Гораздо меньшее внимание придается тем элементам логики, в которых устанавливаются базовые значения основных используемых понятий. Эмпиристы склонны предполагать, что значения понятий задаются самим опытом и лишь в исключительных случаях нужно прояснение этих значений. Позднее, в XX в., как раз в англо-американской традиции аналитическая философия будет настаивать на прояснении значений понятий как на необходимой для науки философской деятельности. Но, несмотря

на то, что такая работа признается эмпиристами как относительно важная, многие эмпиристы не упускают случая пренебречь знакомством с ее результатами, предпочитая просто трактовать понятия из конкретного контекста проводимого исследования.

Фактически сказанное означает, что ни математика, ни логика не рассматриваются как сами по себе значимые догматические системы. Законы логики и математики формулируются в ходе опытного познания и для его интересов, а потому они постоянно уточняются и изменяются, отражая достигнутый уровень прогресса эмпирических наук. Например, логическая импликация может казаться адекватным отражением объективной причинности. Однако, чтобы признать это соответствие, следовало бы постулировать существование однозначной связи (к тому же опять-таки причинной) объективных фактов и субъективных представлений.

Эта позиция, известная со времен схоластики как «реализм», базируется на точке зрения, что наши понятия вообще соответствуют формам вещей. Наш опыт подтверждает реализм никак не в большей степени, чем альтернативную версию – номинализм, утверждающий, что наши понятия – просто имена вещей, тем менее корректные, чем более они общие. Имена вещей относятся к вещам произвольно, а часто – вообще некорректно (если имена – фикции). Но тогда нельзя и утверждать, что отношение имен и связанных с ними представлений отражает объективную причинность. Более того, то, что причинность вообще существует, – не более чем смелая гипотеза, принимаемая для удобства организации получаемых в опыте данных.

Именно это подразумевается в идее Юма, что причинность – ассоциация двух впечатлений (привычка воспринимать одно впечатление за другим), которая представляется (а не является) необходимой формой отношения событий. А поскольку установление причинности выступает основой всего, что называется «законами природы», то всякое их выделение – лишь полезное предположение. Это же касается и так называемых «законов логики», а также базирующихся на них математических формул. Они выражают приемлемые сегодня способы обработки информации, а не некие абсолютные универсальные принципы мышления. То, что они кажутся современному ученому самоочевидными и всеобщими, никак не гарантирует то, что так оно и есть. Не менее вероятно, например, что в будущем человечество будет вынуждено принять совершенно иной тип логики и математики, который окажется более продуктивным для организации опыта познания мира. Учитывая эту возможность, эмпиристы рассматривают сложившуюся математику и логику просто как удобные средства упорядочивания эмпирического материала, избегая абсолютизации формализмов, заложенных в них. Именно это ограничивает влияние европейского рационализма на эмпиризм, хотя влияние это ни в коей мере не стоит недооценивать.

Крайнее проявление номинализма – фикционализм. В нем считается, что фактически не только все выделяемые в науках законы, но и схемы, описания и даже понятия, используемые учеными, – фикции, просто удобные

и полезные для познавательной деятельности. Фикционализм в особом виде напрямую используется в поведенческой экономике. Например, это происходит, когда предлагается различать «Систему-1» и «Систему-2» (и тем более их метафоры – «стрекозу» и «муравья», «зайца» и «черепаху», «ежа» и «лисицу») как условно отдельных агентов познания и принятия решений, оговариваясь, что в действительности это не так. Даниел Канеман отметил, что было бы гораздо корректнее говорить о «процессах ассоциативного типа» и «процессах рефлексивного типа», комбинирующихся в психике конкретного индивида. Зато схема «Система-1 – Система-2» удобнее, она легко осваивается, воспроизводится и дает отличные результаты для коррекции принятия решений.

В этом есть также проявление прагматизма, философской концепции, разрабатываемой также в традиции эмпиризма, в том числе американскими психологами, и утверждающей, что всякое утверждение в науке должно приниматься как истинное, если оно хорошо работает, то есть приводит к наилучшему научному результату. Прагматизм подразумевает, что познание становится научным не столько вследствие оперирования данными опыта, но и благодаря его практической полезности. Направленность познания на конкретные улучшения жизни – важная составляющая поведенческой экономики, способствующая ее широкой популярности.

Прагматизм – одно из проявлений позитивизма, нынешней версии эмпиризма, которая стала ведущим направлением современной философии, добившись наибольшей влиятельности в мире. Позитивизм признает по-настоящему научными только те утверждения, которые можно проверить в опыте сейчас (принцип верификации) или в будущем, опровергнув ложные (принцип фальсификации). Отрицательные высказывания считаются имеющими небольшую познавательную ценность. Проверяемые опытом утверждения называются позитивными в отличие от нормативных, выявляющих ценность. Позитивные высказывания – регистрация фактов без их оценки, нейтральное их описание. Нормативные утверждения уместны в религии, искусстве, идеологии и философии, но не должны использоваться в науке. То, что они не должны использоваться в науке, – нормативное требование, которое не может содержаться в науке. Эта норма философии, обеспечивающей научность науки. А ведь это в позитивизме и считается основной ролью философии (что описывается апофегмой «философия – служанка науки»).

Ценностная нейтральность науки хорошо сочетается со значимым для поведенческой экономики принципом либерализма, называемым «закон равной свободы». В канонической формулировке Г. Спенсера он гласит: «каждый человек может претендовать на полнейшую свободу осуществлять свои способности, совмещенную с подобной свободой каждого другого человека». Или в более распространенной форме «свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого». А значит, ученый не может предписывать цели и ценности тем, кого он исследует. Поскольку такое предписание напрямую следует из факта оценки, то и сама оценка по

меньшей мере нежелательна в науке. Австрийская школа утвердила ценностную нейтральность как принцип современной западной экономики. Экономист не должен оценивать цели, которые ставит перед собой деятель, но может лишь сопоставлять разные средства как более или менее адекватные и приемлемые для достижения поставленных целей.

Ценностная нейтральность переплетается с либертарианским требованием минимального влияния государства на общественную и, прежде всего, на экономическую жизнь. Сильный контроль государства за экономикой был бы продуктивен только если он осуществлялся бы на основе научных оценок, однако наука не выносит оценок. Продуктивность экономики потому обеспечивается рынком, институтом самоорганизации общества, в рамках которого каждый гражданин волен сам выбирать свои цели и ценности на свой страх и риск. В принципе эта же свобода свойственна и выбору средств, но поскольку непродуктивные тактики быстро «вымирают», а продуктивные теоретизируются в экономической науке, то подбор средств все же в определенной мере может ограничиваться государством (антимонопольное регулирование, преследование коррупции и нарушений базовых экономических прав). В умеренном либертарианстве считается, что государство может ограничивать те средства, которые наносят прямой вред отдельным гражданам и институту свободного рынка. Фактически это – экономическая составляющая функции «ночного сторожа» (образ того, что государство должно лишь обеспечивать безопасность).

Концепцию «либертарианского патернализма» часто критикуют за то, что в ней поведенческая экономика отступает от ценностной нейтральности и рекомендует государству «подталкивание» (*nudge*) граждан к здоровому образу жизни, альтруизму и даже попросту аккуратности. Тем самым «мягкая сила» ориентирует деятелей на достижение определенных целей и соблюдение некоторых ценностей, хоть и не лишает выбора. На критику можно ответить, что в экономической жизни ряд целей и ценностей также «вымирают», как и непродуктивные средства, но это «вымирание» растянуто во времени и потому неочевидно. Нередко эти цели и ценности «вымирают» вместе с придерживающимися их людьми, что делает это крайне болезненным процессом. Этот процесс изучается медициной, которая тем самым дает научную основу для государственной политики «отталкивания» (типа антитабачной или антиалкогольной рекламы). Однако тактики «отталкивания» плохо работают, часто имея даже обратный эффект. Подталкивание же продуктивно, но при этом не ограничивает возможности выбора.

Ясно, что цели и ценности устанавливаются тут все равно не позитивной наукой, а политической идеологией, что делает справедливой критику «либертарианского патернализма» с точки зрения либерализма. Это действительно может подрывать устои свободного рынка и подавлять самостоятельность деятелей, что в перспективе чревато серьезными экономическими и социальными проблемами. Вмешательство государства всегда склонно к безудержному росту, а «подталкивание» вполне можно рассматривать как

вежливую форму манипуляции людьми, которая легко может перерасти в их неправомерное использование. Однако в ответ можно сказать, что ограничение влияния государства не является особой миссией поведенческой экономики, а подчеркивание особого характера подталкивания уже содержит в себе критику сильных форм манипуляции. Поведенческая экономика настаивает на том, что подталкивание – хорошо, а пинки – плохо.

Вместе с тем сторонники сильного вмешательства государства в жизнь граждан, этатисты, упрекают теорию подталкивания в том, что это слишком вежливое вмешательство срабатывает медленно и не позволяет централизованно и унифицированно управлять всем населением. Поведенческие экономисты отвечают на это, что медленность и нестереотипность такого типа управления повышает шансы его успешности, поскольку именно эти особенности способствуют активизации «Системы-2», т.е. собственно рациональности.

Такой выбор срединной позиции между крайностями либерализма и патернализма (этатизма) проявляет диалектический характер поведенческой экономики. На это же указывают и некоторые другие ее элементы (например, организация совместных исследований идейных противников). Правда, диалектика в той форме, в какой она используется в поведенческой экономике, – не столько гегелевская, а восходящая к Античности. Со времен Сократа диалектика – искусство совместного рассуждения, нередко деградирующее до умения просто побеждать в споре. Прием такой диалектики и является поиск истины через сопоставление противоположных позиций и нахождение их удачного синтеза. Но в диалектике до Гегеля это – лишь один из приемов, тогда как в гегелевской диалектике – главный. Поведенческая экономика, как это и подразумевается в догегелевской диалектике, тактически применяет этот прием для продуктивности исследований, но не делает это применением постоянным и принципиальным, как это свойственно гегельянству, включая марксизм.

Эта черта, как и некоторые другие, сближает поведенческую экономику с диалогизмом. Диалогизм – направление в философии, науках и культуре в целом, утверждающее, что диалог – суть человеческого существования или, по крайней мере, ключевой фактор его развития. В диалогизме диалог считается сущностью подлинного научного развития. Наука – большой диалог, в котором каждый ученый, отвечая на вопросы своих предшественников, формулирует вопросы своим преемникам. Но наука – не только поддержание традиции, это – и кооперация ученого с коллегами в усилиях самоопределения, притязания на значимость и открытие. Это особенно справедливо в отношении поведенческой экономики. Она формировалась в тесных взаимодействиях, спорах и дружбе ученых, в своих диалогах, находящих самые нетривиальные проблемные места предшествующей экономической традиции, гипотезы их преодоления и способы их проверки.

Однако в отличие от более явных концепций диалогизма поведенческая экономика не утверждает, что диалог – универсальная цель, в том числе и для научного исследования. Поведенческая экономика ставит задачи

прежде всего развития науки и улучшения под этим влиянием жизни людей, используя диалог и диалектические приемы просто как удачные средства. Поведенческая экономика в конкретных концепциях далеко не всегда согласуется с диалогизмом. Например, в случаях, когда подталкивание используется без ведома или согласия подталкиваемых, оно выливается в монологизм. Правда, в этом случае либеральный патернализм теряет свой либеральный характер. А это значит, что моральная поведенческая экономика совпадает с диалогической праксиологией.

Но подразумевает ли требование моральности поведенческой экономики отрицание экспериментов? В действительности, экспериментаторство не чуждо и самому диалогизму, ведь вне его найти наилучший путь общения с собеседником попросту невозможно. Диалог – насквозь реализация метода проб и ошибок. Диалог постоянно подразумевает влияние и создание искусственных условий. Нельзя вести диалог и неотступно следовать только наблюдению и теоретизированию. Но это и не значит, что эксперименты могут использоваться вне информированного согласия испытуемого, а это – установившаяся практика в современной науке. Верно, что испытуемый далеко не всегда знает, на что именно соглашается, но это – часть сделки, заключаемой с пользующимся доверием испытателем. И именно этому пути стремится соответствовать поведенческая экономика.

Но далеко не все в поведенческой экономике удачно сочетается с диалогизмом. Поведенческая экономика базируется на позитивистском образе объективной, сторонней или невовлеченной позиции исследователя. Эта идея далеко не нова, она имела место еще в древней философии в связи с поиском такой точки зрения, которая вела бы к истинному знанию, а не к очередному мнению. В древних, средневековых и даже новоевропейских культурах такая точка зрения ассоциировалась с божественным взглядом на мир. Ее отличие от привычного человеческого взгляда у Аврелия Августина описано так: каждый из нас понимает, что одушевленное существо выше неодушевленного, но кто из нас хотел бы видеть на столе мышь, а не хлеб? Следует также отметить, что необразованные люди часто с непониманием относятся к научной точке зрения, что уже в Античности ярко иллюстрировалось историей со служанкой, поднявшей на смех Фалеса, засмотревшегося на звезды и потому упавшего в яму.

Позитивизм преобразовал эту идею, изъяв из нее сверхъестественный компонент. Конт утверждал, что древние люди объясняли происходящие события посредством мифов о богах, затем философы стали объяснять все потусторонними принципами, и лишь в современности ученые нашли настоящее знание, исследуя факты. Точка зрения ученого по-прежнему не совпадает с повседневным взглядом, но не потому, что ученый получает божественное откровение или приобщается к каким-то «чистым сущностям», а лишь потому, что наука интегрирует большое количество опытных данных, отказываясь от ненаучных способов их обработки типа интуиции, толкования из веры в определенные догмы и необоснованного обобщения. Такая точка зрения нередко называется объективной, поскольку подразу-

меваются, что она полностью соответствует тому, что происходит в объективном (то есть познаваемом) мире. Ее также называют истинной позицией, поскольку сама истина в позитивизме понимается как соответствие фактам (теория адекватности или корреспондентная концепция истины).

В утилитаризме, направлении в этике, тесно интегрированном с позитивизмом, подчеркивается значение занятия сторонней позиции для наилучшего решения любой моральной проблемы. Например, возьмем классическую дилемму вагонетки. Если неуправляемая вагонетка несется по рельсам, к которым привязаны пять человек, то с точки зрения утилитаризма совершенно разумно при прочих равных перенаправить ее на другой путь, к которому привязан только один человек. Но это очевидно только для невовлеченной позиции, если же этот один человек – ваш друг или даже если именно вы должны взять на себя ответственность за перевод стрелок, то проблема становится неразрешимой или решаемой неверно. То, что для адекватного принятия решений необходимо принять стороннюю позицию, основанную на объективной информации, – важнейшее допущение и поведенческой экономики.

Идеи невовлеченного наблюдения в поведенческой экономике в продолжение традиции бихевиоризма означает также недоверие чистому самонаблюдению. Данные, полученные с помощью интроспекции, по крайней мере, используются с очень большой долей осторожности. Самонаблюдение опасно тем, что постоянно подменяет настоящие данные теми, которые воображаются на основе образа себя, ранее сложившегося у человека. Это происходит в так называемой «рационализации», когда человек представляет себя принявшим на основе хорошего самоконтроля более адекватное обстоятельству решение, чем это имело место в реальности.

Интроспекция становится практически бессмысленной в случае, когда исследуемому свойственны сильные отклонения в сторону нарциссизма и макиавеллизма. При нарциссическом расстройстве личности интроспекция выливается в потоки практически театральных монологов, тогда как при макиавеллизме человек думает только о том, как подменить данные, чтобы успешнее манипулировать тем, кто захочет этими данными воспользоваться. Все это вынуждает признать, что интроспекция не может использоваться как самостоятельный научный метод, но допустима лишь как дополнение к собственно научному объективному описанию.

Бихевиоризм описывает прежде всего наблюдаемое извне поведение – реальные действия, рассматривая их как реакции на стимулы окружающей среды, – при таком описании нет существенного различия между животными и человеком. Это позволяет даже с известной долей приближенности использовать данные этологии (исследований поведения животных) в психологии, социологии и экономике. Но несмотря на то, что и в поведенческой экономике главным осталось внимание к внешне наблюдаемым фактам поведения, важным аспектом анализа стало выявление его познавательных оснований, опирающееся на методологию когнитивной психологии.

Когнитивная психология сосредоточена на изучении промежуточных факторов между стимулом и реакцией, позволяющих объяснить нелинейное их отношение. Например, если нейтральный стимул вызывает крайне позитивную реакцию, то фактором, повлиявшим на это нарушение последовательности, может быть сформированная предшествующим опытом ассоциация образов этого стимула с положительным подкреплением, наградой. Посредующие процессы часто сложны и описываются сложными моделями, уподобляющими познание и мышление компьютерным алгоритмам. Алгоритмы познания часто содержат в себе источники ошибок, которые могут корректироваться для последующего успешного решения задач. Это раскрывает широкие возможности для влияния когнитивистики на праксиологию, что и вылилось в формирование поведенческой экономики.

Конечно, сказанное выявляет далеко не все философские истоки поведенческой экономики, некоторые из них лежат вне чисто академической сферы. В некоторых элементах поведенческой экономики можно обнаружить множество интеллектуальных влияний, даже следы культуры постмодерна. Это касается, например, контекстуализма многих разработок вне подчинения их единой систематической теории, что напоминает идеи полицентризма и методологического анархизма. Акцент на изучении конфликтов, а не согласованности «Системы-1» и «Системы-2» вполне соответствует постмодернистскому смещению внимания с единства на разрывы и несоответствия. В критике образа всеведущего эксперта и особых типах научной кооперации хорошо просматривается идея смерти автора. Впрочем, это интеллектуальное влияние не стоит переоценивать – ясно, что науки в постмодернистской культуре приобретают ряд черт этой самой культуры, что далеко не значит, что эти черты принимаются учеными осознанно и существенно влияют на теоретическое ядро концепций.

Гораздо более значимый исток по меньшей мере стилистики популяризации поведенческой экономики обнаруживается в еврейской культурной традиции, к которой принадлежат ключевые исследователи поведенческой экономики. Передача материала через поучительные и часто веселые истории, простота и конкретность, избегание спекулятивности, принципиальности, тотальности и утопичности рассуждений, использование повторов, обогащаемых новыми содержаниями, критицизм и рациональный скептицизм, некоторые элементы методологического анархизма и поиск нестандартных решений, а также рационализированный оптимизм делают поведенческую экономику чрезвычайно популярной в западном мире не только среди профессиональных экономистов и психологов, но и среди самых широких групп населения, интересующегося способами эффективных преобразований своих решений, касающихся хозяйственной жизни. Это также сближает поведенческую экономику с диалогизмом, в одном из наиболее распространенных вариантов этого течения опирающемся на аналогичную стилистику, возникающую из того же культурного корня (М. Бубер, Ф. Розенцвейг, О. Розеншток-Хюсси и др.).

Итак, выявление важнейших философских оснований поведенческой экономики (эмпиризма, позитивизма, бихевиоризма, либертарианства, утилитаризма, прагматизма и др.) делает более ясным ряд логических и методологических, структурных и стилистических, этических и социально-политических аспектов поведенческой экономики. То, что эти философские направления сильнее всего представлены в англо-американской интеллектуальной традиции, должно заставлять представителей европейских культурных и научных кругов с большим вниманием относиться к их выявлению и рассмотрению для того, чтобы лучше раскрыть возможности понимания и применения самой поведенческой экономики. Параллелизм ряда черт поведенческой экономики с диалогизмом задает продуктивность возможности формирования единой концепции, которая могла бы выступить важным идейным и стилистическим развитием данной традиции.

Поступила в редакцию 30.04.2021

И. П. Салтанович

КУЛЬТУРА И ЕЕ ЦИФРОВОЙ ФОРМАТ. ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИУМЕ

В статье исследованы некоторые основные трансформации в человеческом опыте и социальной культуре, происходящие в цифровом мире. В ней рассматриваются различные аспекты культуры как информационной оболочки, являющейся творением человека, которые могут углубить понимание духовной и социальной культур цифрового общества. Поднимаются вопросы, связанные с процессом преобразования идентичности человека в реальной жизни в созданную им цифровую идентичность в системе социальных отношений, что генерирует появление новых моделей поведения в рамках цифровой культуры, обусловленных особенностями сетевого общества.

Динамичный мир, в котором мы живем, постоянно и очень быстро меняется. Повсеместное распространение информационно-коммуникационных технологий изменило наш опыт, который ныне погружен в новую действительность, значительно отличающуюся от привычной, тысячелетиями выстраиваемой социумом. При этом очевидно, что киберпространство не заменяет знакомую реальность, а дополняет и становится ее неотъемлемой частью.

Изменения, происходящие в целом в текущей социальной динамике, играют важную роль также и в отношении культуры. В век Интернета и мобильных технологий цифровая революция полностью проявляется в культурных изменениях, происходящих в обществе, которые обсуждаются в связи с такими преобразованиями, как стирание границ между реальностью и виртуальностью, между людьми, природой и артефактами, а также процессом перехода от нехватки информации к ее переизбытку.

Социальные и культурные аспекты общества формируют саму его природу. Из всех «неконтролируемых» факторов окружающей среды культура (или, по крайней мере, ее изучение) является одним из самых трудных. Культура – это совокупность всех ценностей, которые могут формироваться, различаться и возрождаться по отношению к ценностям, сохраняемым обществом.

Понятие культуры включает различные определения, количество которых давно превысило несколько сотен. Тайлоровское определение, что культура относится к различным способам знания, верованиям и этическим кодексам, консолидирующим общество, может быть продолжено важностью символических элементов и тем, какое эти символы имеют социально-историческое значение [1] или мидовским сосредоточием на организации общего поведения людей в обществе [2]. Сумма символов, привычек, правил, артефактов и других социальных элементов – это качества человеческой культуры. В обществе «изменились не виды деятельности человечества, а технологическая способность использовать в качестве прямой производительной силы то, что отличает человека от других биологических созданий, а именно способность обрабатывать и понимать символы» [3, с. 84].

Поскольку культура зависит от человеческого созидания и не имеет природного происхождения, она уникальна по своей сущности. В отличие от социума, в животном мире передача знаний осуществляется на инстинктивной основе, по генетически заложенной программе. Поэтому количество доступной для вида информации практически остается прежним от поколения к поколению. В человеческом обществе культура выстроила принципиально новый и удивительно разнообразный по своим возможностям тип информационного процесса, отсутствующий у животных. В культуре кодировка знаний происходит не генами, а знаковыми системами. Идеи и образы, выраженные в этих системах, отделены от индивидуума, приобретая независимое, неличностное существование. Они становятся социальной информацией, носителем которой является не отдельный человек, а социум, бытующая в нем культура. В отличие от биологической, социальной знаковая информация не исчезает со смертью человека, образуя внутри культуры специфический внегенетический «механизм» своей наследственности – социальную наследственность [4].

Как один из многочисленных вариантов определения культуры трактовка В. Терпстра выглядит следующим образом: «Интегрированная сумма усвоенных поведенческих черт, которые проявляются и разделяются членами общества» [5, р. 17]. Изменение алгоритмов человеческого поведения, по большей части вытекающих из модификации социума, опирается на перестройку условий существования, где мировоззрение формируется как в непосредственном (физическом), так и в виртуальном пространстве. У И. Левина и Д. Мамлока появляется понятие «гиперсвязанный» мир и его влияние на человеческий опыт. Это мир, в котором активно проявляется

феномен цифровой культуры, усиленный «гибридизацией онлайн и оффлайн-полей», где сеть превратилась в пространство человеческой коммуникации, повседневной деятельности и развлечения, в «антропопространство». К. Бэссет, говоря о необходимости построения социальной теории, учитывающей эти изменения, описывает новый этап развития цифровых технологий и их влияние на социум как этап «посткиберпространства» [6, с. 9].

Однако, пожалуй, самые важные метаморфозы в социуме связаны с заменой традиционной концепции человека как отдельной сущности новым онтологическим самовосприятием человека как информационного организма, взаимосвязанного со всем миром.

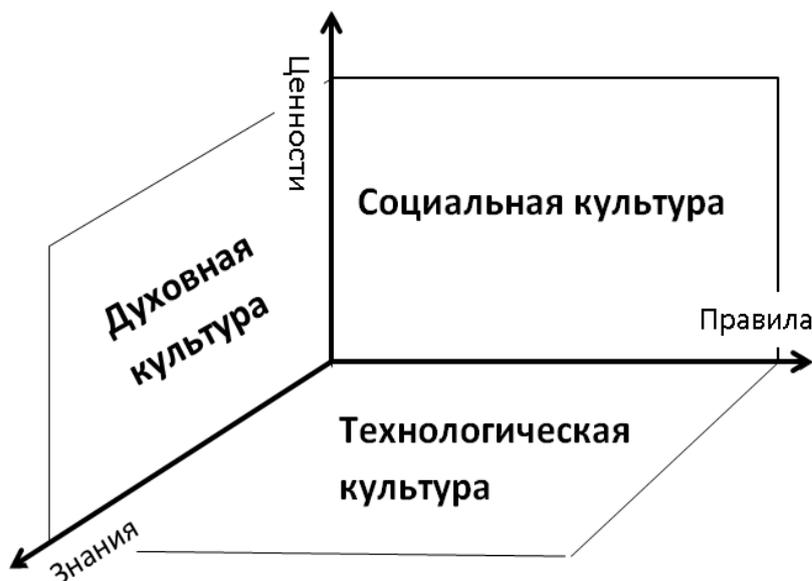
Рассматривая культуру как некую информационную оболочку, являющуюся творением человека, стоит, опираясь на ее информационную сущность, выявить выстроенные и еще зарождающиеся культурные особенности цифрового общества. Существует несколько подходов к изучению цифровой трансформации.

Как утверждает Й. Шварц, при погружении технических средств в повседневную жизнь «не существует чисто “социальных” явлений; вся человеческая деятельность предполагает некоторую степень технической интеграции» [7, р. 61]. Интересен взгляд А. Ачерби в его книге «Культурная эволюция в цифровую эпоху», где описываются некоторые аспекты человеческого опыта, преобразованные в результате коммуникативной революции [8].

Цифровые технологии Б. Стиглер определил как «фармакон» – *φάρμακον* (греч.) – термин [9], который в философии и критической теории представляет собой смесь двух: лекарство и яд, а то и трех значений [10]. Здесь речь идет о внутреннем напряжении цифрового мира и технологий, которые, с одной стороны, обещают предоставить больше возможностей для человеческой культуры, с другой – обладают и разрушительной силой. С его точки зрения, такой посыл ставит под угрозу герменевтические знания, лишает человека способности размышлять о переживаниях и разрушает социальную солидарность. Распространение дезинформации и рост разногласий в политических сферах являются воплощением предупреждения Б. Стиглера о возможностях и умении или неумении жить в эпоху разрушения. М. Кастельс исследует возникновение новой универсальной социальной структуры, проявляющейся при этом в различных формах в зависимости от разнообразия культур и институтов. Эта социальная структура ассоциируется у него с возникновением нового способа развития – информационализма, в свою очередь, сформировавшегося под воздействием перестройки капиталистического способа производства к концу XX в. «В новом, информациональном способе развития источник производительности заключается в технологии генерирования знаний, обработки информации и символической коммуникации. Разумеется, знания и информация являются критически важными элементами во всех способах развития, так как процесс производства всегда основан на некотором уровне знаний и на обработке информации» [3, с. 428].

Культура неотделима от информации, будучи информационной основой человеческого общества, жизненно важным условием его существования. Судя по всему, в цифровом обществе социальное бытие культуры представляет особый интерес. В киберпространстве у нее появляются две новых характеристики. С одной стороны, происходит сжатие пространства-времени, с другой – мир разрастается до параметров глобальной деревни, но при этом возникает нехватка реальных ощущений.

Одно из устоявшихся представлений о человеческой культуре – это форма «трехмерного пространства культуры», показанная на рисунке.

Культурное пространство.

Культурное пространство (рисунок) образовано тремя осями – знаниями, ценностями и правилами. Каждая пара осей образует плоскость, соответствующую одной из граней человеческой культуры. Духовная образована плоскостным соответствием осей знаний и ценностей; оси ценностей и правил образуют поле соответствия социальной культуре; технологическая представлена между осями норм и знаний.

В культурном пространстве аспект духовной культуры обычно определяется как наиболее влияющий, включая такие формы, как религия, искусство и философия. Духовная культура – это «познавательная и ценностная грань» культурного пространства. Точно так же оно включает в себя набор необходимых форм (этическую, правовую и политическую), которые определяют социальные отношения людей и их взаимодействия с обществом. Эти формы культуры отражают социальные ценности и идеалы, общие правила поведения, а также социальные отношения, определяемые как социальная культура. Технологическая культура в самом широком смысле относится к культуре освоения и обработки любого материала, созданию различных артефактов.

В 2013 г. вышеупомянутая трехмерная модель была впервые применена для представления цифровой культуры [11, р. 17]. Духовная составляющая

цифрового общества – явление уникальное. Прежде всего, этому способствует его внутренняя связь с виртуальным миром. Очевидно, что по мере того, как Интернет стал неотделимым компонентом жизни, присутствие в сети влияет на духовную культуру людей. Появление виртуальной сетевой жизни как неотъемлемой части реальной имеет большое значение для формирования личности. Самое интимное, что может быть, – собственная личность, собственное «я» – в значительной степени подвержено влиянию цифровых технологий [12]. Было бы справедливо предположить, что индивидуализацию можно рассматривать как основное движение, характеризующее духовную культуру в цифровую эпоху.

Технологический компонент культуры цифрового общества зависит от информационных технологий. Переход от материальных технологий к информационным служит показателем очень серьезных изменений. Основой современной технологической культуры в значительной степени является рациональность, что не означает потерю духовности, тем не менее определяя важную роль «научно-технической рациональности» в изменении почти каждой из сфер современной культуры.

Если традиционная среда строилась по законам природы, то и в технологическом смысле природа была источником энергии как основы жизни. Нынешний развивающийся континуум определяется технологиями машинного обучения, основанными на анализе Big Data, заменяя энергию информацией как «основным источником» жизни человека. Познаваемая среда «оцифровывает» человеческие взаимодействия, естественным путем встраиваясь в них. Таким образом, все составляющие современной культуры, тесным образом взаимодействуя, образуют целостный ландшафт цифровой эпохи.

А. Ачерби исследует, как на динамику культурной эволюции может повлиять тот факт, что в цифровом формате передача культурных ценностей высокоточна и практически безошибочна. Это явное отклонение от условий «доцифровой» эпохи, когда элементы культуры обычно претерпевали трансформацию при переходе от одного человека к другому. Кроме того, цифровая передача культурных ценностей характеризуется такими особенностями, как скорость, возможность комбинировать письменный и аудиовизуальный компоненты и многим другим. Возникает серьезный вопрос, как взаимодействие этих новых функций будет влиять на то, какой содержательный контент будет распространяться в социуме с большей вероятностью и каким будет его влияние [13].

Социальная составляющая цифрового общества определяется правилами, ценностями и идеалами, которые «выстраивают» поведение людей в обществе и их социальные взаимодействия. Основные формы социальной культуры включают этическую, правовую и политическую культуры.

Духовные и социальные аспекты культуры имеют ряд существенных отличий. Если к достижению личных духовных ценностей индивид может стремиться «свободным» от норм общества, прикладывая собственные

независимые усилия, будучи самодостаточным, в некоторых случаях безуспешно проведя всю свою жизнь в борьбе за общественное признание значимости своих произведений, то ценности социальной культуры не могут быть достигнуты в одиночку. Милосердие, равенство, человечность, закон и порядок, демократия и гражданские свободы реализуются только в отношениях между людьми. Невозможно вдохновить публику, оставаясь вне социальных связей.

Если продукты духовной культуры ценны сами по себе, как высший смысл человеческого бытия, даже если они существуют только в воображении людей и не воплощены в жизнь, то ценности и идеалы социального порядка «предназначены» для воплощения их в «реальной» жизни. Духовная культура не утилитарна, возвышая, она не может устанавливать и блюсти нормы поведения в обществе, в то время как социальная культура включает в себя ценности и нормы, правила поведения и взаимодействия людей в обществе, соблюдение которых контролируется общественным мнением, правоохранительными органами и государством. И такой «коллективизм» и специфика социальной культуры наиболее ярко выражается в цифровом обществе в новой динамике формирования « сетевого » общественного сознания.

Важной особенностью сетевого общества является его динамичный характер и способность людей быть как потребителями, так и производителями контента. Эффективное общение между людьми требует быстрой реакции на любое сетевое событие. Жизнь в гиперинтенсивном обществе делает запоздалые ответы или реакции на контент неуместными. Рациональность сетевого общества выражает идею о том, что эффективное общение не может быть достигнуто без постоянной активности по всей сети. В этом отношении процесс социализации кардинально изменился и приобрел новые характеристики. Социальный характер сети противоречит иерархическим моделям коммуникации, в которых доминируют принципы вертикального статуса и подавления. Сеть превращает взаимодействие между пользователями в обычное социальное общение и выводит его на более высокий уровень развития цифрового общества.

Эффект маленького мира был обнаружен в знаменитом эксперименте, проведенном в 1960-х годах Ст. Милгрэмом, в котором письма, передаваемые от человека к человеку, могли достичь назначенной цели, своего конечного пункта всего за небольшое количество шагов (знаменитые шесть шагов). В свое время это новаторское исследование социальной взаимосвязанности удивляло и интриговало, потому что предполагало, что, несмотря на огромные размеры нашего социума, в нем легко ориентироваться, следуя социальным связям от одного человека к другому. Сейчас подобный эффект наблюдается в большом количестве различных социальных сетей. Эффект микромира имеет значение для динамических процессов, происходящих в реальных взаимодействиях, но в первую очередь для происходящих в пространстве виртуальном (например, скорость распространения информации по сети и т. д.).

Социальные сети вышли за рамки цифровой социализации и стали витриной цифровой идентичности. «Первые исторические шаги информационных обществ характеризуются преобладанием идентичности как организующего принципа. Под идентичностью понимается процесс, через который социальный актор узнает себя и конструирует смыслы, главным образом, на основе данного культурного свойства или совокупности свойств, исключая более широкую соотнесенность с другими социальными структурами» [3, с. 29].

Многие социологические и социально-психологические подходы предполагают, что социальный характер человека возникает и формируется в соответствии с разнообразием социальных отношений, которые у него есть. Цифровые идентификаторы, отличающиеся от личности индивида, трансформируются в дискурсивные индикаторы, отрываясь от реального времени и пространства, а также усиливают друг друга демонстрацией, присущей цифровому миру.

Это ярко проявляется в стиле использования сетевой активности. Интеллектуальная, творческая деятельность человека требует исключительного авторского права на контент в традиционном обществе, где люди привыкли делиться с другими исключительно результатами своей работы. Даже на ранних этапах цифровой эры люди делились только конечными продуктами своих творений – медиаконтентом и сообщениями в социальных сетях. Другими словами, они делились своими успехами [14]. В современной «цифре» люди начали делиться практически всем, не только результатами, но и процессами творчества. Этот принцип становится все более универсальным, регулярным и желательным, выступая в качестве рутинной практики.

Такой подход противоречит традиционным принципам авторского «владения» созданным артефактом, при этом ярко характеризует существенную черту социальной культуры цифрового общества. Переход от традиционных форм творчества к более открытому пространству, где люди делятся своим контентом на разных этапах, является символическим и значимым, поскольку он расставляет новые акценты в творческих взаимоотношениях.

В своей работе Дж. Херинг называет общую тенденцию постоянно делиться всем «транспаризацией», определяя ее как процесс перехода к «прозрачности» человеческих взаимодействий и гипероткрытости общества. Предполагается, что транспаризация социальной культуры уравнивает индивидуализацию духовной культуры и эти две альтернативные тенденции влияют на формирование социальной культуры цифрового общества. Изучение взаимодействия и совместной динамики индивидуализации и транспаризации тесно связано с такими существенными понятиями, как «я в отношениях» [15] и аспектами самооценки человека. Не следует забывать, что цифровая культура может освободить нас как личностей, но она также может и «заключить» нас в тюрьму.

Идентичность в системе социальных отношений находится в перманентном развитии со смыслом и опытом. Человек в процессе социализации пытается интегрироваться с идеалами и кодексами поведения, принадлежащими социальной структуре, к которой он, по его мнению, принадлежит, с кодами реальной жизни, воспринимаемой органами чувств. Цифровая идентичность создается таким же образом, как и его/ее реальная идентичность в соответствии с группой, членом которой он является. Самая существенная разница между ними – видимость. Идентичность человека в реальной жизни преобразовывается созданной им цифровой идентичностью, и на макроуровне культура реальной жизни часто управляется создаваемой цифровой культурой.

При этом генерируются и новые модели поведения в рамках цифровой культуры. Появляется мировоззрение, являющееся частью цифровой культуры, которое представляет собой новую кодировку и привычки как фрагментированные, отредактированные, связанные и подключенные к Интернету. «Цифра» погружает людей в искусственную среду, навязываемую и поощряемую, где человек становится свидетелем изменений, которые испытывают традиционные формы бытования культуры.

Дигитализация культуры в первую очередь является результатом абстрагирования людей от реальной жизни. «Новая» идентичность, созданная и создаваемая людьми в виртуальном мире, вызывает эффект суперактивного влияния на других людей и реальную жизнь, что, в свою очередь, приводит к серьезным изменениям в концепции культуры.

Новые интерактивные области представляют собой очень удобное поле для формирования изменений в социуме. Диалоговый характер новых медиа, в частности, подготавливает среду для реализации стратегий, которые облегчают работу массового производства. Люди могут легко создавать в цифровом формате те типы социальных отношений, которые они не могут создать в реальной жизни. Именно так индивид вступает в процесс реконструкции цифровой идентичности, трансформируя реальную, добавляя новые качества, изменяя социальную культуру. Однако в случае платформ социальных сетей человек воссоздает не только свое поведение, а и визуальные коды. У современного человека достаточно времени и свободы в социальных сетях, чтобы создавать цифровое «я», которое он не может создать в реальном мире.

Общая культура общества является основой для социализации и социального устройства. Модернизация и технологические усовершенствования вносят изменения в общественную и частную жизнь в любом обществе. Эти изменения могут быть резкими или незаметными в зависимости от скорости, с которой приходят технологические новшества. В XXI веке мы переживаем резкий переход от массовой культуры к цифровой, где возрастные и экономические факторы играют определяющую роль в фазе адаптации. Изменения в формах общения в рамках цифровой культуры и формируют новый тип социума.

Концепция цифровой культуры – сложная конструкция, которая включает глобализационные процессы, популяризацию культуры, сетевые сообщества, новые медиа, игровые практики, цифровую рекламу, потребление, надзор и еще многие составляющие. Она многослойна и отличается от любого предыдущего типа культуры в плане структуры и распространения. В частности, давление, создаваемое новыми медиа в форме аккультурации, важно с точки зрения быстрого и эффективного влияния, невероятно скоростного выхода на большие массы. Цифра «требуется», чтобы у человека было с технической точки зрения недорогое и совместимое устройство (телефон или компьютер), предлагая пользователям возможность построить новый мир, включающий в себя реальность внутри общественного виртуального социума, охватывая все конкретные социальные практики, начиная с политики и заканчивая любимыми самыми экзотическими интересами.

Поскольку жизнь в цифровой среде – относительно новое явление, история нашей новой киберсреды обитания лаконична. Теоретические исследования цифровой революции как культурного феномена отражают известные цифровые преобразования общества и открывают путь к будущему изучению социума путем анализа ожидаемых возникающих антропологических, социальных и технологических явлений. Несомненно, тенденции, характеризующие духовные, социальные и технологические аспекты культуры цифрового общества, раскрывают пути трансформации людьми своей собственной уникальной духовной культуры в цифровом мире, создание «гибрида» идентичности в соответствии с тенденциями индивидуализации, транспаризации и познания.

В результате человек оказывается в своеобразном личностном культурном микромире, сформированном в соответствии с его склонностями и приоритетами. Создание микромиров сопровождается, усиливается и активно поддерживается цифровой средой. Как будет дальше меняться «оцифрованный» социум, какова будет культурная трансмиссия – темы весьма актуальные для любого общества и подходят для теоретического и методологического осмысления. Для более углубленного изучения необходимы эмпирические исследования и моделирование, и, возможно, приведенный в статье анализ сможет дать некоторые отправные точки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тайлор, Э.* Первобытная культура / Э. Тайлор. – М.: Изд-во полит. литературы, 1989. – 576 с.
2. *Мид, Дж. Г.* Избранное: сб. переводов / Дж. Г. Мид; сост. и пер. с англ. В. Г. Николаев. – М.: ИНИОН РАН, 2009. – 290 с.
3. *Кастельс, М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ. – 2000. – 608 с.
4. *Кармин, А. С.* Культурология: учеб. пособие / А. С. Кармин. – 2-е изд. – СПб.: Лань, 2003. – 290 с.
5. *Terpstra, V.* International Marketing / V. Terpstra. – Fort Worth : Dryden Press, 2000. – 753 p.

6. Соколова, Н. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху / Н. Соколова // Международный журнал исследований культуры. – 2012. – 3(8). – С. 6–10.
7. Shhwarz, J. A. Umwelt and Individuation: Digital Signals and Technical Being. In Digital Existence: Ontology, Ethics, and Transcendence in Digital Culture / J. A. Shhwarz; Ed. A. Lagerkvist. – N. Y. : Routledge, 2019. – 61 p.
8. Acerbi, A. Cultural evolution in the digital age / A. Acerbi. – Oxford Univ. Press. – 2019. – 272 p.
9. Stiegler, B. The Age of Disruption: Technology and Madness in Computational Capitalism / B. Stiegler. – Cambridge : Polity Press, 2019. – 418 p.
10. Wiki [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.qaz.wiki/wiki/Pharmakon_\(philosophy\)](https://ru.qaz.wiki/wiki/Pharmakon_(philosophy)). – Дата доступа: 20.02.2021.
11. Levin, I. Cultural Trends in a Digital Society / I. Levin // Proc. of the 10th Intern. Symposium on Tools and Methods of Competitive Engineering TMCE, Hungary, 19–23 May 2014; Ed. by I. Horváth, Z. Rusák. – Budapest, 2014. – P. 13–21.
12. Levin, I. Personalization of Learning Environments in a Post-industrial Class // Social Media in Higher Education: Teaching in Web 2.0 / I. Levin, A. Kojukhov, M. Patrut, B. Patrut. – PA, USA, 2013. – P. 105–123.
13. Acerbi, A. A Cultural Evolution Approach to Digital Media / A. Acerbi // Frontiers in Human Neuroscience. – 2016. – № 10. – P. 1–12.
14. Kelly, K. The Inevitable / K. Kelly. – N. Y. : Penguin Group, 2016. – 336 p.
15. Herring, J. Law and the Relational Self / J. Herring. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2019. – 270 p.

Поступила в редакцию 28.04.2021

Н. Г. Севостьянова

«БОРЬБА ЗА ЛОГОС» КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПЛАТОНИЗМА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье рассмотрены самобытные историко-культурные рецепции и основные установки исследований платонизма в русской философии с опорой на ее историографию и труды В. В. Зеньковского, А. Ф. Лосева, Н. О. Лосского, В. С. Соловьева, Г. Г. Шпета, В. Ф. Эрна, П. Д. Юркевича. Показаны воплощения платонизма в учениях представителей русской морально-религиозной философии; ее цельное знание как «борьба за Логос», скорее метафизический, чем логический. Сквозь призму традиции персонализма в русской философии раскрыты «жизненная драма Платона» и значимость платонизма в отечественном мировоззрении.

«Тонкими и крепкими нитями философия Платона пронизывает не только мировую философию, но и мировую культуру» [1, с. 3]. Влияние платонизма испытала вся западная и восточнославянская интеллектуальная культура, но в особенности русская морально-религиозная философия начала XX в. в различных формах метафизики всеединства и апологетики духовного опыта.

Но «Платон оказался вечной проблемой истории человеческой культуры» [1, с. 4], его личность и творчество окутаны тайной, он «околдовал Европу». Философы и богословы всех времен и народов по-разному интерпретируют учение «божественного Платона» и его «солнечное постижение сущего». И сегодня специалисты по русской философии и платоноведению неоднозначно трактуют проявления платонизма в отечественной мысли. Рассуждают о логической возможности понятия «христианский платонизм»; выявляют взаимосвязь логического и метафизического, ratio и Слова в Логосе; раскрывают соотношения метафизики всеединства и метафизики веры; изучают экзотеризм и эзотеризм платоновского влияния на мировую духовную культуру.

Цель данной статьи – рассмотреть историко-культурные проявления и основные установки исследований платонизма в русской философии; показать воплощения платонизма в учениях представителей русской философской школы метафизики всеединства; раскрыть сквозь призму традиции персонализма в русской философии «жизненную драму Платона» и значимость его учения для отечественного мировоззрения.

Платонизм представляет собой переосмысленное учеными почти трех тысячелетий наследие великого древнегреческого философа, основоположника объективного идеализма и предтечи христианства Платона (427–347 до н. э.). Ученик Сократа и основатель Академии, в которой учился Аристотель, мыслитель рассмотрел умозрительный мир вечных идей, слабым отражением и тенью которого является все материально-чувственное. Учил о бессмертии души, познании истины через обращение разума к идеальному основанию космоса. По Платону, умопостигаемый мир истинного бытия, мир идей представляет собой самостоятельную сферу вечного и неизменного, постоянного и неподвижного сущего и венчается идеей блага. Объективный идеализм Платона метафизичен: как и сущее вообще, каждая идея, эйдос всегда себе равна, «не знает ни рождения, ни гибели, ни роста, ни оскудения».

В философии античности платонизм представлен Древней, Средней и Новой Академией; средним платонизмом (неопифагореизм, гностицизм, герметизм); неоплатонизмом. Первыми последователями платонизма были ученики Академии, школы Платона, основанной им в 387 г. до н. э. в Афинах. Закрытие школы в 529 г. стало началом «тайны ее тысячелетней значимости», но проблема Платона волнует умы и сегодня.

«Бесчисленное количество поэтов и прозаиков, художников и критиков, ученых и дилетантов вот уже третье тысячелетие спорит из-за Платона, поет ему дифирамбы или снижает его до уровня обывательской посредственности» [1, с. 4]. Ведь платонизм в основе своей все же языческое учение, на основании которого впоследствии неоплатоники (Плотин, Порфирий, Прокл, Тертуллиан) как представители христианской философии античности римского периода ее развития сделали вывод о божественном сверхсущем Едином, которое лежит в основании космоса и постигается с помощью нравственного очищения.

«Платон – это одна из самых сложных и мучительно противоречивых проблем в истории философии, одно из наиболее трудно анализируемых историко-философских самопротиворечий» [1, с. 43], – отмечает Алексей Федорович Лосев (1893–1988) – выдающийся историк русской философии и антиковед, разработчик феноменологии и «рыцарь всеединства», переводчик сочинений Платона и неоплатоников. Творчество самого А. Ф. Лосева можно считать своеобразной энциклопедией русского платонизма, особенно ярко представленного в работах «Философия имени», «История античной эстетики», «Очерки античного символизма и мифологии».

По признанию А. Ф. Лосева, «излагать философию Платона как систему – это истинное мучение, ибо ее приходится реконструировать из его противоречивых суждений. Даже знаменитый термин “идея” имеет несколько разных значений. Платон менее всего догматичен. Его философский метод – это метод острейшего критицизма и диалектики» [1, с. 62]. Идеи как цели, ценности и причины всех вещей и явлений раскрывают «для нашего разума мир того, что всегда есть и никогда не бывает, а для наших чувств – мир того, что всегда бывает и никогда не есть».

«Платоновские идеи – это не только родовые понятия, противостоящие чувственной действительности. Идею вещи он понимал как принцип вещи, метод ее познания, смысловую модель чувственных проявлений, как такое общее, которое представляет собой закон для всего единичного. При этом материя является функцией идеи» [1, с. 47].

«У Платона не идеи образуют собой наивысшую действительность, но Единое, которое есть не что иное, как тождество всего идеального и материального, как тот первопринцип, из которого только путем его разделения возникает идеальное и материальное» [1, с. 49]. «Сильной стороной философии Платона менее всего является его объективный идеализм как мировоззрение. Платон создал теорию общего как закона для единичного, теорию необходимых и вечных закономерностей природы и общества» [1, с. 56–57].

В труде «Русская философия» А. Ф. Лосев отмечает: «русская философия, развивавшаяся на основе греко-православных представлений, во многом заимствованных у античности, кладет в основание всего Логос. Ratio есть человеческое свойство; Логос метафизичен и божествен. Русская самобытная философия представляет собой непрекращающуюся борьбу между западноевропейским абстрактным ratio и восточно-христианским, конкретным, богочеловеческим Логосом и является беспрестанным, постоянно поднимающимся на новую ступень постижением иррациональных и тайных глубин космоса конкретным и живым разумом» [2, с. 73].

«Борьба за Логос», «живая стихия Логоса», «сознательно и принципиально осмысленная философия Логоса» выражает суть русской философии по утверждению Владимира Францевича Эрна (1882–1917), автора работы «Верховное постижение Платона» [3]. «Отсюда коренной и универсальный

онтологизм в философии Логоса. Для приверженцев философии Слова само понятие Истины онтологично. Восточное умозрение признает истину бытием в Логосе, т.е. бытием в Истине» [4, с. 79].

Примирающим высказыванием о сути русскоязычного умозрения служит в данном случае тезис выдающегося историка русской философии Василия Васильевича Зеньковского (1881–1962). «Русская философия есть там, где есть искание единства духовной жизни на путях ее рационализации» [5, т. 1, с. 16].

Основные рецепции платонизма и его исследования в русской философии

Общий строй идей платонизма и неоплатонизма был освоен уже в христианско-православной культуре Киевской Руси через византийское и болгарское влияния, понимаемые предельно широко, как некоторое духовное устремление, «как указующий перст от земли к небу, от долу – горе» (П. А. Флоренский). «Нас крестили по-гречески, но язык нам дали болгарский. Солунские братья сыграли для России фатальную роль» [6, с. 28], – полемически отметил выдающийся историк русской философии и феноменолог, «сторонник философии как знания, но не морали» Густав Густавович Шпет (1879–1937).

Так начинается «герменевтический круг» в интерпретациях самобытного русского заимствования платонизма. «Россия стала христианской без античной традиции. Она могла взять античную культуру прямо из Греции, но этого не сделала. Запад принял христианство на языке латинском, античная культура была открытой книгой для западного человека. И что могло бы быть, если бы, как Запад на латинском, мы усвоили христианство на греческом языке? Мы выдержали натиск монголов, и какое у нас могло бы быть Возрождение, если бы наша интеллигенция так же знала греческий, как Запад – латинский язык, если бы читали хотя бы то, что христианство не успело уничтожить из наследия Платона, Фукидида и Софокла» [6, с. 28–29]. «Неразработанность русского языка, отсутствие научной терминологии, невежество читателя, – все это стояло на пути духовного просветления России. Когда воссиял Пушкин, болгарский туман рассеялся» [6, с. 38].

Отмечая бесспорную заслугу перед русской культурой переводчика текстов Платона с греческого языка в XIX в. В. Н. Карпова (1798–1867) и не комментируя соответствующие переводы В. С. Соловьева, Г. Г. Шпет тем не менее подчеркивает, что и В. Н. Карпов не освободился от «словено-российского» стиля, который выдерживал значение слов, но не мысли первых переводов Платона в XVIII в. Пахомова и Сидоровского.

Неоплатонизм стал идейной основой русского исихазма как мистической философии священнобезмолвия и практики «умной молитвы», что отразилось во взглядах Нила Сорского (ок. 1433–1508), определив идеологию «заволжских старцев» с их богословско-политической программой нестяжательства.

Первый русский философ Григорий Саввич Сковорода (1722–1794), «русский Сократ и последователь Платона», но скорее проповедник «стоицизма от Цицерона и Плутарха» [6, с. 85], родился и действовал в Малороссии. «С посохом в руке он обошел многие страны Западной Европы, знал языки, был знатоком античной философии. Это был истинный Сократ на русской почве, и не меньше, чем греческий Сократ, он видел свою жизненную задачу в духовном рождении человека» [2, с. 74].

«Глубокое внимание к западной мысли и пронизанность религией Слова восточнохристианского умозрения составляет оригинальную почву русской философской мысли от Сковороды до С. Н. Трубецкого» [4, с. 85]. «Принципиальным онтологизмом проникнуто цельное мировоззрение «русского Сократа» Г. С. Сковороды, и мирозерцание «русского Платона» – В. С. Соловьева» [4, с. 87].

В философских классах Киево-Могилянской и Московской Славяно-греко-латинской академий изучали философию Платона и неоплатоников, несмотря на то, что господствовали курсы по схоластике и аристотелизму. Славянофилы учили о всеединстве как соборном начале духовного бытия.

Почти все философские сочинения Памфила Даниловича Юркевича (1827–1874), учителя В. С. Соловьева, посвящены анализу творчества Платона, в том числе его сравнительному анализу с кантианством. «Философия Платона находила в идеях истину самого разума, а не функции человеческого субъекта. Общее, идея, истина есть вечное, не произведенное субъектом содержание разума» [7, с. 503], – отмечал П. Д. Юркевич.

Для русского философствования характерно восприятие платонизма не только в связи с учением Платона об идеях, но и в связи с идеализмом как направлением философии вообще, с реализмом в споре об универсалиях, с априоризмом и рационализмом в теории познания, со спиритуализмом и телеологией в онтологии. По А. Ф. Лосеву, «русская философия представляет собой внутреннее, интуитивное, мистическое познание сущего, его скрытых глубин, которые могут быть постигнуты только в символе, в образе посредством силы воображения и внутренней жизненной подвижности» [2, с. 71].

Платонизм и метафизика всеединства

«Платон – безусловный проповедник всевозможной гармонии: внутри человека, в обществе и в космосе – вот постоянный и неизменный идеал Платона в течение всего его творческого пути» [1, с. 59]. На рубеже XIX–XX вв. платонизм воплотился в метафизике всеединства выдающегося русского мыслителя Владимира Сергеевича Соловьева (1853–1900) и плеяды его последователей мировой известности. «Соловьев – гений философского творчества, создавший обширнейшее и законченное философское мирозерцание» [4, с. 84]. Платоновское «оправдание добра» стало предметом

главного труда В. С. Соловьева и его «нравственной философии». Исследователи отмечают, что «в философии Владимира Соловьева наблюдается органическое слияние различных элементов платонизма и неоплатонизма» [2, с. 88] наряду с рационализмом.

В метафизике всеединства представлены учения о цельном знании, о Богочеловечестве и Софии. Цельное знание в русской философии означает не только внутреннюю логику системосозидания, но и проявляется в стремлении постичь цельный духовный опыт. «Идеал цельного познания, т.е. познания как органического всеобъемлющего единства, провозглашенный Киреевским и Хомяковым, привлек многих русских мыслителей. Только собрав в единое целое все свои духовные силы, человек начинает понимать истинное бытие мира и постигает сверхрациональные истины о божестве. Именно этот цельный опыт лежит в основе творческой деятельности многих русских мыслителей – В. Соловьева, кн. С. Трубецкого, кн. Е. Трубецкого, П. Флоренского, С. Булгакова, Н. Бердяева, Н. Лосского, С. Франка, Л. Карсавина, А. Loseва, И. Ильина и др.» [8, с. 514–515], – утверждал выдающийся историк русской философии, приверженец метафизического персонализма и платонизма Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965).

Философские начала цельного знания В. С. Соловьева увязывают теургию, теософию и теократию; науку, философию и теологию; логику, метафизику и этику. «В неразрывности теории и практики, отвлеченной мысли и жизни, в идеале целостности заключается одно из главных вдохновений русской философской мысли. Русские философы ищут именно целостности, синтетического единства всех сторон реальности и всех движений человеческого духа» [5, т. 1, с. 20].

Непосредственные сторонники метафизики всеединства представили учение о цельном знании. С. Л. Франк (1877–1950) обосновал «метафизический реализм» о сути и формах проявления непостижимого. С. Н. Булгаков (1871–1944) создал систему православного универсализма, дополняя метафизику всеединства мистическими идеями духовного спасения (сотериологии). П. А. Флоренский (1882–1937) в «конкретной метафизике» воспроизвел исихастский опыт молитвенного восприятия единосущия божественного и человеческого миров. В определенном смысле он слишком платонизировал христианство, сближая его с мистикой и магией.

Так всеединство множественности, по В. С. Соловьеву, обнаруживает свою «ущербность». Роковым спутником всеединства оказался пантеизм, навеянный языческим мировоззрением Платона, – отметил в «Истории русской философии» В. В. Зеньковский. Он утверждал о «слишком большой философичности Платона» для христианства, которая вносила «осложнение и в понимание Бога». Неслучайно одна из работ В. В. Зеньковского получила название «Преодоление платонизма и проблема софийности мира». Установление непосредственной связи платонизма и христианства губительно для последнего, по мысли В. В. Зеньковского. Но авторы учений метафизики всеединства считают эту непосредственную связь объективной.

Моральная философия метафизики всеединства как цельное знание иррационального бытия воспроизводит «вечные идеи» Платона и отличается разнообразием подходов к поиску ключевой нравственной ценности. Это добро и любовь как ценности смысла жизни в «нравственной философии» В. С. Соловьева, а также «первичные данные нравственности» – стыд (как совесть на уровне социального бытия и как страх Божий на уровне духовном); жалость (как любовь и альтруизм); благоговение (как вера).

Совесть и свобода самоопределения как основные нравственные ценности раскрываются в апологетике Е. Н. Трубецкого; духовность и смысл жизни – в теории непостижимого С. Л. Франка; безгрешность и любовь – в учении Л. П. Карсавина; Добро-Истина-Любовь-Красота – в «конкретной метафизике» П. А. Флоренского; мистика спасения души – в православном универсализме С. Н. Булгакова; разумная вера и верующий разум – в аксиоматике религиозного опыта по И. А. Ильину; преображающая сила Благодати – в «безрелигиозной этике» Б. П. Вышеславцева; свобода и творчество – в теоандрической этике Н. А. Бердяева; «только вера» и свобода – в этике абсурда Л. И. Шестова; ответственность – в «теономной нормативной этике» Н. О. Лосского [9].

Традиция персонализма и платонизм в русской философии

Традиция персонализма в русской моральной философии раскрывается и как направление философии, с которым идентифицирует себя автор конкретного учения, и как метод познания духовной сущности противоречивого по своей природе человека, и как способ постижения творческого замысла создателя философских произведений, как это произошло с многочисленными интерпретациями текстов Платона.

Так, в экзистенциальном персонализме Н. А. Бердяева (1874–1948) и воссозданных им в работе «О назначении человека» четырех этиках (этики закона, искупления, творчества и эсхатологического персонализма) раскрываются темы свободы и творчества, добра и зла, любви, страдания, совести, смирения и спасения, смысла жизни и смысла смерти, рая и ада. О самом себе он сообщает следующее в работе «Самопознание. Опыт философской автобиографии». «Христианство есть персонализм. С этим связана главная духовная борьба моей жизни. Я представитель личности, восставшей против власти объективированного “общего”. В этом пафос моей жизни» [10, с. 280].

Иррационалистический персонализм Л. И. Шестова (1866–1938) содержит философию морали абсурда и веры. Его работы «Апофеоз беспочвенности», «Афины и Иерусалим», «Memento mori» погружают моральную философию в мир «беспочвенности» бытия, научая каждого жить «только верой», но в неизвестности и с надеждой.

Интуитивистский персонализм Н. О. Лосского одержит оптимистическую интерпретацию моральной философии (работы «Условия абсолютного добра», «Бог и мировое зло») в ракурсе онтологии высших ценностей, ответственного пути каждого человека как субстанциального деятеля и в свете установки на естественное эволюционное исчезновение зла.

По поводу персонализма русской философии тонко подмечено: «Мудрость слова раскрывается через личность и в личности. Отсюда персонализм русской философии, т.е. подчеркнутая значительность личности ее творцов и создателей» [4, с. 89]. «Персонализм русской мысли имеет существенный, а не случайный характер. Тайны Сущего раскрываются в недрах личности. Вот почему мало знать, что написали и что сказали Гоголь, Достоевский или Соловьев, нужно знать, что они пережили и как они жили» [4, с. 90]. Так, «необычайная целостность Платонова духа» [3, с. 521] получила олицетворение в платонизме русской философии.

«Предприняв полный русский перевод Платона», В. С. Соловьев в работе «Жизненная драма Платона» усмотрел единство его творений «в самом Платоне как целом, живом человеке, герое своей жизненной драмы» [11, с. 585]. При этом Платон – приверженец внутренней и внешней гармонии, как утверждает А. Ф. Лосев в работе «Жизненный и творческий путь Платона».

Во-первых, драма жизни и мысли Платона обусловлена самой его личностью. «Трагический конец платоновской философии подчеркивается тем, что и сам Платон, и его позднейшие почитатели сравнивали его с Аполлоном, богом света, порядка, гармонии, уравновешенности как в моральном и художественном, так и в государственном и космическом плане. Он Был врачевателем душ» [1, с. 42]. Платон через речи Сократа выразил исповедание «Я знаю только, что ничего не знаю». Это и есть «первое условие истинной философии – нищета духовная» [11, с. 596].

Во-вторых, «Сократ оказался для него незаходящим солнцем» [1, с. 11]. «Осуждение и смерть Сократа разрушили в нем веру в силу разумного убеждения с помощью слова» [1, с. 31]. «Завязка жизненной драмы Платона дана в его отношениях к Сократу живому – в первом акте, а память о Сократе умершем возвратно звучит, как некий лейтмотив и в актах последующих» [11, с. 585]. «Смерть Сократа, когда ею переболел Платон, породила новый взгляд на мир – платонический идеализм. Гений Платона вывел заключение, которое осталось скрытым для других учеников Сократа. Тот мир, в котором праведник должен умереть за правду, не есть настоящий, подлинный мир. Существует другой мир, где правда живет. Вот действительное жизненное основание для Платонова убеждения в истинно-сущем идеальном космосе, отличном и противоположном призрачному миру чувственных явлений» [11, с. 605].

«Без философских препирательств софистов, Сократа и Платона было бы скучно в истории античной философии; без этой зазорной диалектики, вечного искательства правды и истины не сложилась бы античная философия и литература в том виде, в каком мы ощущаем их еще и в XX веке» [1, с. 19].

В-третьих, «Платон жил и действовал в ту роковую эпоху античного мира, когда погибал свободолюбивый классический полис. Вместо него нарождались огромные империи, подчинявшие себе личность в политическом отношении. Отсюда надежда на перевоплощение человеческих душ, проповедь служения вечным идеям» [1, с. 58].

В-четвертых, «помимо личной для Платона трагедии погибающего полиса он переживал еще одну трагедию, в которой сам едва ли отдавал отчет, но которая заставляла его чувствовать отчаяние и полное бессилие в итоге своего беспокойного жизненного пути. Это была трагедия всякого идеализма вообще, плохо понимающего невозможность преобразования жизни при помощи одних только идей. Платон не понимал, что материя (а значит, и социальная жизнь) определяет собою любую идеальную конструкцию. Идеалист превращается в утописта, в мечтателя. Это было для Платона не меньшей трагедией, чем все его сицилийские неудачи» [1, с. 33–34].

«Если Сократ свел философию с неба и дал ее в руки людям, то его величайший ученик приподнял ее высоко над головою и с высоты бросил ее на землю, в уличную грязь и сор. Хорошо, что сосуд мудрости не есть сосуд скудельный. Разбились вдребезги недостойные политические искания и планы философа, но мысли его лучших дней остались во всей целости. Суд потомства к нему не только справедлив, но и милостив. Снисходительно прощают ему грубый коммунизм как случайную aberrацию великого ума» [11, с. 624].

В итоге «секрет значимости Платона заключается не в буквальном содержании его философии и проповедуемой им морали. При самом беспощадном анализе платонизма в нем оставалось немало ценного. Конструктивно-логические принципы, проповедь самоотверженного служения идее, пафос мировой гармонии, принципиальный антисистематизм и антидогматизм, беспокойный драматический диалог и язык – вот в чем разгадка тайны значимости Платона» [1, с. 63]. Русская мысль восприняла идеи Платона как философию Слова, живой и божественный Логос. «Идейный порыв, принципиальная настроенность, самоотверженное служение идеалу – все это на целые тысячелетия сделало философию Платона популярной, хотя конкретная оценка ее всегда была разной» [1, с. 59].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосев, А. Ф. Жизненный и творческий путь Платона / А. Ф. Лосев // Платон: собр. соч. : в 4 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – с. 3–64.
2. Лосев, А. Ф. Русская философия / А. Ф. Лосев // Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г. : Очерки истории русской философии / сост., вступ. ст. Б. В. Емельянова, К. Н. Любутина. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С. 67–96.
3. Эрн, В. Ф. Верховное постижение Платона / В. Ф. Эрн // Сочинения / В. Ф. Эрн; вступ. ст. Ю. Шеррер. – М. : Правда, 1991. – С. 463–533.
4. Эрн, В. Ф. Борьба за Логос / В. Ф. Эрн // Сочинения / В. Ф. Эрн; вступ. ст. Ю. Шеррер. – М. : Правда, 1991. – С. 11–294.
5. Зеньковский, В. В. История русской философии : в 2 т. / В. В. Зеньковский. – Ростов н/Д. : Феникс, 1999. – Т. 1. – 544 с. – Т. 2. – 540 с.

6. Шпет, Г. Г. Очерк развития русской философии / Г. Г. Шпет // Сочинения / Г. Г. Шпет; предисл. Е. В. Пастернак. – М. : Правда, 1989. – С. 11–344.
7. Юркевич, П. Д. Разум по учению Платона и опыт по учению Канта / П. Д. Юркевич // Философские произведения / П. Д. Юркевич; вступ. ст. А. И. Абрамова. – М. : Правда, 1990. – С. 466–529.
8. Лосский, Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. – М. : Высш. шк., 1991. – 559 с.
9. Севостьянова, Н. Г. Русская философия : основные вехи развития / Н. Г. Севостьянова. – Минск : МГЛУ, 2019. – 308 с.
10. Бердяев, Н. А. Самопознание: Опыт философской автобиографии / Н. А. Бердяев; вступ. ст. А. А. Ермичева. – Л. : Лениздат, 1991. – 399 с.
11. Соловьев, В. С. Жизненная драма Платона / В. С. Соловьев // Соч. : в 2 т. / В. С. Соловьев. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 582–626.

Поступила в редакцию 06.04.2021

В. Н. Усский

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЕ ДИСКУССИИ О ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В статье исследуются богословские дискуссии, которые вели между собой схоластическая (реализм, концептуализм, номинализм) и мистическая традиции в период зрелого католического Средневековья. Они нашли свое концентрированное воплощение в учении Фомы Аквинского о двойственной истине, принятой в качестве официальной доктрины римской церкви. Схоластическая философия вычленила мирское (имманентное) существование в душе человека, обособив его от сакрального (трансцендентного) Бытия. Философия номинализма сформулировала категорию интенциональности (нейтральности) существования мирского начала, которая была воплощена в категории «естественного разума» человека. Мирскому существованию человека придавался статус обособленного самостоятельного начала, которое формировало Мир как совокупность страстей вне трансцендентной сущности Творца. Обмирщаясь, естественный разум западного мирского человека утрачивал христианскую веру, однако вместе с тем воплощал свою творческую энергию в процессе динамичного развития городов, техники и естественных наук в XVI–XVIII веках.

1. Естественная природа человека как условие формирования бюргерской экономики позднего Средневековья

Интеллектуальные достижения зрелой схоластики XIII – XV вв. отражали процесс далеко зашедшей эрозии духовных ценностей западного христианства. Концептуалист Фома Аквинский обосновывал необходимость использования в богословской традиции Запада языческого начала (паганизация католицизма), что отражало торжество человеческой плоти, прошедшей путь христианской персонификации. Познание Бытия человек начинает с наблюдения и осмысления внешних фактов. Рассудочная философия Нового времени (XVII – XVIII вв.) жестко прочертила фундаментальное отличие религиозного факта от эмпирического, совершенно

очистив последний от трансцендентного начала. Начало такому жесткому противопоставлению задал Фома в своей трактовке двойственной истины, разведя в противоположные стороны богооткровенные истины веры от истин человеческого разума. Он придал истинам христианской веры и истинам ограниченного человеческого разума кощунственную равнозначность. Фома Аквинский учил: «Ничто не мешает иметь другое знание, опирающееся на свет откровения, о том самом, о чем трактуют философские дисциплины и что может быть познаваемо в естественном свете разума» (Цит. по [1, с. 10]). Процесс паганизации католицизма привел к эклектическому смешению трансцендентного христианского чуда с имманентным языческим, несмотря на то, что они построены на диаметрально противоположных началах, соответственно, на творении Богом мира из ничего и естественном вечном существовании Космоса.

Из «учения о двойственной истине» Фомы Аквинского вытекало, что истинное в философии не является истинным в богословии, и наоборот. Предметом богословия в католицизме осталось трансцендентное нетварное начало Бога-Творца, а предметом философии стало имманентное безличное начало мира. Западное католическое учение оказалось пронизано дуализмом этих исходных начал. Оно стало амбивалентной попыткой поставить на единый уровень истины и соизмерить с позиции истины принципиально разные сферы – Абсолютную Личность Творца в богословии и безличную стихию тварного Космоса в философии. Амбивалентное мировоззрение католицизма оказалось пронизано распадающимся единством нетварной природы Бога-Творца, который противостоял природе сотворенного Космоса при крепнущей автономии Мира греховного человека. Мир, по Исааку Сирину (640 – 700), – есть совокупность греховных страстей. Мир вырос в городской культуре, приобретая все более явные признаки светского автономного образования, пока еще в мягкой форме противостоя западному христианству.

Философская позиция Фомы Аквинского заключается в интеллектуальном познании Бога через познание тварного мира посредством органов чувств, которые в чувственном опыте дают разуму факты для осмысления и обработки. Поэтому Фома поставил под сомнение реальность априорных форм реалистов. Отсюда вытекает косвенное рациональное познание природного естества, противостоящее духовному непосредственному аскетическому познанию Бога. Выпукло представляя рационалистические результаты зрелой схоластики, А. Ф. Лосев (1893 – 1988) пишет: «Кто первый в Европе сказал, что в интеллекте нет ничего такого, чего раньше не было бы в чувственном ощущении? Фома Аквинский. Кто первый в Европе сказал, что человеческий интеллект не содержит в себе никаких априорных форм? Фома Аквинский. Кто первый в Европе сказал, что религиозные предметы создают в человеке специфическое и самодовлеющее чувство наслаждения? Фома Аквинский. Кто впервые в ясной форме сказал, что материя не есть ничто, но что она есть необходимое внешнее выражение самой же формы? Очень многие из изложенных нами авторов, и яснее всего – Дунс Скот. Кто первый в Европе сказал, что человеческий разум

не только не ниже веры, но и без всякой веры может создавать вероучительные истины и даже дедуцировать факты самой священной истории? Раймунд Луллий» [2, с. 176].

К XV в. процесс паганизации западного христианства зашел достаточно далеко. Это проявлялось в отделении от религии и церковного культа относительно самостоятельной сферы искусства и культуры, которая была пропитана мирским началом. Примером могут служить католические иконы, напоминающие скорее живописные картины; фривольное содержание поэзии вагантов и миннезингеров; рыцарские романы, пронизанные языческими мотивами; пластичная языческая античность, представленная в скульптурах костелов. Например, барокко Бернини выражало «Экстаз» святой Терезы в костеле Санта-Мария дела Виттория, где эротика женской чувственности двусмысленно переливается в мистическую любовь к Христу [3, с. 454].

Философия Возрождения поставила секуляризованную личность в центр Вселенной, сделав главной ее ценностью достижение внешнего мирского благоденствия. Восстанавливая в культуре Запада ценности позднего эллинистического язычества, Ренессанс с XIV в. формирует в душе католика мировоззрение светского человека, который утрачивал трансцендентный смысл сакральных христианских святынь. В западном человеке формировалось ядро имманентных ценностей, противостоящих трансцендентным ценностям христианства. После принятия римской церковью *Filioque* в 1014 г. и последовавшего за ним церковного раскола (1054) языческое эллинистическое миропонимание стало из глубин католической догматики (тварность благодати Бога) выходить наружу. Тварность означает: «могло бы и не быть». Августин заложил в фундамент западной традиции представление о Божией благодати как о тварной по своей природе. В противоположность католицизму византийское богословие учило о нетварной благодати Божией.

Учение католицизма о тварной природе благодати Бога вело к развитию опосредованных способов постижения Бога через рациональное исследование тварного мира. Природа представлялась в качестве второй Библии, которая написана на понятном людям мирском языке. Это способствовало преобладанию в западном христианстве чувственного и рационального познания человеком явлений природы. Трансцендентное бытие Бога в природе осознается католичеством в реальности тварного существования материи, с помощью идей (эйдетически) оформленной. Это способствует тому, что эмпирическая реальность материи выходит из тени Бога-Творца.

В процессе обмирщения ведущую роль играли города, ставшие центрами богословия и философии, культуры и экономики. Ренессанс способствовал экспансии гуманистической традиции, разъедавшей западное христианство изнутри, что проявлялось в языческой пышности папского Рима и увядании духовной аскетической жизни католических монастырей. «Энео Сильвио Пикколомини, один из гуманистов этого века (XV в.),

писал, что “христианство – не что иное, как новое, более полное изложение учения о высшем благе древних”. Автор этого изречения стал впоследствии римским папой Пием II (1458 – 1464)» [4, с. 21].

Рациональность в христианстве имеет свой источник в трансцендентном Бытии. Выделение некоторых объектов мысли в нейтральную сферу (*интенциональность*) относительно субстанции Бога изменяло сам тип христианской рациональности. «Интенциональность поэтому является глубочайшим основанием для всего художественного. Последнее как будто бы никак не существует; с другой стороны, оно постоянно вещает нам о разных больших или малых идеях и конкретизирует их так, будто они реально существуют перед нашими глазами» [2, с. 211]. Интенциональность (*intentio*) – это нечто отличное от сущности вещи, она выражает двусмысленность вещи. Например, кровавые стигматы Франциска Ассизского (1182 – 1226), т.е. кровоизлияние и раны на теле, которые он усилием сознания и воли вызывал, стремясь подражать Христу. Фома Кемпийский (1379 – 1471) – сторонник духовного движения «Новое благочестие» написал популярную книгу «Подражание Христу» (1427), содержание которой представляло собой роман католика с Христом. Святость в католицизме приобретала двусмысленный характер. Это глубоко прочувствовал протестантизм, отвергнув как аскетический подвиг монашествующих католиков, так и само содержание католической святости. Рассудочный протестантизм создал мирскую святость и профанную сакральность.

Схоластическая философия вычленила мирское (имманентное) существование в душе человека, обособив его от сакрального (трансцендентного) Бытия. Была сформулирована нейтральная зона специфического смысла, с помощью которого опосредовалось взаимодействие мирского начала с сакральным началом. Философия номинализма сформулировала категорию интенциональности (нейтральности) существования мирского начала, которая была воплощена в категории «естественного разума» человека. Мирскому существованию человека придавался статус обособленного самостоятельного начала, которое формировало Мир как совокупность страстей вне трансцендентной сущности Творца. Схоластика, используя рационалистические методы катафатического богословия, пошла по пути арабской философии, введя категорию *существования*, отражавшую относительную самостоятельность человека от сущности Бога. «Различение сущности и существования восходит к арабской перипатетической философии. Оно было введено ал-Фараби и Авиценной с целью подчеркнуть случайность существования по отношению к сущности. У западных схоластов на это различие спроецировалось учение Боэция о *quod est* и *esse*» [5, с. 193].

Философия Возрождения стремилась сущность естественного Божьего начала транслировать на существование греховного человеческого естества. По пути этой традиции пошла западная философия, найдя свое логическое завершение в философии Гегеля (1770 – 1831). Для христианина фундамен-

тальный корень рациональности лежит в надмирности и трансцендентности Бога. Утрата искренней веры в Бога объективно вела к формированию мирской (функциональной) рациональности, восторжествовавшей в эпоху Реформации (XV в.) и Нового времени (XVII–XVIII вв.). В процессе переориентации христианских смыслов схоластическая философия использовала понятие *сверхъестественный*, содержание которого позволило выделить в жизни человека сферу *безблагодатного естества человека*. Этот термин выражал процесс формирования светской обмирщаемой экономики бюргерских городов, из которой возникла *собственно экономика* как автономное и самодостаточное существование Мира относительно сущности трансцендентного Бога.

Град земной становился сферой существования становящегося *экономического человека*, все более погружающегося в Мир как совокупность своих страстей. Августин (354 – 430) жестко противопоставлял небесный град Божий земному граду, добро злу, истину лжи. Учение Августина было насквозь пронизано пессимизмом и катастрофизмом, который жил в душах римлян Западной Римской империи IV – V вв. Однако мироощущение людей в XIII в. стало совершенно иным. Фома Аквинский ввел между градом Божьим и градом земным третий промежуточный элемент (*natura*, т.е. Мир) – некую нейтральную зону смысла, схожую с интенциональностью номиналистов. В соответствии с этим нейтральным понятием категории добра и зла, красоты и безобразия, истины и лжи были подвергнуты фундаментальным изменениям. Фома Аквинский вывел град земной из его погруженности в ад, скорректировав учение Августина, для чего использовал категорию нейтральности существования, которую вычленила западная культура.

Фома ввел термин *сверхъестественное Божие начало*, изменив трактовку категории Августина *естественное Божие начало*. Он наполнил категорию «естественное» нейтральным смыслом, введя в нее греховное содержание естества человека. Возникла зона безблагодатной человеческой интенциональности, которая позволила сдвигать смыслы добра и зла в нейтральную зону. В том же смысловом поле мыслили и его оппоненты (номиналисты). Фома Аквинский писал: «... совершенство Вселенной требует, чтобы были и некоторые вещи, которые могут отступить от своей благости; потому они и в самом деле время от времени делают это. В этом и состоит сущность зла, т.е. в том, чтобы вещь отступала от блага. Отсюда явствует, что в вещах обнаруживается зло, как и порча, ибо и порча есть некоторое зло (Сумма теологии, I, q. 48, 2c)» [6, с. 840]. Совершенство Вселенной требует зла. Двусмысленная амбивалентность католицизма проявилась в диалектике взаимоотношений земного и небесного града, где, как и в языческом божестве, с необходимостью находится источник зла. А. Ф. Лосев пишет: «Наконец, свое замечательное учение о форме Бонавентура (1221 – 1274) доводит до прямого оправдания зла, но, конечно, только с художественной точки зрения. По своей субстанции зло все равно есть зло, как бы мы его не изображали. Однако художественное изображение

зла весьма полезно в том отношении, что оно оттеняет и углубляет красоту добра» [2, с. 165]. Далее А. Ф. Лосев добавляет: «... поскольку само зло, взятое не в своей субстанции, но в своем изображении (будучи “хорошо распределенным”), тоже прекрасно» [2, с. 166].

В православной традиции *естественное начало* имеет источник в Божием трансцендентном естестве. Фома Аквинский изменил содержание категории «естественное» и стал относить ее к автономной природе человека, его *естественному разуму*, который даровал Бог *естественному человеку*. Именно в этой сфере человеческого естества возникает нейтральная зона мирской свободы, имеющей автономию от Бога. В этой точке перегиба смысла западного богословия зачинаются гены *экономики как таковой*. Обмирщенность града земного, обособленного от града Божиего, четкое противопоставление категорий добра и зла, истины и лжи в учении Августина зрелая схоластика пересмотрела, используя категорию *интенциональность*. Она отошла от учения Августина, сформулировав учение о *естественной природе человека*. Фома Аквинский утверждает, что благодать Бога не разрушает природу, а предполагает природу, т.е. дает естественный разум человеку, открывая ему невиданные доселе возможности. Формально следуя традиции Августина, Фома переосмысливает его учение, в частности, содержание фундаментальных категорий добра и зла, свободы и предопределения, смягчая действие неисповедимой воли Бога в пользу вызревшего естественного разума человека. В XVI в. трактовка материи в философии отходит от отождествления ее с ничто (полной лишенности смысла), приближаясь к категории физической реальности, имеющей эмпирически определенные свойства факта.

Августин считал, что благодать – это чистый дар Бога. Собственными усилиями человек не может стяжать ее, так как он низко пал во зло в своей эгоистичной природе. В основе падения человека лежит родовый грех первых людей. Исправление природы человека невозможно, ее раздвоенность на зло и добро преодолеть может лишь Бог своей неисповедимой волей, восстановив целостность человека. Фома Аквинский также учит, что благодать – это чистый дар Бога, однако он по-новаторски выделил сферу естества (*natura*), где человек автономен от Божией благодати и может познавать автономно от Бога, создавая продукты своего интеллекта. Оба мыслителя исходили из тварности благодати Бога, на которой католицизм строил свое богословское учение, что помогало перетолковывать смыслы в пользу языческой двусмысленности. Номиналисты также учили об обмирщенном существовании человека, доказывая, что естественный разум человека не способен познавать сущность Бога, однако может познавать эмпирический мир твари. Не отказываясь от учения Августина о предопределении, схоластическая традиция богословия углубила дуализм между неисповедимой волей Творца и естественным разумом человека. Фома Аквинский и Иоанн Дунс Скот (1266 – 1308) учили о единой природе человеческого естества, автономной от тварной благодати Бога.

2. Номинализм и мистицизм

Уильям Оккам (1285 – 1349) наносит сильный удар по интеллектуализму. «Но если Скот, как и большинство его предшественников, начиная с Августина, допускал прямое и реальное соответствие между человеческими представлениями и метафизическими сущностями, то Оккам напрочь отрицал такое соответствие. Реальны лишь конкретные, индивидуальные существа, а общие классы (Скот), умопостигаемые виды (Аквинат и Аристотель) или трансцендентные Формы (Платон) все это только концептуальные измышления, порожденные той самой первичной реальностью. Для Оккама “универсалия” была понятием, обозначающим какую-либо представительную сторону реальной, конкретной индивидуальной сущности, но сама по себе не являлась метафизической сущностью. Отдельный, независимый порядок реальности, “населенной” универсалиями или Формами, отвергался однозначно. Таким образом, Оккам приблизился к тому, чтобы окончательно изгнать всякие следы платоновских Форм из схоластической мысли: существует лишь единичное, любые же заключения относительно реальности универсалий – будь она трансцендентна или даже имманентна – ложны» [7, с. 171].

Радикальный номинализм и мистицизм XIII – XV вв. строились на интуиции (непосредственное постижение, недискурсивность, мгновенное узрение), только первые исходили из чувственной интуиции, а вторые – из мистической. Обе школы стали предвестниками Реформации (XVI в.), подготовив ее торжество. Средневековые номиналисты, борясь с реализмом и концептуализмом вместе с немецкими мистиками (Мейстер Эккхарт, 1260 – 1327; Иоганн Рейсбрук, 1293 – 1381; Иоганн Таулер, 1290 – 1361; Генрих Сузо, 1300 – 1365) настойчиво искали внутренние критерии оценки человеком идеальных конструкций в его автономном самосознании, углубляя понятие *интенциональность* (нейтральность смыслов). Немецкие мистики, стремясь отрешиться от внешнего мира эмпирической множественности, в основе которого лежит становление, искали выход в уходе в безмолвие и нерасчлененность священного мрака Божества. Они скользили в душевные глубины личности, пребывание в которой открывало им полноту религиозного переживания, что вело к слиянию с Божеством. Мистики открыли в своей душе опыт Божества как единства «Бог и Я», что снимало границу между трансцендентным Бытием и имманентным существованием человека. Мистицизм сформировался на субъективном опыте погружения в безбрежную языческую стихию своей души, прошедшей христианскую персонификацию, что радикально изменяло образ Бога-Троицы. Протестантизм многое наследовал из мистицизма и номинализма, создавая свою концепцию Бога, окрашенную субъективными переживаниями.

В XIII – XIV вв. Д. Скотт и У. Оккам разрабатывали теорию естественного (позитивного) разума, с помощью которого они исследовали реальность индивидуальных объектов сотворенного мира волей Божией, которая

неисповедимо действует на тварный мир и *безвозмездно* ниспосылает кающемуся христианину спасение, озаряя Мир светом божественного Откровения. Эти положения легли в основу протестантизма. «Но там, где Аквинат отводил место рациональному познанию, приближающемуся к божественному таинству и способствовавшему большему теологическому пониманию, Оккам усматривал необходимость установить некий абсолютный предел» [7, с.173].

Номиналисты Д. Скотт и У. Оккам исходили из интуиции, которая позволяла схватывать в сознании природу индивидуальных объектов. В представлении человека сформировалась категория нейтральности смысла (интенциональность), которая позволяла абстрагироваться от духовной реальности. Осмысление природы индивидуальных объектов позволяло вытеснить из номиналистического сознания умопостигаемые универсалии. Д. Скотт и У. Оккам считали, что метафизические общие понятия реализма не могли быть созданы естественным разумом человека, который по природе своей ограничен, а потому не способен к интеллигибельному познанию Бога. Они категорически утверждали: «Не существует обязательной связи между свободно сотворенной Вселенной и человеческим желанием наделить мир рациональной умопостигаемостью. ... Между эмпирическим и божественным не существует умопостигаемой для человека непрерывной связи» [7, с.173–174].

Номинализм Оккама заложил основы для формирования в XVII в. эмпирической философии, которая стала методологией позитивной науки Нового времени: «Хотя интересы Оккама лежали в области скорее философии, нежели естественных наук, его отрицание заданных соответствий между человеческими представлениями и метафизической реальностью и его утверждение, гласившее, что всякое подлинное существование есть существование индивидуальное, позволили подойти к изучению физического мира с новыми мерками» [7, с.175]. У. Оккам свел дух человека к естественному (позитивному) разуму, который определил как совокупность рассудочных представлений человека об индивидуальных предметах мира. Интеллигибельной связи между умопостигаемыми метафизическими сущностями, созданными естественным разумом человека, который для формирования метафизических понятий обладает ограниченными возможностями, и сущностью Бога не существует.

Находясь в рамках зрелой схоластической традиции, номиналисты закладывали основы для происшедшей в XVII – XVIII вв. научной революции Нового времени. «Преемник же Буридана Орем, в свой черед, представлял себе Вселенную, похожую на гигантские механические часы, которые Бог соорудил и завел, а потом так и оставил» [7, с. 424]. В XII – XIII вв. на Западе стали появляться изображения Христа с циркулем в руках, измеряющего небесные сферы. Художественные изображения можно видеть на романской фреске католического костела Св. Климента де Тахулл

в Каталонии (1123) и в старинной миниатюре, помещенной в Библии (1220 – 1230). Это свидетельствует о появлении в католицизме фундаментальной интуиции, которая в полной мере вызрела в протестантизме, приведя его к идее профанной сакральности. «В XIV веке Буриданом и Оремом были заложены основы для планетарной теории Земли, закона инерции, понятия ускорения, закона о движении с равномерным ускорением для свободно падающих тел, аналитической геометрии, устранения разграничений между земной и небесной механикой, а также теории о механистической вселенной, запущенной Богом-часовщиком» [7, с. 425].

3. Символ веры *Filioque* и учение о сатисфакции

Согласно суждению Фомы Аквинского, в автономной сфере естества (*natura*) непосредственного вмешательства Бога в мир, как правило, не происходит, так как там действуют рациональные субстанциальные формы, имеющие автономную природу относительно воли Творца. Приведем два примера. Бог не осуществляет акт творения всякий раз, чтобы творить яблоки, так как субстанциальная форма яблони с этим справляется самостоятельно без Бога. Для того, чтобы человек решал математические задачи, не обязательно постоянное вмешательство благодати Божией в этот процесс. Последовательное развитие этих идей привело к деизму XVII – XVIII вв., где Бог волевым образом энергично не вмешивается в свое творение после того как дал миру первоначальный толчок, создав его. Из субстанциальных форм как зернышка рационализма зрелой схоластики (XIII – XIV вв.) возник деизм (XVII – XVIII вв.). Каждый человек получает естественный разум в качестве дара Бога и самостоятельно его использует в своей мирской жизни. Ментальным продуктом поздней схоластики стала идея условно благодатного Мира, сотворенного тварной благодатью Бога. Три столетия внутриутробной эволюции условно благодатного Мира (*natura*) привели к возникновению обмирщенного Мира Нового времени, лишённого Божией благодати. Обмирщаясь, естественный разум западного мирского человека утрачивал христианскую веру, однако вместе с тем воплощал свою творческую энергию в процессе динамичного развития городов, техники и естественных наук в XVI – XVIII веках.

Латинские богословы Тертуллиан (160 – 220) и Августин заложили в сердцевину западной традиции представление о спасении души как юридическом оправдании грехов человека в обмен на их заслуги перед Богом. Их идеи отлил в зрелую завершённую формулу Ансельм Кентерберийский (1033 – 1109). Он создал целостное учение о *сатисфакции* (*удовлетворении*), согласно которому Бог на определенных условиях примиряется с грехами человека. В учении о дарах искупительной жертвы Христа Ансельм вводит положения, ослабляющие августиновский дуализм и пессимизм. Он исходит из того, что верующий своими грехами наносит оскорбление Правде Божией. Поэтому человек должен умилоствовать Бога своими пра-

ведными действиями, под которыми понимаются добрые дела как умиловительные жертвы, с помощью которых человек приносит удовлетворение (*satisfactio*) Правде Божией за свои грехи. Для того чтобы получить от Бога духовные блага блаженной жизни, католик должен совершить для Бога добрые дела, приобретая *заслуги (merita)*. В случае принесения человеком умиловительных жертв за совершенные грехи и при их принятии Богом они засчитываются человеку в качестве заслуг и становятся компенсацией за его личные грехи. Ансельм утверждает, что дары искупительной жертвы Христа низводят тварную благодать, которая сначала оправдывает, а затем создает в душе человека определенное состояние (*habitus*), в котором сделанные добрые дела грешника приобретают характер заслуг перед Богом. Через действие Божией благодати грешнику прощаются злые помыслы и поступки, он заслуживает прощение у Бога и причащается святых Христовых тайн. Католицизм учит о выкупе грехов у Бога-Судьи через добрые дела и заслуги человека, который склоняет Его к прощению, принимая дары и подношения. Между человеком и Богом существуют своеобразные юридические договорные отношения, которые воспроизводятся в режиме компенсации грехов людей компенсационными добрыми делами и заслугами.

Латинская церковь наследовала языческую традицию умиловления античных богов, что привело к потере трансцендентным Богом самотождественности и бесстрастности. Учение Ансельма о сатисфакции является непосредственным следствием католического символа веры *Filioque*, дополняя это учение трактовкой Творца как антропоморфной Личности, изменяющейся и теряющей качества Абсолюта. Это привело к практике продажи индульгенций, которая взорвала Запад в XVI в., вызвав огонь Реформации. Символ веры *Filioque* нашел свое детальное выражение в учении Ансельма о сатисфакции, что свидетельствовало о том, что *Бог меняет свое отношение к человеку*, становясь милостивым к грешнику, прощает ему грехи и нанесенное оскорбление. Это означает примирение справедливого Бога-Судьи с человеком, милостиво выносящего вердикт грешнику на заданных Им условиях обмена грехов на дары Богу.

Натуралистическая языческая интуиция посредством юридического мышления латинян вошла в плоть и кровь католицизма, вырабатывая у верующих, которые покупали индульгенции, утилитарное отношение к сакральным вещам. Монах Иоанн Тецель (1460 – 1519), продающий индульгенции, взывал к католикам: «Когда ваша монетка, уплаченная за индульгенцию, упадет на дно моей кружки, ваша душа спасется и, минуя чистилище, попадет прямо в рай». Католицизм редуцирует духовные отношения между человеком и Богом к процедуре юридического договора, который скрепляет их, делая легитимными отношения обмена благами между Богом и человеком. К слову говоря, грешник, вступающий в контакт с дьяволом, также заключает с ним договор, приносит клятву при получении благ, скрепляя ее своей кровью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зеньковский, В. В.* Основы христианской философии : в 2 т. / В. В. Зеньковский. – Л. : Изд-во Свято-Владимирского братства, 1992. – 270 с.
2. *Лосев, А. Ф.* Эстетика Возрождения / А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1978. – 623 с.
3. *Шоно, П.* Цивилизация классической Европы / П. Шоно. – Екатеринбург : У-Фактория, 2005. – 608 с.
4. *Соколов, В. В.* Европейская философия XV – XVII веков: учеб. пособие для филос. ф-тов ун-тов / В. В. Соколов. – М. : Высш. шк., 1984. – 448 с.
5. *Гайденко, В. П.* Западноевропейская наука в средние века: Общие принципы и учение о движении / В. П. Гайденко, Г. А. Смирнов. – М. : Наука, 1989. – 352с.
6. Антология мировой философии: в 4 т. / ред. кол.: В. В. Соколов (ред.-сост. 1-го т. и авт. вступ. ст.) [и др.]. – М. : Мысль, 1969. – Т. 1., ч. 2. Философия древности и средневековья. – 936 с.
7. *Тарнас, Р.* История западного мышления / Р. Тарнас. – М. : КРОН-ПРЕСС, 1995. – 448 с.

Поступила в редакцию 12.04.2021

ЭКОНОМИКА**А. В. Афанасенко****АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЕКЛАМЫ
В МЕЖДУНАРОДНОМ МАРКЕТИНГЕ**

В статье рассмотрены концептуальные основы определения международной рекламы как важнейшего элемента не только маркетинговых коммуникаций, но и всей маркетинговой системы в целом. Проведен анализ эволюции теоретических подходов к определению международной рекламы, исследованы основные тенденции развития международной рекламы в форме стандартизации и адаптации маркетинговых инструментов в целом и рекламы в частности.

Несмотря на существование различных концепций, можно констатировать, что в настоящее время теоретические вопросы международной рекламы проработаны слабо. Более того, еще не найден исчерпывающий ответ на вопрос о том, в чем заключаются специфические особенности международной рекламы по сравнению с рекламой на внутренних рынках.

Известно, что понятие «международные маркетинговые коммуникации» связано с коммуникативной деятельностью международной компании на зарубежных рынках, целью которой является сделать экспортный продукт известным и привлекательным для зарубежного потребителя.

Что касается основных средств международных маркетинговых коммуникаций, то они по своей сути не отличаются от средств коммуникаций на внутреннем рынке и состоят из пяти основных элементов:

- международная реклама (international advertising);
- стимулирование сбыта на внешнем рынке (sales promotion);
- связи с общественностью (public relations);
- личные продажи (personal selling);
- прямой маркетинг (direct marketing).

Эти пять основных средств образуют комплекс, называемый коммуникационной смесью (communication mix). Элементы основных коммуникационных инструментов присутствуют в структуре таких специфических средств и приемов, как участие в выставках и ярмарках, организация презентаций, заключение спонсорских договоров, формирование фирменного стиля. Однако наиболее важным элементом международных маркетинговых коммуникаций, как нам представляется, необходимо считать международную рекламу.

В концепции международного маркетинга именно реклама выступает важнейшим инструментом проникновения иностранных производителей на мировые рынки. Чтобы сделать маркетинговые мероприятия более эффективными, необходимо использовать в целях «управления процессом движения

товара на всех этапах перед продажей, в момент продажи, во время потребления и после потребления» маркетинговые коммуникации [1]. Мы считаем, что тем самым подчеркивается та особая роль, которая отводится рекламе в системе маркетинга современной компании на внутреннем рынке.

В опубликованной литературе чаще всего даются определения международной рекламы как формы коммуникации, которая способствует продвижению товаров на внешние рынки. Анализ эволюции основных подходов к определению международной рекламы свидетельствует, что многие существующие дефиниции зарубежных и отечественных маркетологов рассматривают международную рекламу как тактический инструмент продвижения продукции на зарубежные рынки и связывают ее с процессом сближения народов, улучшения их взаимопонимания, ориентации на общечеловеческие ценности.

Следует иметь в виду, что для выявления особенностей международной рекламы требуется глубокое понимание социально-экономических и национально-культурных условий, сложившихся в конкретной стране, с которой будет связана рекламная деятельность международной компании.

В каждой стране существуют национальные особенности в области восприятия рекламы, а также различия в моделях потребительского поведения. Могут иметь место существенные различия в законодательных методах регулирования рекламной практики, существующих запретах и ограничениях.

Таким образом, основные особенности международной рекламы связаны с необходимостью всестороннего изучения «культурного фактора» в сравнительном контексте, анализом и оценкой рыночных возможностей и ограничений, которые несет в себе феномен культуры практически в любой сфере деятельности компании за рубежом.

По нашему мнению, базируясь в целом на фундаментальных принципах классической рекламной деятельности, предполагая следование ее методам и процедурам, международная реклама в то же время основывается на учете возможностей получения фирмой конкурентных преимуществ. В целом интернационализация деятельности компании неизбежно приводит к изменению, усложнению, диверсификации функций и методов рекламной деятельности, используемых компанией в собственной стране.

Эти изменения, в свою очередь, приводят к трансформации рекламной стратегии, превращению ее в качественно новый инструмент деятельности компании при выходе на зарубежный рынок. Иными словами, особенности международной рекламы связаны с переносом общих принципов рекламной деятельности с национального рынка на международное экономическое пространство.

Это ключевой элемент не только в понимании природы и специфики собственно международной рекламы, но и характера рекламного взаимодействия транснациональной компании с зарубежными потребителями, происходящего в рамках конкретной стратегии завоевания и удержания конкурентных позиций на целевом внешнем рынке.

Исходя из этого, предлагается определение международной рекламы как вида маркетинговой деятельности компании или произведенную в ее результате продукцию, целью которых является распространение информации об экспортном товаре, сформированной таким образом, чтобы оказывать усиленное воздействие на массовое или индивидуальное сознание, вызывая заданную реакцию целевой аудитории зарубежных покупателей. Причем если товар в комплексе международного маркетинга является наиболее стандартизованным, то реклама – наиболее адаптированным его инструментом.

Однако реклама сама по себе, без тесной взаимосвязи с другими элементами комплекса международного маркетинга, является малоэффективной и, более того, может привести к негативным результатам.

Практика международной маркетинговой деятельности свидетельствует о том, что реклама приобретает максимальную эффективность, лишь становясь органической частью интегрированных маркетинговых коммуникаций компании. При использовании концепции маркетинга система маркетинговых коммуникаций в комплексе с остальными элементами комплекса маркетинга направленно воздействует на четко обозначенный рынок или конкретную его часть (сегмент рынка). Это позволяет, во-первых, более точно выявить специфические потребности данного национального рынка; во-вторых, создать инструментарий для более эффективного их удовлетворения.

Отличительным признаком современной международной рекламы является не простое формирование спроса, а управление спросом внутри целевой группы иностранных покупателей. На смену изучению запросов странового рынка пришло исследование предпочтений, покупательских мотивов, характера использования доходов зарубежных потребителей.

Основной целью рекламы на внешних рынках является всемерное содействие возобновлению ранее заключенных и поиску новых контрактов на поставку экспортной продукции.

Для этого используются самые разные средства:

- 1) оферты производителей, направляемые в адрес покупателя;
- 2) прямые пробные продажи товаров;
- 3) демонстрации товаров на международных выставках и ярмарках;
- 4) печатная рекламная продукция;
- 5) торговые или производственные справочники;
- 6) реклама в СМИ;
- 7) наружная реклама в виде рекламных щитов, бегущей строки;
- 8) реклама на транспорте;
- 9) интернет-реклама.

Менеджер международной компании по рекламе должен также рассмотреть многочисленные возможности, предоставляемые различными мероприятиями по продвижению экспортных товаров:

- 1) раздача сувениров в виде записных книжек, авторучек, брелков, зажималок, календарей;
- 2) фирменных пакетов, товаров с фирменной символикой;
- 3) благотворительные акции;

4) спонсорство, оказание материальной поддержки при организации научных съездов, конференций и симпозиумов и т.д.

В ряде случаев экспортер может воспользоваться такими средствами информации, которые могут быть применены в другой стране. Например, телевизионные программы, транслируемые на севере США, могут также просматриваться и в Канаде.

Непрерывно растущая глобализация рыночной деятельности является одним из важнейших факторов, обуславливающих всестороннее развитие интегрированных маркетинговых коммуникаций. Ситуации, когда компаниям приходится управлять сотнями своих подразделений в десятках стран, ставят перед менеджментом задачу: как добиться оптимального хода процесса формирования имиджа фирмы и распространения ее маркетинговых обращений. Для этого в области рекламы активно развиваются такие направления, как *стандартизация* и *адаптация* рекламных сообщений, которые непосредственно вытекают из одноименных стратегий компаний на международных и глобальных рынках.

Стратегия стандартизации предполагает вывод на рынок стандартного брэнда, который принадлежит международной компании и уже существует на рынках других стран мира, практически без каких-либо изменений. Компании, придерживающиеся стратегии стандартизации, как правило, стремятся выводить один и тот же брэнд на всех рынках своей экспансии. На некоторых рынках брэнд полностью соответствует культуре и традициям, на других компании приходится проводить массированные рекламные кампании с тем, чтобы приучить потребителя к новому продукту [2]. Этот процесс может занять немало времени и потребовать от фирмы значительных усилий. Например, корпорации Mars потребовалось почти целое десятилетие, чтобы приучить британских потребителей к шоколадному батончику «Mars», вернее, не просто к батончику как таковому, а к тому, чтобы он ни много ни мало вошел в еженедельный рацион британцев! В целом, стратегия стандартизации требует от международных компаний больших расходов на рекламу.

Стратегия адаптации является прямо противоположной стратегией. Она предполагает, что компания максимально приспособливает свои брэнды к условиям местного рынка и в соответствии с его спецификой. Компания может адаптировать товарную стратегию, т.е. изменить качественные характеристики продукта и упаковку таким образом, что один и тот же брэнд на разных мировых рынках заметно различается. Также компания может внести существенные изменения в коммуникативную стратегию брэнда на определенном рынке. Таким образом, благодаря своему соответствию вкусам и культурным особенностям потребителя адаптированный брэнд находит большой спрос на национальных рынках.

Как показывают проведенные исследования, в настоящее время большинство крупных международных компаний, как правило, придерживаются стратегии стандартизации, в том числе и на российском рынке. В отношении коммуникативной стратегии это выражается в следующем. Продукция ино-

странных компаний выводится на российский рынок под той же товарной маркой, что и во всем мире. Кроме того, для российского рынка переводятся существующие мировые рекламные ролики и лозунги (примеры: Nike (Just do it), Sony (It's a Sony) Coca Cola (Всегда Coca Cola) и т.д.). Это может быть точно такая же рекламная кампания, которая проводится для брэнда в это время и на остальных мировых рынках (например, рекламная кампания Adidas, прошедшая весной-летом 2002 года, в ТВ-роликах которой снялись всемирно известные спортсмены Дэвид Бекхэм и Анна Курникова), или же иностранная компания может применять так называемую стратегию творческого выбора, когда из ряда уже разработанных мировых рекламных кампаний выбирается та, которая наилучшим образом подходит для российского рынка.

Стратегия стандартизации является наиболее эффективной для определенных товарных категорий, а именно для имиджевой и высокотехнологичной продукции, где авторитет западных брэндов крайне высок. Однако для многих товарных категорий, в частности для продуктов питания, косметических средств и т.п., где российский потребитель имеет специфические вкусы и требования, многие международные компании отмечают необходимость определенной адаптации своих брэндов к российскому рынку. Тенденция к адаптации особенно явно проявилась в послекризисных условиях. Вследствие кризиса покупательная способность населения резко снизилась, и многие люди перешли на отечественную продукцию, более доступную по цене. Чтобы удержать российского потребителя, иностранные компании стали искать способы сделать свою продукцию более доступной и психологически «близкой» россиянам. Это выразилось прежде всего в поиске путей снижения цены продукции посредством удешевления ее себестоимости за счет перехода на местное сырье.

Определенных изменений потребовала и коммуникативная стратегия, как способ воздействия на потребителя. Правильный выбор коммуникативной стратегии стал особенно важным в силу того, что после кризиса потребитель стал менее подвержен влиянию рекламы, а рекламные бюджеты международных компаний из-за снижения оборота значительно сократились.

Для того, чтобы сделать удачную рекламу западному брэнду в России, как отмечают специалисты, надо снимать ее в «русском стиле», а именно преподносить западные брэнды так, как они используются российским потребителем, применять русский юмор, делать рекламные ролики сентиментальными, показывать реальных людей, а не русских «западного типа». Реклама ни в коем случае не должна оскорблять национальную культуру. В качестве примера можно привести рекламную кампанию шоколада марки «Россия», принадлежащей швейцарской компании Nestle.

В целом на российском рынке наметилась тенденция к применению стратегии адаптации в коммуникативных стратегиях международных компаний. Однако такая «русификация» иностранных брэндов не всегда обязательна и каждый случай должен быть рассмотрен индивидуально. Идея полной

русификации западных брэндов отвергается потребителем, особенно, когда речь идет о сильных международных марках, таких как Coca Cola, Marlboro, Nescafe, которые уже и так стали «частью жизни» для многих людей. Русскому зрителю также нравятся и полностью иностранные ролики, если они не противоречат местной морали и ценностям. Так, традиционно высокие оценки на российском рынке получают ТВ-ролики американской фирмы Nike, в которых снимаются суперзвезды мирового спорта.

Стандартизация рекламы преследует, как правило, следующие цели:

- 1) создание международного имиджа товара или услуги;
- 2) профилактика смещения сообщений в случае наложения СМИ и передвижения покупателей из одной страны в другую;
- 3) сокращение расходов на разработку и производство рекламы;
- 4) ускорение синхронного старта рекламной кампании на разных национальных рынках.

Использование стандартных рекламных сообщений будет эффективным только тогда, когда будут соблюдаться следующие условия:

- 1) потребители, населяющие различные рынки, обладают универсальными потребностями;
- 2) привычки потребителей к рекламируемым товарам или услугам являются весьма распространенными;
- 3) рекламируемый товар должен обладать одинаковым позиционированием. Также потребители на разных рынках должны одинаково воспринимать конкурентные преимущества товара или услуги.

Говоря о стандартизации рекламы, необходимо упомянуть о причинах, затрудняющих размещение одного набора рекламных материалов на всех интересующих компанию рынках. Перечислим причины.

1. Нужно использовать в рекламе лишь те персонажи или символы, которые имеют необходимое значение в той или иной стране. Например, в рекламной кампании «Команда Пепси» компания Pepsi использует множество известных футболистов, играющих в десятках стран мира. На каждом национальном рынке компания выбирает ТВ-ролики с участием только тех спортсменов, которые играют в данной стране.

2. Необходимо добиться правильного перевода рекламных сообщений на национальные языки.

Тем не менее стандартная реклама все же существует – в тех случаях, когда товары и услуги удовлетворяют универсальные потребности (в питании, одежде и т.д.) и чрезвычайно распространенные привычки (курение, употребление спиртного и т.д.). Здесь средства массовой информации (телевидение, кино, пресса и т.д.), следуя одним и тем же моделям (особенно американским) привели к однообразию спроса на ряд товаров.

Однако это не означает, что можно одним и тем же путем привлечь потребителя к тому или иному товару. Причина в том, что различные рынки и рыночные сегменты имеют различные ожидания, которые они по-разному

проявляют, а также различную мотивацию. Кроме того, различные сегменты воспринимают все сообразно своей культуре, социально-экономическому статусу и т.п. Отсюда вытекает необходимость осуществления противоположного процесса – адаптации рекламы.

Существует достаточное количество причин, в той или иной степени объективных, по которым компании вынуждены адаптировать свои рекламные сообщения к специфическим условиям национальных рынков. Среди этих причин необходимо отметить следующие.

1. Законодательные особенности и ограничения. Можно привести множество примеров относящихся к рекламе запретов, которые существуют в национальных законодательствах.

2. Запрет на рекламу табачных изделий. 2 декабря 2002 года Евросоюз принял закон, запрещающий рекламу табака в радиорекламе и Интернете. Закон вступил в силу в 2005 году.

3. Запрет на сравнительную рекламу (существует в Великобритании, Германии, Франции, Швеции, Италии).

4. Запрет на показ детей за едой (существует в Италии). Запрет на показ детей в опасных ситуациях (Швеция). Во Франции на подобную рекламу требуется разрешение властей.

5. Запрет на рекламу спиртных напитков (Швейцария) или запрет на их рекламу на ТВ (Голландия, Италия, Финляндия, Германия). В Англии ТВ-ролика, рекламирующим алкоголь, отведено определенное время, а в Швеции за содержанием таких роликов установлен строгий контроль.

Также в ряде стран Европы существуют ограничения, касающиеся продолжительности ТВ-ролика (Австрия не более 30 с); времени показа (Германия – с 18 до 20 часов, кроме субботы; Швейцария, Италия – не более двух показов одного ролика в неделю).

Экономический аспект адаптации связан с особенностями и уровнем экономического развития общества. Здесь играют роль такие факторы, как:

- покупательная способность населения;
- особенности налогообложения;
- сила конкурентов и т.п.

Например, во Франции автомобиль Ford Fiesta позиционировался как альтернатива Renault 4, в Испании – как первый производимый в стране автомобиль Ford, в Италии – как конкурент Fiat 127, а в Германии – как второй автомобиль для семьи.

Для оценки эффективности рекламной компании в странах с различной культурой может быть использована модель Хофстеде, в которой на основе сравнительного анализа культур выделены пять основных измерений культуры.

Дистанция власти. Дистанция власти определяется степенью, в какой люди, наделенные меньшей властью, принимают факт неравномерного распределения власти. Это означает, что в обществах с высокой степенью дистанции

власти иерархия считается нормальным явлением, каждый из членов общества занимает определенное положение в обществе, семье и в профессиональной деятельности [3]. Для иллюстрации среди стран, имеющих низкие показатели в данной категории, могут быть названы Англия и США, а также скандинавские страны. Это государства, в которых служебная иерархия и непогрешимый авторитет старших по возрасту проявляются гораздо реже, чем в Японии, имеющей высокий показатель в данной категории. Даже на уровне семьи при принятии решений о крупных покупках, таких как автомашина, дом и т.п., англичанка обычно имеет такое же право голоса, как и мужчина, тогда как в японской семье последнее слово всегда остается за мужчиной.

Индивидуализм, противостоящий коллективизму. Индивидуализм по Хофстеде отражен в культурах, где люди заботятся только о себе и ближайших членах своей семьи, что является противоположностью людям, принадлежащим к другим членам группы или групп, представители которых заботятся о членах своей семьи в обмен на их верность. Представители культуры с высоким показателем индивидуализма полагаются на свои личные качества, отдают предпочтение определенным задачам, местоимение «Я» играет огромное значение в их жизни. В культурах с доминированием коллективизма большое значение имеют отношения с окружающими, представители данных культур чаще мыслят в категории местоимения «Мы».

В качестве примера отражения в рекламе данной категории могут служить американские постеры и рекламные ролики («культура индивидуалистов»), которые по своему характеру существенно отличаются от итальянских или латиноамериканских, обращенных к представителям общества с высокими показателями коллективизма. В сюжетах американской рекламной продукции главный герой может быть единственным персонажем; такова, например, реклама продукции AT&T, где изображен бизнесмен, отправляющийся в деловую поездку, и ниже дана аннотация возможностей AT&T по предоставлению услуг международной связи. Американский потребитель будет рассматривать данного человека как сильную личность, способную принимать самостоятельные решения, чьи деловые способности оценивает компания, посылая его за рубеж. Однако подобный сюжет вряд ли имел большой успех в латиноамериканских странах, где герой-одиночка был бы расценен как неудачник, не сумевший снискать уважение окружающих. Например, при рекламе достоинств той или иной марки автомашины в Италии герой скорее всего будет находиться в салоне не один, а с красивой девушкой, разделяющей с ним удовольствие от вождения красивой и удобной машины, они будут проезжать по улицам, где их будут узнавать соседи и знакомые, выражающие восхищение успехами молодого человека [4].

Мужское начало, противостоящее женскому началу. Доминирующими ценностями в обществе с высоким показателем мужского начала являются достижения и успех, доминирующими ценностями в обществе с высоким показателем женского начала – забота о ближних и качество жизни. В куль-

турах с высоким показателем мужского начала особое значение приобретают профессиональные достижения, которые отражают общественный статус личности. Роль полов здесь строго определена. В культуре с преобладанием женского начала качество жизни важнее статуса и люди здесь часто демонстрируют симпатию по отношению к неудачнику. В обществах с преобладанием женских ценностей люди не придают большого значения одежде. Например, по тому, как одеты большинство скандинавов любого возраста вне рабочего дня, очень трудно определить их социальный статус. Во Франции или Бельгии люди среднего возраста одеты гораздо более элегантно, по манере одеваться посторонний может легко определить общественное положение данного человека (высокий показатель мужского начала).

В странах с высокими показателями мужских ценностей, таких как Германия, в рекламе моющих средств вы вряд ли увидите мужчину, чувствующего себя комфортно на кухне. Даже если мужчина становится главным персонажем рекламы моющих средств в этой стране, он ведет себя скорее как «слон в посудной лавке», пока на помощь ему не приходит женщина. В Голландии, стране с феминистической культурой, в рекламе моющих средств и товаров по уходу за ребенком мужчины участвуют наравне с женщинами, их действия естественны и они не являются предметом насмешек для других. Обязанности по ведению домашнего хозяйства в обществах с такой культурой распределены между мужчинами и женщинами более равномерно.

Избежание неопределенности: это степень, в какой люди чувствуют неуверенность и неопределенность и пытаются избежать таких ситуаций. Представители культур с высокой степенью избежания неопределенности чувствуют необходимость во введении большого количества правил и формальностей для организации своей жизни. Обычно люди в таких странах часто испытывают чувство тревоги и показывают свои эмоции. Они верят экспертам во всех областях жизни, избегают конфликтов и конкуренции. Среди западных стран Греция и Португалия имеют самые высокие показатели в данной категории, страны Восточной Европы также являются лидерами в данной категории. В Венгрии при проведении рекламных кампаний сотрудникам страховых фирм не рекомендовалось начинать разговор с потенциальным клиентом, расписывая негативные последствия несчастных случаев. Не желая испытывать чувство тревоги, люди часто вешали телефонные трубки, таким образом компания теряла потенциальных покупателей.

В обществах с низкими показателями в категории избежания неопределенности правила и законы сокращены для необходимого минимума. Люди не избегают конкуренции и открытого разрешения конфликтов. Примерами таких культур могут служить англосаксонская, представленная Англией и Америкой, а также культуры скандинавских стран [5].

Долгосрочная ориентация определяется как степень, в которой общество нацелено на прагматичную перспективу ориентации на будущее, нежели на

традиционную историческую или краткосрочную оценку. В культурах с долгосрочной ориентацией люди сориентированы в направлении достижения душевного спокойствия, единения с природой в их духовной эволюции. Одним из проявлений долгосрочной ориентации является уважение к традициям.

Среди культур с долгосрочной ориентацией могут быть названы азиатские страны, в первую очередь представленные значительной китайской популяцией. В противоположность долгосрочной ориентации, представители культур с краткосрочной ориентацией нацелены на достижение счастья, стабильности и уверенности в себе. Англосаксонские страны представлены среди культур, которые имеют низкие показатели в данной категории.

Среди всех элементов международных маркетинговых коммуникаций и системы международного маркетинга компании выделяют международную рекламу, которая выступает важнейшим инструментом проникновения иностранных производителей на мировые рынки. Она имеет огромное значение для процесса мировой интеграции, способствуя сближению народов, улучшая взаимопонимание, ориентируя на общечеловеческие ценности.

Практика международной маркетинговой деятельности свидетельствует о том, что реклама приобретает максимальную эффективность, лишь становясь органической частью интегрированных маркетинговых коммуникаций. Отличительным признаком современной международной рекламы является не простое формирование спроса, а управление спросом внутри целевой группы иностранных покупателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. История рекламы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://squares.com/direct/wiki/>. – Дата доступа: 09.11.2020.
2. Анализ маркетинга на предприятии Додо Пицца [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://дцо.рф/analiz-organizatsij-marketinga-na-predpriyatii-dodo-pitstva/>. – Дата доступа: 21.11.2020.
3. Концепция международной рекламы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dis.ru/library/522/25724/>. – Дата доступа: 21.05.2020.
4. Стандартизация и адаптация рекламы в современном международном маркетинге [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studopedia.ru/21_14709_glava-standartizatsiya-i-adaptatsiya-reklami-v-sovremennom-mezhdunarodnom-marketinge.html. – Дата доступа: 21.11.2020.
5. Реклама в международном маркетинге [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://m.vuzlit.ru/319364/reklama_mezhdunarodnom_marketinge_standartizatsiya_adaptatsiya_reklamy. – Дата доступа: 21.01.2020.
6. Пять измерений культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vuzlit.ru/319366/pyat_izmereniy_kultury. – Дата доступа: 18.11.2020.

Поступила в редакцию 08.04.2021

И. С. Благуш

ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ГИПЕРКОНКУРЕНЦИИ

На основе обобщения статистических данных и экспертных оценок динамики, факторов и тенденций развития инновационных процессов в экономике Республики Беларусь автор выявляет соответствие количественных и качественных характеристик национальной инновационной системы и инновационной политики вызовам мирового рынка и параметрам глобальной инновационной гиперконкуренции.

Активизация инновационных процессов и повышение эффективности и конкурентоспособности национальной инновационной системы являются сегодня приоритетом национальных и региональных стратегий устойчивого экономического роста и развития. Принятая ООН «Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года» рекомендует странам-участницам концентрировать усилия на создании условий для «всеохватывающей и устойчивой... инновационной активности» [1].

В Республике Беларусь осознание значимости перевода национальной экономики в режим интенсивного инновационного развития нашло отражение в Национальной стратегии устойчивого развития до 2020 года, Государственной программе развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы, Национальной стратегии устойчивого развития до 2030 года и других документах. Долгосрочная Национальная стратегия развития «Наука и технологии: 2018–2040» ставит целью формирование в Республике Беларусь экономики, основанной на интеллекте. Согласно заявленным долгосрочным планам развития, страна «должна войти в число мировых лидеров по перспективным направлениям научно-технологического развития, включая интеллектуальные технологии, умные материалы, машины и их системы, в том числе для модернизации отраслей реального сектора на основе концепции индустрии 4.0, а также разработки, основанные на комплексном применении нано-, био-, космических и IT-технологий» [2].

Постановка таких целей диктует необходимость выработки новых подходов к формированию модели национальной инновационной системы и приоритетов инновационной политики Республики Беларусь. Необходимы качественные изменения, позволяющие перейти к расширенному воспроизводству первичных и вторичных нововведений на основе устойчивой инновативной модели поведения субъектов экономики как главного фактора устойчивого развития в условиях глобальной неопределенности и качественных изменений в глобальной конкурентной среде.

В мировой экономике в последние десятилетия формировался и начинает доминировать на ключевых сегментах рынка инноваций качественно новый вид конкуренции – так называемая глобальная инновационная гиперконку-

ренция, в основе которой лежат новые знания (компетенции), многоуровневость и многоаспектность инновационной деятельности, ее динамизм, адаптивность, мобильность, управляемость и эффективность [3]. Она характеризуется постоянно нарастающим и ускоряющимся соперничеством в области товарных и технологических нововведений, сокращением времени на стадию НИОКР, агрессивной конкуренцией цен и компетентностей и экспериментированием с новыми подходами к обслуживанию покупательских потребностей. Игроков нового уровня отличает предложение созданных на основе первичных инноваций первой и второй волны высококонкурентных товаров и услуг с качественно новыми, во многом универсальными функциями и потребительскими свойствами с глобальным масштабированием. Такие нововведения получают статус глобальных брендов, формирующих новые рыночные ниши и развивающих новые потребности у покупателей во многих странах мира.

Фактором конкурентных преимуществ в новых условиях становится способность к созданию и использованию опережающих доминантных инноваций, которые обеспечивают включение субъектов инновационной деятельности в глобальные сети.

В условиях глобальной гиперконкуренции формируется экономическая модель, которая может быть определена как «информационно-сетевая экономика с инновационно-гиперконкурентной доминантой» [3]. Последняя основана на собственных заделах прорывных НИОКР в сфере макротехнологий, обеспечивающих монопольную технологическую ренту и контроль над кластерными инновациями в долгосрочном периоде. Такого рода доминирование предполагает использование методов активной гиперконкурентной борьбы и инновационно-управленческое опережение. Важными факторами адаптации к новым условиям становятся высокая интенсивность, мировой уровень и качество нововведений, опережающие показатели конкурентов, скорость осуществления инновационных проектов.

Условия глобальной инновационной гиперконкуренции, санкционные меры и разрыв глобальных цепей создания добавленной стоимости вследствие пандемии диктуют необходимость ускоренного формирования новой модели национальной инновационной системы и ее интеграции в наиболее перспективные международные научно-технологические и инновационные сети.

Приоритетными сферами, в которых накапливаются наиболее существенные для действующей национальной инновационной системы Республики Беларусь риски, являются: стратегическое программирование и финансирование сферы НИОКР, внедрение и коммерциализация результатов научно-исследовательской деятельности, инновационная активность бизнеса, формирование и воспроизводство человеческих ресурсов инновационного развития, инновационный менеджмент.

В первую очередь необходимо определение стратегического вектора развития модели национальной инновационной системы и ее характеристик с учетом факторов внешней среды, внешних и внутренних стратегических угроз и возможностей. В мировой практике сложились три базовых подхода к формированию национальных инновационных систем: евроатлантическая модель, ориентированная на полный цикл «исследование – разработка»; восточноазиатская, базирующаяся на прикладных исследованиях и коммерциализации вторичных инноваций; альтернативная, обслуживающая инновационные процессы промышленно развитых стран (в частности, за счет создания аутсорсинговых кластеров, встраиваемых в глобальные технологические цепи услугами и продуктами с низкой добавленной стоимостью).

Евроатлантическая модель НИС предполагает формирование инновационного процесса полного цикла и включает все элементы инновационной системы – фундаментальные и прикладные научные исследования, экспериментальное и массовое внедрение новшеств и их коммерциализацию на внутреннем и внешних рынках. Ключевым фактором эффективности в этом случае становится взаимодействие между субъектами инновационной деятельности, устранение барьеров на пути распространения инноваций и создание условий для их продвижения на рынки, развитие мощной инновационной инфраструктуры (технологические инкубаторы, научно-исследовательские парки, технологические ареалы или кластеры).

Важными условиями формирования такой модели является наличие ресурсов для собственного фундаментального научного задела, развитие сетевого взаимодействия между субъектами инновационной активности и формирование инновационной культуры, системы ценностей, поведенческих моделей, способствующих инновационной активности.

Восточноазиатская модель, которая изначально была ориентирована на приобретение лицензий на производство новых продуктов и технологий с последующим освоением их на собственной производственной базе и экспорт продукции высоких технологий на внешние рынки, претерпевает существенные изменения. Стратегия привлечения иностранных инвестиций в обмен на передовые технологии оказалась несостоятельной с точки зрения возможностей доступа к технологическим решениям первой волны.

Тем не менее реализация азиатской модели НИС позволила за счет внедрения и коммерциализации инноваций второй волны привлечь значительные ресурсы на проведение в странах региона собственных фундаментальных и прикладных научных исследований и разработок, стремясь к созданию опережающих кластерных технологических решений. При этом использование механизмов слияний и поглощений для получения доступа к разработкам крупнейших зарубежных производителей продукции средне- и высокотехнологичных отраслей и рынкам сбыта остается значимым элементом инновационных макростратегий стран азиатского региона. В КНР около трети ком-

паний, осуществляющих инновационную деятельность, продолжают приобретать на международных рынках существующие ноу-хау и лицензируют запатентованные и незапатентованные изобретения или иные типы внешних знаний. Транснациональные компании из стран БРИКС покупают компании высоких технологий в Северной Америке и Европе, приобретая таким образом и патентный портфель, и квалифицированный персонал.

В условиях обострения международных отношений, усиления санкционных ограничений и вызванного пандемией спада в мировой экономике возможность привлечения прямых иностранных инвестиций из развитых стран, связанных с передовыми НИОКР, для Беларуси ограничена. Наиболее перспективной представляется стратегия, сочетающая трансфер новых зарубежных технологий из стран БРИКС, в первую очередь, КНР и России, и точечное развитие собственных фундаментальных и прикладных научных исследований и опытно-конструкторских разработок на основе потенциала и механизмов евразийской интеграции, затем – их внедрение в производство на территории страны и Союзного государства России и Беларуси с целью создания инновационных продуктов с высокой добавленной стоимостью и перспективных инновационных технологий с последующей коммерциализацией не только на внутреннем, но и внешних рынках.

Фундаментальные научные исследования на основе точечной стратегии целесообразно сконцентрировать с учетом имеющихся заделов и ресурсов в областях, обеспечивающих создание первичных инноваций первой волны, относящихся к категории макротехнологий и предоставляющих возможность для формирования технологической ренты в условиях формирования новой восходящей волны цикла Н. Кондратьева.

К разработкам, определяющим возможность технологического опережения и национальную безопасность в будущем, по оценкам зарубежных экспертов, относятся: синергетическое сочетание технологий создания автономных виртуальных и физических объектов, больших данных и искусственного интеллекта; сочетание технологий обработки данных и искусственного интеллекта с биотехнологиями (позволяют осуществлять разработку новых лекарств, непосредственно управлять биохимическими реакциями, создать живые сенсоры); сочетание технологий обработки данных и квантовых технологий (в течение 15–20-летнего горизонта квантовые технологии увеличат возможности сбора, обработки и эксплуатации данных за счет значительного расширения возможностей датчиков, создания защищенной связи и вычислений, приведут к появлению более чувствительных и более распределенных сенсорных сетей, поддерживаемых квантовыми датчиками); технологии гиперзвука, новые способы получения и накопления энергии, производства силовых двигательных установок, пригодных для эксплуатации в космосе и других экстремальных средах, технологии разработки новых материалов с уникальными физическими свойствами, в том числе двумерных, и новых конструкций [4]. Все это позволит

получать экономический эффект в реальном секторе экономики за счет снижения затрат, повышения надежности, роста производительности, упрощения производства недорогих специализированных систем по требованию.

В развитии научного задела в условиях ограниченности ресурсов, научных школ мирового уровня, сокращающейся численности исследователей Беларуси целесообразно использовать механизмы полноценной научно-технической и инновационной интеграции в евразийском регионе, в первую очередь – в рамках интеграционного проекта Союзного государства России и Беларуси.

Национальная инновационная система России в большей степени ориентирована на полный инновационный цикл – от зарождения идеи до выпуска нового товара и его продвижения на рынке. Россия остается одним из мировых лидеров в ряде ключевых направлений НИОКР. Возможность полноценной интеграции России и Беларуси в научно-технической и инновационной сфере определяется такими факторами, как единство целеполагания и наличие общей стратегии научно-технической и инновационной интеграции; создание локальных, национальных и союзного рынков продуктовых и технологических инноваций; масштабирование лучших управленческих практик в инновационной сфере, в том числе наращивание компетенций в части развития нормативно-правовой базы инновационной деятельности; межрегиональный информационный обмен и создание единой системы информационно-аналитического обеспечения инновационной деятельности; активизация механизмов академической миграции, создание новых научных школ; формирование многоуровневой и адаптивной инновационной инфраструктуры; развитие организационных, экономических и правовых механизмов поддержки инновационного предпринимательства; интеграция и суверенизация систем образования и подготовки кадров инноваций, ориентированные на опережающее формирование и наращивание компетенций, необходимых для создания и функционирования интеллектуальной экономики.

Значимыми для создания единого научно-технического и инновационного пространства являются такие направления, как формирование полноценного рынка научно-технической и инновационной продукции, совершенствование институциональной среды инновационной деятельности, развитие и стимулирование инновационного предпринимательства; создание и стимулирование развития опытно-внедренческих структур; стимулирование участия молодежи в научно-технической и инновационной деятельности, формирование и развитие новых бизнес-моделей в инновационной сфере, поддержка и масштабирование стартапов.

Основным шагом на пути решения выявленных проблем должна стать разработка и реализация единой стратегии инновационного развития Союзного государства, содержащая как пакет стратегически ориентированных

решений, так и антикризисный блок мер, нацеленный на минимизацию эффектов нарастающего санкционного давления со стороны геополитических конкурентов.

Одной из ключевых проблем, сдерживающих формирование единого научно-технологического пространства Союзного государства, является слабая межгосударственная координация на этапах формирования и определения приоритетов национальной инновационной политики. Несмотря на наличие Межгосударственной программы инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 г., самостоятельная стратегия Союзного государства по вопросам политики международного сотрудничества в сфере науки, технологий и инноваций не разработана, что сдерживает возможности интеграции национальных инновационных систем.

Россия и Беларусь имеют значительный потенциал сотрудничества между ведущими научными центрами, но в условиях осознания необходимости интенсификации интеграционных процессов в научно-технической и инновационной сферах усиливается потребность в формировании единого органа управления инновационной деятельностью, координирующего работу НАН Беларуси и РАН. В настоящее время подобная работа осуществляется Комиссией по формированию единого научно-технологического пространства Союзного государства, однако, по оценкам экспертов, это не обеспечивает согласованной и эффективной работы участников, способствующих реализации союзных проектов и программ [5, с. 264].

Существенные угрозы для научно-технологической безопасности Союзного государства создает отставание стран-участниц от глобальных лидеров не только в стратегически значимых областях науки и технологий, но и в сфере модернизации на основе новых технологий промышленного производства. В странах – лидерах постиндустриализации в последние годы активно продвигается новый взгляд на развитие промышленного сектора. В США в 2014 году был создан некоммерческий консорциум промышленного Интернета – Industrial Internet. В Японии с целью повышения конкурентоспособности индустриальных отраслей реализуется программа создания подключенных к сети фабрик (Connected Factories). В Китае принята и последовательно реализуется доктрина «Китайское производство 2025», в рамках которой поставлена задача последовательно довести промышленность до уровня 3.0, а затем – совершить прорыв к уровню индустрии 4.0.

Новое направление развития промышленного производства знаменует собой четвертую индустриальную революцию, сменившую третий этап преобразований, связанный с развитием в 1960–70-е годы числового программного управления (ЧПУ) и микропроцессоров. Проект «Индустрия 4.0» базируется на идеях «интернета вещей» (Internet of things) и «киберфизических систем» (Cyber-Physical Systems), позволяющих на основе технологий искусственного интеллекта осуществлять подключение компонентов производственной

системы к Интернету, что помогает комплексам машин и оборудования понимать свое окружение, коммуницировать между собой, связываться с логистическими и бизнес-системами поставщиков и потребителей по единому сетевому протоколу. В результате того, что производственное оборудование, получая сведения об изменившихся требованиях, сможет само вносить корректировки в технологический процесс, производственные системы приобретут способность к самооптимизации и самоконфигурации, оборудование будет осуществлять самодиагностику, что позволит добиться повышения гибкости и индивидуализации продукции и реализовать идею массового производства по индивидуальным заказам, снизив при этом цену продукции. Такого рода изменения в технологиях формируют спрос на организационные и маркетинговые инновации, требуют новых компетенций и способности к их ускоренной адаптации.

На фоне усиления санкционного давления на национальную экономику, сокращения притока инвестиций, связанных с НИОКР, оттока капитала и квалифицированных кадров на этапе зарождения новой волны долгосрочного цикла, когда глобальная конкуренция концентрируется в сфере поиска базисных технологических инноваций, возникают существенные риски долгосрочных технологических разрывов, препятствующих полноценному участию Беларуси и России в формировании глобальных технологических цепей VI технологического уклада и переходу национальных хозяйственных систем стран-партнеров к отраслевому ядру интеллектуальной экономики. При сохранении параметров азиатской и ориентированной на секторальный аутсорсинг альтернативной модели национальной инновационной системы действующие ограничения на экспорт и импорт технологий могут значительным образом обострить ситуацию, что требует оперативной разработки антикризисного блока мер с набором измеримых показателей и конкретных шагов, способных на основе объединения ресурсов и потенциалов нивелировать воздействие политических, экономических, социальных и технологических вызовов.

ЛИТЕРАТУРА

1. UNESCO Science Report: Towards 2030 [Electronic resource]. – UNESCO Publishing, 2015. – Mode of access: <http://www.un.org/235406e.pdf>. – Date of access: 02.12.2018.
2. Стратегия «Наука и технологии: 2018–2040» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nasb.gov.by/congress2/strategy_2018-2040.pdf. – Дата доступа: 16.10.2020.
3. Дятлов, С. А. Глобальная инновационная гиперконкуренция как фактор лидерства в мировой экономике [Электронный ресурс] / С. А. Дятлов // Евразийская интеграция: политика, экономика, право: междунар. науч.-аналит. журнал. – 2011. – № 9. – С. 50–56. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnaya-innovatsionnaya-giperkonkurenciya-kak-faktor-liderstva-v-mirovoy-ekonomike>. – Дата доступа: 22.12.2020.

4. Science & Technology Trends 2020–2040. Exploring the S&T Edge [Electronic resource] / NATO Science & Technology Organization. – Mode of access: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/4/pdf/190422-ST_Tech_Trends_Report_2020-2040.pdf. – Date of access: 28.11.2020.

5. Соколов, М. С. Проблемы формирования единого научно-технологического пространства Союзного государства России и Беларуси / М. С. Соколов, М. Н. Сурилов // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2018. – Т. 7, № 3 (24). – С. 263–266.

Поступила в редакцию 07.05.2021

Е. Н. Иванова

МЕРЫ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ЛИЗИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В статье исследованы условия, влияющие на уровень и глубину развития лизинговых операций в Беларуси, а также выявлены проблемы, сдерживающие развитие лизинговой деятельности при практическом осуществлении лизинговых сделок в рамках региональной экономической интеграции. Предложены актуальные меры развития лизинговой деятельности на современном этапе регионализации сферы лизинга на основе использования онлайн-лизинга.

В современных условиях региональной экономической интеграции и развития международного бизнеса лизинг приобретает динамичное развитие и становится одним из факторов активизации инвестиционных процессов. Лизинг представляет собой совокупность имущественных и экономических отношений, которые возникают при приобретении имущества в собственность и последующей его сдачи во временное пользование за определенную плату. Субъектами лизинга являются собственник имущества (лизинговая компания), пользователь имущества (лизингополучатель) и продавец лизингового имущества (предприятие-изготовитель, торговая организация и т.д.). Объектом лизинга может быть любое движимое и недвижимое имущество (авиатехника, автомобили, здания, сооружения, суда и т.д.). Лизинг в зависимости от использования и срока аренды имеет много различных преимуществ, что позволяет организациям активизировать свою инвестиционную и инновационную деятельность. К числу основных преимуществ лизинга можно отнести налоговые льготы, предсказуемость, ликвидность, индивидуальный подход к заключению договора финансовой аренды [1; 2].

Принимая во внимание преимущества лизинга, и прежде всего то, что он является формой финансового механизма рынка, с его помощью можно:

- 1) улучшить инвестиционный климат и повысить инвестиционные рейтинги регионов и страны в целом;
- 2) оживить инновационную и инвестиционную деятельность организаций и увеличить отдачу от реализации технологических инноваций.

В инновационной деятельности лизинг является наиболее выгодным, ибо государственное финансирование ограничено, а банки предоставляют кредиты под залог имущества и по высоким процентным ставкам. Лизинг важен и для государства, так как привлекает частный капитал, охватывает все новые сферы, приводит к развитию производства.

Все вышесказанное повышает устойчивость национальной экономики и нивелирует кризисные тенденции, в частности спад производства.

Уровень и глубину развития лизинга в стране определяют:

- нормативно-законодательная база;
- государственное регулирование;
- макроэкономические условия, состояние инвестиционного рынка, инвестиционные льготы;
- уровень банковского процента, особенности налогообложения, степень инфляции и т.п.;
- использование системы бухгалтерского учета.

В настоящее время лизинговые сделки заключаются более чем в 100 странах мира, половина из которых – развивающиеся, где объемы нового лизингового бизнеса достигают значительных объемов, особенно в сегментах транспортных средств и промышленного оборудования. Рост и расширение мирового и регионального лизинговых рынков представляется объективным фактом процессов интернационализации как производства, так и финансовой сферы.

В последние годы лизинговый рынок адаптировался к новым условиям, связанным с экономической нестабильностью. Лизинговые компании внедрили новые технологии в работе, улучшили обслуживание клиентов, усовершенствовали работу с рисками. Потребность в финансировании возросла, что привело к постепенному росту объема нового бизнеса в лизинге [3; 4].

Рассмотрим основные **глобальные меры**, влияющие на развитие лизинговой деятельности в мире.

Специализация – арендодатели имеют тенденцию к специализации на определенных типах оборудования или в отраслях промышленности благодаря углубленным знаниям изделий и их рынков. Такие знания особенно важны для более точного прогнозирования ликвидационной стоимости объектов лизинга.

Консолидация – основным преимуществом консолидации лизинговых компаний является возможность для нескольких компаний финансировать свою деятельность общими активами. Во многих случаях процесс консолидации характеризуется входом инвесторов в число акционеров создаваемого консорциума. Наибольшее развитие процесс консолидации получил в США в последние годы и стал основным фактором успеха таких компаний.

Стратегические союзы – многие лизинговые компании могли бы увеличить свое присутствие на рынке в некоторых секторах, но испытывают недостаток капитала или специальных знаний, чтобы сделать это независимо.

Стратегические союзы создают для этого инфраструктуру, и тем самым обеспечивают значительную выгоду для участников. В стратегические союзы могут входить все стороны лизинговой сделки – лизинговые компании, поставщики, лизингополучатели, инвесторы, финансовые и прочие посредники.

Программы продаж – программы лизинга играют важную роль в индустрии лизинга оборудования. Многие лизингодатели поддерживают программу прямой организации лизинга, так как увеличивается предсказуемость условий сделок и сами кредитуют стимулирование продаж, обеспеченное изготовителем или дистрибьютором.

Устаревание оборудования – по мнению экспертов, в настоящее время предложение оперативного лизинга приобретает все большее значение, поскольку компании избегают окончательной покупки компьютеров и другого быстро устаревающего современного оборудования.

Секьюритизация активов – в последние годы практика секьюритизации лизингового портфеля получила особенно широкое распространение. Секьюритизация позволяет лизинговой компании снизить стоимость, увеличить объемы и обеспечить непрерывность финансирования; оптимизировать налогообложение и перенести часть рисков, связанных с активами, на инвестора. Секьюритизация является инструментом, при помощи которого предоставляется финансирование под определенную часть активов компании.

Само понятие «секьюритизация активов» означает технику финансирования. Механизм секьюритизации активов заключается в списании с баланса предприятия определенных активов, отделение их от остального имущества и передача на баланс специально созданному финансовому посреднику для рефинансирования таких активов на местном или международном фондовом рынке [5].

Во многих развитых и развивающихся странах в качестве мер развития лизинговой деятельности предусмотрены налоговые льготы и специальное законодательство. Однако право на налоговые льготы возникает только тогда, когда договор соответствует правилам, определяемым для аренды. В США такие правила устанавливаются управлением внутренних доходов Министерства финансов США, в соответствии с которыми:

- 1) продолжительность лизинга должна быть меньше 30 лет;
- 2) лизинг не должен предусматривать возможность покупки имущества по цене, ниже разумной рыночной, например, за 1 доллар;
- 3) лизинг не должен предусматривать график платежей, в соответствии с которым они вначале будут больше, а затем меньше. Это было бы свидетельством того, что лизинг используется как средство ухода от налога;
- 4) лизинг должен обеспечить арендодателя нормальным рыночным уровнем прибыли;
- 5) при определении возможности продления лизинга должна учитываться текущая рыночная стоимость оборудования.

Поскольку лизинг предоставляет сторонам существенные налоговые льготы, фискальные органы в первую очередь определяют, не является ли лизинг замаскированной куплей-продажей, которой стороны придали форму договора лизинга лишь для того, чтобы воспользоваться этими льготами. При этом практика лизинга опирается на ряд нормативных актов. Служба внутренних доходов США периодически публикует правила, в которых регулируются те или иные вопросы лизинга: в них излагаются основные критерии определения различий между договором лизинга и договором условной купли-продажи.

Говоря о льготном налогообложении лизинговых операций в США, Англии и ряде других стран, организация, действующая как лизингодатель, получает определенные национальным законодательством налоговые льготы. Необходимо отметить, что для получения налоговых льгот имущество лизингодателя должно находиться в собственности. Данные налоговые льготы могут быть трансформированы лизингополучателю в форме сниженных арендных платежей, что повышает эффективность финансирования по сравнению с традиционным кредитованием или другими видами финансирования.

В качестве мер развития лизинговой деятельности в Республике Беларусь был принят ряд нормативных правовых актов, которые позволили реализовать отдельные направления по повышению эффективности сферы лизинговых операций. основополагающий акт в этой области – Указ Президента Республики Беларусь от 25.02.2014 № 99 «О вопросах регулирования лизинговой деятельности». Регулятором лизинговой деятельности был определен Национальный банк Республики Беларусь, разработавший Правила осуществления лизинговой деятельности, которые определяют порядок и условия осуществления лизинговой деятельности на территории Беларуси [6; 7].

Вместе с тем при практическом осуществлении лизинговых сделок по-прежнему возникают проблемы, сдерживающие развитие лизинговой деятельности. Факторами, отрицательно влияющими на деятельность лизинговых организаций являются:

- 1) высокая стоимость кредитных ресурсов;
- 2) сложность при получении кредитов;
- 3) недостаточный объем ресурсной базы;
- 4) высокие инвестиционные риски;
- 5) высокий уровень налогообложения [8].

Также к проблемам, сдерживающим развитие лизинговой деятельности, можно отнести:

- 1) повышенные риски, связанные с возможностью конфискации транспортных средств, принадлежащих добросовестному собственнику (лизингодателю), за правонарушения (преступления), совершенные без его вины и соучастия, что препятствует развитию лизинга транспортных средств;

- 2) при привлечении кредитов (займов) от нерезидентов лизинговые организации уплачивают налог на доходы иностранных организаций (10 % от суммы процентных доходов). Эти расходы лизингодателя включаются в лизинговые платежи (увеличивают стоимость лизинга для лизингополучателя), что снижает степень привлекательности кредитов (займов) от нерезидентов;

3) повышенные риски экспортного лизинга, связанные с отсутствием возможности увеличения установленного срока поступления лизинговых платежей при наступлении независимых от лизингодателя-резидента обстоятельств. Это снижает привлекательность данного инструмента и объемы экспортного лизинга.

Одна из важнейших задач по организации лизинговой деятельности Республики Беларусь в рамках региональной экономической интеграции (в частности ЕАЭС) – развитие экономического сотрудничества ее членов. Для ее реализации необходимы сближение и гармонизация национального законодательства, обеспечение взаимодействия правовых систем государств – членов ЕАЭС с целью создания общего правового пространства, в том числе и для лизинговой деятельности.

В настоящее время во всех государствах – членах ЕАЭС лизинговые услуги находятся в плоскости гражданско-правовых отношений. При имеющихся национальных особенностях нормативная база лизинга в государствах – членах ЕАЭС по основным положениям едина, о чем свидетельствует определение финансового лизинга в гражданских кодексах этих стран [8, с. 73].

Однако расширение сделок финансового лизинга в рамках ЕАЭС сдерживается рядом проблем. В Евразийском экономическом союзе не создан единый рынок лизинга, для чего необходимо обеспечить гармонизацию правил ведения лизинговой деятельности, недопущения и устранения препятствий на территории всех стран ЕАЭС. Тем не менее в ЕАЭС отсутствие таможенных барьеров положительно влияет на дальнейшее развитие межгосударственного (международного) лизинга. Ряд лизинговых компаний государств – членов ЕАЭС уже осуществляют лизинговые сделки между собой.

Одними из мер такой направленности являются масштабные государственные программы использования лизинга для активизации экономических связей между странами. Так, в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 24.09.2009 № 466 «О некоторых мерах по реализации товаров, произведенных в Республике Беларусь» выполняется программа продвижения белорусской продукции на зарубежные рынки, которая предполагает компенсацию за счет средств республиканского бюджета лизинговым компаниям (нерезидентам Республики Беларусь) части лизинговых платежей по договорам финансовой аренды (лизинга), предметом которых являются товары, произведенные в Республике Беларусь [9].

Актуальной мерой развития лизинговой деятельности на современном этапе регионализации сферы лизинга является цифровизация в этой области. Накопленный потенциал развития информационно-коммуникационных технологий – основа существенных перемен в функционировании экономических систем разного уровня (от мировой экономики до отдельных субъектов хозяйствования), а цифровизация – важнейший фактор экономического роста национальных экономик.

В 2018–19 гг. в лизинговой деятельности государств – членов ЕАЭС продолжился рост объемов нового бизнеса, новых лизинговых договоров. Вместе с тем при росте объемов лизинговой деятельности потребность в обработке запросов становится все затратнее. Лизинговые компании на фоне возросшей конкуренции и задачи по снижению себестоимости продукта ищут новые способы привлечения клиентов.

Так в России создан первый онлайн-супермаркет предпринимателя, предлагающий получить финансовые и управленческие продукты от ведущих банков и лизинговых компаний удобным способом в одном месте – в Маркетплейсе «Всероссийский банковский центр» (ВБЦ) [10; 11]. Идея Маркетплейса ВБЦ – клиент отправляет одну заявку и получает предложения сразу от нескольких лизинговых компаний, не покидая пределов офиса, в режиме онлайн. Клиенту предоставляется возможность выбора предложения на самых лучших условиях. В целом онлайн-лизинг – это автоматизированная система для проведения лизинговых сделок юридически значимым электронным документооборотом посредством использования квалифицированных электронных подписей. Система позволяет перевести в электронный вид весь процесс проведения сделки – от подачи заявки и проведения скоринга до принятия решения, согласования условий и подписания всей необходимой документации. Таким образом, это возможность полностью отказаться от бумажного документооборота и подписывать договоры в режиме онлайн.

Цифровизация лизинговой деятельности в Беларуси позволит убрать территориальную привязку «клиент – поставщик», обеспечить снижение стоимости продукта для конечного потребителя, лучше контролировать сроки и полностью представления документов и значительно сократить время проведения сделки. В рамках реализации продукта «Лизинг онлайн» планируется довести скорость полного цикла выполнения заявки до двух дней, с учетом оценки и осмотра/идентификации (при необходимости) объекта лизинга.

В целях устранения налоговых барьеров в развитии лизинга требуется принятие на межгосударственном уровне ЕАЭС нормативного акта, устанавливающего единообразные правила исчисления налогов на прибыль (доходы) в связи с осуществлением лизинговой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарова, Е. В. Лизинг: российский и зарубежный опыт / Е. В. Назарова, М. С. Земляков // Экономика и социология. – 2016. – № 1 (29). – С. 52–56.
2. Журавлева, И. А. Налоговые преференции лизинга: зарубежный опыт и отечественная практика / И. А. Журавлева // Международный бухгалтерский учет. – № 17 (311). – 2014. – С. 53–61.

3. *Шиманович, С. В.* Белорусский рынок лизинга. Обзор 2016 г. / С. В. Шиманович, А. И. Цыбулько. – Минск : Энциклопедикс, 2017. – 68 с.
4. *Берегатнова, Е. В.* Рынок лизинга РФ: состояние перспективы / Е. В. Берегатнова – М. : НИУ ВШЭ, 2016. – 47 с.
5. *Емельянова, Т.* Секьюритизация активов: мировой опыт и перспективы применения в Беларуси / Т. Емельянова, А. Ермоленко // Банковский вестник. – 2013. – № 21 (602). – С. 51–53.
6. О вопросах регулирования лизинговой деятельности: Указ Президента Республики Беларусь от 25.02.2014 № 99 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
7. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 07.12.1998 № 218-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
8. *Киркорова, Н. И.* Проект изменения ГК РФ в части регулирования финансового лизинга в свете гармонизации нормативной базы стран – участниц Евразийского экономического союза (ЕАЭС) / Н. И. Киркорова // Банковское дело. – 2019. – № 2. – С. 72–75.
9. О некоторых мерах по реализации товаров, произведенных в Республике Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 24.09.2009 № 99 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
10. Московский гарантийный фонд будет сотрудничать с проектом «Единая система онлайн - лизинга» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vbankcenter.ru/mass-media>. – Дата доступа: 06.11.2020.
11. *Щеваева, А. К.* Технологический и рыночный тренд: цифровой лизинг или лизинг онлайн / А. Щеваева // Лизинг. Технологии бизнеса. – 2019. – № 3. – С. 49–53.

Поступила в редакцию 20.03.2020

А. Л. Подгайский

СИСТЕМНЫЕ РЕФОРМЫ В ЭКОНОМИКЕ – УСЛОВИЕ АДАПТАЦИИ СУБЪЕКТОВ К НОВЫМ РЕАЛИЯМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

В статье показана необходимость системных экономических реформ для повышения адаптивности субъектов к динамично меняющейся бизнес-среде. Содержание данных преобразований предполагает меры макроэкономического плана, направленные на ограничение монополизма и конкурентное стимулирование производства, и институциональное реформирование предприятий, изменение базовых принципов взаимоотношения государства и предприятий, а также ряд мер в области инновационного развития экономики. Показано, что реализация этих мер в современных условиях возможна на основе использования информационно-коммуникационных технологий, позволяющих субъектам решать задачи интеграции в глобальную бизнес-среду и гибко реагировать на изменение экономических реалий.

Стратегия институциональных преобразований, направленных на достижение высокой адаптивности субъектов экономики к условиям нестабильности внешнеэкономической среды, предполагает реализацию широкого комплекса мер реформирования экономики Беларуси. Эти меры затрагивают институционально-экономические, организационно-производственные и социальные аспекты развития национальной экономики. Они охватывает процессы по реструктуризации и диверсификации крупного производства, углублению его специализации и кооперации; привлечение иностранных инвестиций и создание совместных предприятий; создание высокотехнологических производств и внедрение высоких технологий; повышение конкурентоспособности отраслей и предприятий, создание конкурентоспособных продуктов; освоение современных методов международного маркетинга и формирование соответствующей инфраструктуры; осуществление системы мер по развитию в реальном секторе экономики малого и среднего бизнеса, разработке механизмов его интеграции с крупными предприятиями, в том числе зарубежными компаниями.

В реализации стратегии институциональных реформ должны быть взаимосвязаны многие направления экономической политики государства: институциональная политика и инфраструктурное обеспечение, структурная экономическая политика, инвестиционная политика, налоговая и таможенно-тарифная политика, инновационно-технологическая политика, кадровая и научно-образовательная политика.

Основополагающей частью институциональных преобразований, повышающих адаптивность субъектов экономики к условиям нестабильной внешней среды должно стать формирование макроэкономических и политических условий, обеспечивающих усиление рыночных принципов функционирования экономики и создание конкурентной среды внутри страны.

Это предполагает ряд мер по демополизации и разгосударствлению экономики, обеспечению реального равенства форм собственности, конкурентному стимулированию производства, поддержке малого и среднего бизнеса. Сложность реализации этих мер в условиях Республики Беларусь заключается в том, что проявления монополизма связаны с государственным предпринимательством, монополизировавшим наиболее прибыльные сферы бизнеса, и патронажем государства над определенным частным бизнесом.

Важнейшими среди таких мер следует признать разработку и реализацию программы реальной приватизации, направленной на формирование эффективных собственников и привлечение частных инвесторов на основе вовлечения в инвестиционный процесс широких слоев населения Республики Беларусь. Эти меры должны сочетаться с созданием условий оперативного выявления экономически несостоятельных государственных предприятий, с целью их реорганизации, включая продажу отечественным и иностранным инвесторам.

Обязательной составляющей институциональных реформ должна стать не декларируемая, а реальная отмена всех норм, содержащих дискриминацию частной формы собственности. Выравнивание условий ведения бизнеса предполагает: устранение повышенных цен и тарифов на услуги для частных предприятий со стороны государственных организаций; постепенную отмену налоговых, кредитных и прочих льгот для государственных предприятий; обеспечение всем субъектам экономики равного доступа к ресурсам (земле, капитальным активам и финансовым ресурсам, технической и экономической информации); введение норм ответственности государственных структур и их представителей за ущерб, причиненный нарушением права собственности.

Следующим элементом институциональной трансформации должен стать комплекс мер по противодействию проявлений монополизма в экономике страны. Необходимо совершенствование антимонопольного законодательства и практики правоприменения в направлении преодоления несоответствия существующих норм антимонопольного законодательства с практикой государственного покровительства определенных направлений частного бизнеса, их привилегированного положения. Нуждается в совершенствовании сама система органов антимонопольного регулирования. Сосредоточение всех функций антимонопольного контроля в одном органе (Министерстве антимонопольного регулирования и торговли), на наш взгляд, не способствует обеспечению комплексности и оперативности решения возникающих проблем. Необходимо его дополнение консультативной структурой, представляющей интересы субъектов экономики, затрагиваемые антимонопольным законодательством, а также специализированным антимонопольным судом, разрешающим конфликтные ситуации в данной сфере. Наконец, надо создать условия деятельности общественных организаций, обеспечивающих общественный контроль за соблюдением антимонопольного законодательства.

Важным компонентом институциональных реформ, повышающих адаптивность субъектов экономики к реалиям современной бизнес-среды, являются меры по расширению и демократизации предпринимательства путем усиления заинтересованности широких слоев населения в предпринимательской деятельности путем освобождения от государственного диктата в выборе видов деятельности, организационных форм бизнеса, источников финансирования и т.п. Необходимо устранение административных, правовых и организационных барьеров для входа на рынок новых хозяйствующих субъектов, а также барьеров выхода из бизнеса. Прежде всего, это касается барьеров, обусловленных особенностями конкретного вида хозяйственной деятельности. Речь идет о ликвидности активов, возможностях репрофилирования производства с использованием имеющегося оборудования и технологий и т.п.

Особая роль в обеспечении институциональных реформ принадлежит мерам комплексного развития рыночной инфраструктуры, формированию системы специальных инвестиционных институтов, фондовых и товарных бирж, консалтинговых, телекоммуникационных, маркетинго-исследователь-

ских и др. компаний. Однако формирование необходимых звеньев инфраструктуры как целостной системы должно носить не формальный характер, а возникать на основе растущего спроса на соответствующие услуги и роста конкуренции среди институтов рыночной инфраструктуры. Особую значимость для экономики Беларуси представляет формирование развитого и действующего рынка ценных бумаг. Наличие законодательной базы его функционирования должно быть дополнено мерами, расширяющими доступ к ценным бумагам предприятий широких слоев населения, поддержания обратной связи между участниками рынка ценных бумаг и регулирующими органами, выработки навыков обращения с ценными бумагами у населения.

Обязательной составляющей институциональных преобразований, повышающей адаптивность к условиям нестабильной внешней среды, должны стать *меры институционального реформирования предприятий на микроэкономическом уровне*. Такое реформирование основано на концепции «Индустрии 4.0» (четвертой промышленной революции), объединяющей индустриальное производство и цифровые технологии, создании «умных производств», в которых устройства и люди, коммуницируют посредством цифровых технологий и Интернета [1]. Преобразование субъектов хозяйствования на этой основе позволит придать новую динамику технологическим и бизнес-процессам, оперативно вносить изменения в производственный цикл, осуществлять структурные рекомбинации, гибко реагировать на изменения внешней среды.

В ряду таких мер, прежде всего, следует отметить меры реструктуризации производственного и технологического процессов, упрощение порядка смены видов деятельности организации, что особенно актуально для белорусских предприятий. Во-первых, необходимо провести имущественную реструктуризацию организаций, направленную на формирование структуры активов, позволяющей обеспечить эффективное ведение бизнеса. Речь идет об освобождении предприятий от непрофильных активов и неэффективно используемых основных фондов. Во-вторых, необходима диверсификация крупных специализированных производств, предопределяющая распространение деятельности предприятий на новые сферы, постоянное освоение новых видов продуктов, расширение ассортимента производимых изделий. Эти меры должны осуществляться в рамках парадигмы перехода к децентрализованному цифровому производству, позволяющему выпускать чрезвычайно широкий спектр дифференцированной продукции в небольших объемах и поддерживать эффективность массового производства [2].

Важной составляющей институционального реформирования предприятий являются меры по обеспечению условий гибкого изменения организационной структуры предприятий (состава, субординации и распределения функций между подразделениями и работниками). Надо изменить принципы управления производством, отказаться от его устаревших организационных форм, внедрять современные методы управления и соответствующие организационные

структуры, а также изменить состав и функции внутрифирменных институтов, обеспечивающих нормы поведения сотрудников и механизмы соблюдения этих норм (система принятия решений, корпоративная культура и т.д.).

Значительным потенциалом повышения адаптивности субъектов экономики к новым реалиям хозяйствования обладает стимулирование рынка промышленных услуг, позволяющим одним предприятиям избавиться от своих непрофильных служб, а другим переходить на аутсорсинг, осваивая рынки транспортных, ремонтных и прочих услуг. В этом ряду следует отметить меры по развитию практики субконтрактации, позволяющей сочетать выпуск собственной конечной продукции с работой по субконтракту в рамках производственной кооперации, гибко менять соотношение между ними и, тем самым, оптимизировать производственные процессы. Условием реализации этих мер является формирование современной инфраструктуры обеспечения субконтрактных отношений; необходимо создание сети центров субконтрактации, собирающих информацию о производственных возможностях предприятий и потребностях в определенной продукции и услугах. Такие центры являются связующим звеном в поиске партнеров по производственной кооперации и установлении контактов между ними. Осуществление данных мер позволит простимулировать процесс кластеризации, возникновения на рыночной основе комплекса взаимодополняющих друг друга и технологически сопряженных производств вокруг предприятий, имеющих конкурентные преимущества на внешних рынках.

Необходимой составляющей институциональных преобразований, повышающих гибкость реагирования субъектов экономики на условия внешней среды, являются *меры государственного регулирования деятельности организаций, изменение самих принципов взаимоотношений государства и предприятий*. Новые условия хозяйствования в нестабильной внешней среде и глобальных рынках меняют подходы к инструментам экономической политики государства. Это предполагает корректировку стратегий развития бюджетной, кредитной, налоговой, торговой, инновационной и др. составляющих экономической политики государства; их переориентацию на решение задач структурной перестройки экономики и развитие высокотехнологичных производств. В рамках данных стратегий сочетание точечной государственной финансовой и кредитной поддержки локомотивных отраслей должно сочетаться с усилением рыночных механизмов аккумуляции финансовых ресурсов и внедрением передовых финансовых технологий, способных обеспечить более эффективное перераспределение ресурсов и направление финансовых потоков на развитие перспективных предприятий.

Необходимо изменение широкого спектра экономических инструментов на основе информационно-коммуникационных технологий. В частности нуждается в изменениях действующая система налогообложения на основе внедрения информационных технологий с целью снижения налоговой нагрузки, повыше-

ния эффективности налогообложения, сокращение издержек налогообложения, вменяемых субъектам хозяйствования. Приоритетом государственной монетарной политики должно стать обеспечение доступного кредитования перспективных и высокотехнологичных предприятий в сочетании с возможностями привлечения средств на международном рынке ссудного капитала. Кроме того, надо обеспечить эффективную правовую защиту субъектов экономики, действующих на внешних рынках при мобильных деловых контактах в их онлайн-формате. Отмеченные изменения во взаимодействии государственных учреждений и бизнеса должны проходить в рамках реализации концепции электронного правительства (ЭП), которая предполагает обеспечение мобильности контактов, быстрое решение вопросов и достижение прозрачности взаимоотношений благодаря использованию информационно-коммуникационных технологий.

Обязательным компонентом институциональных реформ, повышающих адаптивные способности субъектов, является комплекс *мер в области инновационного развития экономики*. Именно инновации, продуктовые и технико-технологические, управленческие и маркетинговые, информационные и социальные, способны обеспечить динамичное развитие бизнеса в соответствии с изменяющимися внешними условиями. Система их стимулирования предполагает определение набора приоритетных направлений и критических технологий, без которых невозможно преодоление технологического отставания индустриальных производств Беларуси и возникновение современных высокотехнологичных производств. Их разработка или приобретение, в свою очередь, позволит создать внутренний спрос на наукоемкие продукты и услуги, предлагаемые множеством мелких и средних предприятий.

Меры стимулирования инновационной активности субъектов хозяйствования предполагают создание инфраструктурных условий для предприятий и кластеров путем стимулирования корпоративных научных исследований и связанной с ними инновационной деятельности на микроэкономическом уровне, а также формирование рыночных механизмов финансового обеспечения стартапов, развитие институтов венчурного финансирования, позволяющего малым высокотехнологичным предприятиям осуществлять разработку и выпуск новой продукции. Помимо того, необходимо создание общенациональных органов управления инновационным развитием с самыми широкими полномочиями и наделение их чрезвычайно высоким статусом, в состав этих органов, помимо государственных чиновников, должны быть включены представители науки, образования, бизнеса.

В рамках мер инновационного развития экономики, повышающих адаптивные способности субъектов необходимы:

- обеспечение общих условий инновационного развития страны путем развития потенциала отечественной науки, интеграции ее в мировое научное пространство, что требует существенного увеличения финансирования фундаментальной и прикладной науки;

- переориентация системы образования с воспроизводства наемных работников на массовую подготовку лиц, способных осуществлять предпринимательскую деятельность в высокотехнологичных сферах и перспективных нишах экономики;

- вовлечение в инновационный процесс широких масс населения путем разработки и реализации комплекса мер, направленных на обеспечение доступа к информационно-телекоммуникационным технологиям.

Таким образом, рассмотренная система мероприятий, направленных на развитие адаптивных способностей экономических субъектов на основе использования информационно-коммуникационных технологий, позволяет решить проблему их интеграции в глобальную бизнес-среду и гибко реагировать на изменение реалий хозяйствования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тарасов, И. О.* Индустрия 4.0: понятие, концепции, тенденции развития [Электронный ресурс] / И. О. Тарасов // Стратегии бизнеса: анализ, прогнозирование, управление. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/industriya-4-0-ponyatie-kontseptsii-tendentsii-razvitiya>. – Дата доступа: 03.04.2021

2. *Амелин, С. В.* Организация производства в условиях цифровой экономики [Электронный ресурс] / С. В. Амелин, И. В. Щетинина. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-proizvodstva-v-usloviyah-tsifrovoy-ekonomiki>. – Дата доступа: 12.04.2021.

Поступила в редакцию 26.04.2021

А. Н. Русак

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ИНТЕРНЕТ-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА ПОСРЕДСТВОМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Целью статьи является изучение основных вопросов, связанных со спецификой развития коммуникации в социальных сетях. Рассматриваются теоретические и организационно-практические вопросы развития инструментов бизнес-коммуникации при осуществлении интернет-предпринимательства в социальных сетях. Проанализировано влияние социальных сетей на развитие бизнеса с целью продвижения продуктов и услуг. Исследованы преимущества и недостатки социальных сетей как площадок для развития бизнес-коммуникации компании.

Постоянное внедрение информационных технологий во все сферы жизни общества предоставляет новые возможности как для работы в режиме онлайн, так и для постоянного развития маркетинговых инструментов в области продвижения бизнеса на новых типах рынков. В условиях трансформации

предпочтений и запросов, потребностей аудитории, а также в связи с популярностью мобильных средств связи и технологий мобильных приложений и сервисов, возрастает необходимость включения в бизнес-процессы компании инструментария, способствующего повышению лояльности потенциальных покупателей.

Исследование форм интернет-предпринимательства является актуальным в связи с изменением и совершенствованием инструментов коммуникации с целевой аудиторией. Тенденции развития современных информационных технологий и предпринимательства позволяют использовать объект традиционной торговли в предпринимательской деятельности в виртуальном пространстве. Наиболее популярной является модель B2C, предусматривающая торговлю через интернет-магазины. По данным Торгового реестра Республики Беларусь на 1 января 2021 г. зарегистрировано 25 539 интернет-магазинов (прирост 13,2 % к началу 2020 г.), владельцами 47,2 % магазинов являются юридические лица, 52,8 % – принадлежат индивидуальным предпринимателям [1]. Субъект торговли вправе осуществлять розничную торговлю с использованием Интернета только через интернет-магазины, зарегистрированные в Торговом реестре [2; 3].

Для повышения конверсии и продвижения бренда, кроме собственного сайта, компаниям необходимо использовать широкие возможности цифровых экосистем, чтобы максимально воспользоваться всеми преимуществами виртуального пространства. Каждый бизнес-субъект ориентирован на создание дополнительной ценности для клиентов, позиционируя себя через аккаунты на платформах социальных сетей. Проводимые исследования в данной области свидетельствуют о постоянном увеличении аудитории социальных сетей. Так, количество пользователей социальных сетей за 2020 год в мире увеличилось на 13 %. В начале 2021 года в социальных сетях зарегистрировалось около 0,5 млрд новых пользователей [4]. В Республике Беларусь 41 % населения являются пользователями социальных сетей. 95 % из них выходят в социальные сети с мобильных устройств [5].

Социальные сети приспособляются к растущим маркетинговым потребностям компаний, предлагая новые возможности для изменения бизнес-поведения в деловой среде. Модели продвижения бизнеса, основанные на использовании инструментария социальных сетей, взаимодействия с аудиторией социальных сетей, включают использование набора инструментов для его реализации. Субъектами предпринимательской деятельности могут применяться несколько платформ в комплексе. По критерию среды ведения бизнеса исследователи выделяют традиционные, виртуальные и смешанные компании. Большинство фирм относится к смешанным, эта форма организации бизнес-структур касается тех сфер деятельности и сегментов рынка, где затраты на использование и развитие интернет-технологий не превышают возможной выгоды от их использования [6]. Особый интерес представляют социальные сети как инструмент для развития бизнес-коммуникации фирмы.

Определяются следующие преимущества социальных сетей как площадок для развития бизнес-коммуникации компании:

- формирование и развитие собственного бренда посредством бесплатного создания учетной записи, использования предлагаемых инструментов взаимодействия, размещения контента;
- усиление присутствия бизнеса в интернет-пространстве на нескольких платформах социальных сетей для создания возможности последующего управления сформированными каналами взаимодействия;
- построение маркетинга взаимоотношений с целевой аудиторией, предоставление персонализированного, в соответствии с их интересами и предыдущими взаимодействиями, контента;
- управление репутацией через поддержание обратной связи и повышение вовлеченности, используя специализированные инструменты социальных сетей;
- использование маркетинга влияния посредством развития сотрудничества с партнерами;
- совершенствование общей маркетинговой стратегии компании за счет количества идей, полученных от покупателей через аккаунты бренда в социальных сетях, таких как LinkedIn, Twitter, Instagram, Facebook;
- доступ к сервисам социальных сетей, в том числе к платной рекламе, для привлечения потенциальных клиентов и увеличения конверсии;
- возможность экспериментировать с разными форматами контента (сочетание письменных сообщений, прямых эфиров, предварительно записанных видео, голосовых интерфейсов и т.д.) для каждого канала взаимодействия;
- использование инструментов, позволяющих отслеживать динамику развития бизнеса (новых подписчиков, посетителей страницы, действий в сети («лайков», участие в конкурсах), востребованность отдельных товаров или услуг за счет обратной связи и т.д.) [7; 8; 9].

Среди недостатков использования социальных сетей при построении коммуникации компании с целевой аудиторией можно выделить следующие:

- получение отрицательной обратной связи, что может негативно повлиять на маркетинговые усилия компаний по построению взаимоотношений с покупателями, в случае если не предпринять ответных мер по устранению конфликтной ситуации;
- необходимость тщательной проверки правильности выбора информационного материала (текста, фотографий, хештегов или видео) и проведения предварительного исследования, прежде чем размещать контент в постах социальных сетей, во избежание риска нанести ущерб репутации компании;
- постоянное создание, обновление и публикация нового контента, оперативное взаимодействие со своей аудиторией, что требует значительных временных затрат на поддержание баланса между публикацией, мониторингом контента и отслеживанием реакции людей, оценкой воздействия на этих платформах;

- вопросы конфиденциальности пользовательских данных;
- использование пользователями инструментов блокировки рекламы, в связи с недовольством большим количеством рекламы;
- дублирование аудитории в социальных сетях (пользователи имеют несколько аккаунтов в разных сетях и используют их с различной частотой и степенью вовлеченности) [8;9;10].

Поскольку пользователь социальных сетей одновременно является создателем контента и его потребителем (рекламы социальных платформ), можно выделить следующие направления развития системы коммуникации компании:

- 1) построение новой культуры бизнеса под влиянием цифровой трансформации;
- 2) формирование покупательского интереса, путем адаптации своей стратегии в социальных сетях к их потребностям;
- 3) управление контентом для привлечения и удержания потребителей;
- 4) индивидуализация работы с покупателем, вовлеченность в решение его задач;
- 5) совершенствование процесса организации прямых продаж продуктов и услуг;
- 6) использование инструментов совместной рекламы, кобрендинга;
- 7) публикация обучающего контента (в условиях карантинных ограничений для привлечения внимания аудитории бренды используют видеоруководства по использованию своих товаров и услуг, что повышает удовлетворенность целевой аудитории).

Facebook и Instagram – наиболее популярные сети для ведения бизнес-профиля компании. Назовем инструменты для продвижения бизнес-аккаунта [4; 6].

- Facebook: Facebook Messenger, чат-боты для обеспечения постоянного взаимодействия с покупателями; Facebook live; Facebook Stories, другие платные инструменты для продвижения бизнес-контента.
- Instagram: Stories Highlights (для размещения новостей, сообщений об акциях, отзывах и другой актуальной информации); инструменты Instagram Business.

Instagram сейчас является одной из наиболее перспективных социальных платформ, которая предлагает различные инструменты для продвижения бизнеса. Рассмотрим их.

1. Взаимодействие через «живой контент» – действенный канал коммуникации, позволяющий получить уникальную информацию в режиме реального времени. Использование инструментов такого типа способствует проведению углубленной работы с аудиторией, индивидуализации маркетинговых решений.

2. Сотрудничество с пользователями, имеющими обширную и собственную лояльную аудиторию на основе публикуемого ими контента (реклама у лидеров мнений – наноинфлюенсеров и микроинфлюенсеров). Привлекая

к рекламным кампаниям трендсеттеров (инноваторов, воспринимающих новые идеи (тренды) раньше других, расширяющих диапазон применения продукта или услуги, влияющих своим примером на потребление конкретной категории людей) и инфлюенсеров (лидеров мнений, имеющих влияние на свою аудиторию (подписчиков) в определенной сфере), бренд формирует общественное мнение аудитории социальных сетей.

Исследователи выделяют относительно новое направление в digital-маркетинге – influencer-маркетинг. Influencer-маркетинг позволяет рассказать о товаре или услуге компании через лидера мнений [4; 6; 9].

3. Использование новых форматов из других сетей, например «Challenge» TikTok.

В TikTok около половины действующих пользователей – молодые люди в возрасте от 16 до 24 лет. По данным Hootsuite, TikTok – седьмая по посещаемостью социальная сеть в мире [4; 6]. Основные форматы продвижения бизнеса – это рекламные возможности, тематические челленджи и конкурсы; сотрудничество с блогерами. Один из примеров, это опыт компании Coca-Cola – «#shareacoke от Coca-Cola» (компания запустила челлендж, для участия в котором пользователи снимали свои короткие видео с продукцией компании).

Современные приоритеты развития молодежного интернет-предпринимательства показывают ориентированность на информационные ресурсы, рискованность, мобильность. Одной из самых привлекательных сфер для молодежи является сфера IT-технологий, предоставляя новые возможности для стартапов молодых предпринимателей [11]. Около 45 % постоянной аудитории социальных сетей обращаются к поисковым сервисам социальных сетей, а не к поисковым системам при поиске информации о товарах или услугах [4]. Рост популярности поиска в социальных сетях наблюдается чаще среди молодых пользователей, что свидетельствует о доверии аудитории.

Китайская платформа WeChat представляет собой один из успешных примеров использования инструментов сети для бизнеса: совмещение мобильного кошелька, интернет-магазина и инструментов, интегрированных с другими сервисами. Инструменты продвижения в WeChat: моменты WeChat, тематические блогеры Key Opinion Leader, группы в WeChat и т.п.

Бизнес-профиль в социальных сетях позволяет использовать инструменты для организации продаж, построения коммуникации, проведения аналитики при создании алгоритма работы с целевой аудиторией. Однако наличие бизнес-аккаунта в социальных сетях не означает появление одинаковых возможностей для различных субъектов бизнеса. Субъекты предпринимательской деятельности используют социальные сети в различных целях, конкуренция в них перемещается в сферу креативности. Ряд вопросов требуют индивидуального подхода. В целом, социальные сети как канал распространения информации является перспективным направлением, можно отметить следующие тенденции: влияние постоянно обновляемого контента на коммуникацию

с целевой аудиторией; адаптация к трансформации потребностей аудитории; акцент на интерактивность взаимодействия, персонализацию; популярность социальных сервисов.

Специфика социальных сетей связана с возможностью организации коммуникации с целевой аудиторией, что позволит установить обратную связь, осуществлять оценку эффективности действий, анализировать ее в режиме реального времени для получения ответной реакции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Развитие торговой инфраструктуры [Электронный ресурс] // МАРТ. – Режим доступа : https://www.mart.gov.by/sites/mart/home/activities/regulation-trade/analiticheskaya_inform/torgovoaya-infrastruktura.html. – Дата доступа : 21.02.2021.
2. Ответственность за нарушение правил торговли в Интернете // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2021. – Режим доступа : <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2020/may/50165/>. – Дата доступа : 09.03.2021.
3. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/. – Дата доступа: 17.03.2021.
4. Digital 2021: Global Overview Report [Электронный ресурс] // Datareportal. – Режим доступа : <https://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report>. – Дата доступа : 11.03.2021.
5. Digital 2021: Актуальная статистика и аудитория социальных сетей в мире и Беларуси [Электронный ресурс] // BelRetail.by. – Режим доступа : <https://belretail.by/article/digital-aktualnaya-statistika-i-auditoriya-sotsialnyih-setey-v-mire-i-belarusi>. – Дата доступа : 14.03.2021.
6. Technology and Innovation Report 2021 [Electronic resource] // UNCTAD. – Mode of access: https://unctad.org/system/files/official-document/tir2020_en.pdf. – Date of access: 17.03.2021.
7. Benefits of social media for business [Electronic resource] // UNCTAD. – Mode of access: <https://business.gov.au/online/social-media-for-business>. – Date of access: 27.03.2021.
8. Top 9 Benefits of Social Media for Your Business [Electronic resource] // SearchEngineJournal. – Mode of access: <https://www.searchenginejournal.com/social-media-business-benefits/286139/#close>. – Date of access: 21.03.2021.
9. The Importance of Social Media In Business Communication [Electronic resource] // CleverSequence. – Mode of access: <https://cleversequence.com/the-importance-of-social-media-in-business-communication/>. – Date of access: 11.01.2021.
10. Is social media a good small business communication tool? [Electronic resource] // AZBigMedia. – Mode of access: <https://azbigmedia.com/business/-business-and-social-media/is-social-media-a-good-small-business-communicationtool/>. – Date of access: 23.01.2021.

11. Русак, А. Н. Формирование условий для стимулирования молодежного предпринимательства как приоритетного направления развития малого бизнеса / А. Н. Русак // Детерминанты развития малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь : сб. материалов XVII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 15 мая 2020 г. / редкол.: В. Л. Цыбовский (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2020. – С. 157–160.

Поступила в редакцию 07.04.2021

В. Н. Усокский

РОСТОВЩИЧЕСКИЙ И ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ В РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В статье исследуются исторические условия возникновения и эволюции рыночной экономики, включенной в качестве подчиненного элемента в структуру натурального хозяйства, которое доминировало в христианском обществе Средних веков. Представлена сложная «трехэтажная» структура докапиталистической экономики, куда входило натуральное хозяйство, простое товарное производство, торговый и ростовщический капитал, который замыкался на высшем уровне иерархии общества, обслуживая потребности государства, монарха, светского дворянства и духовенства. Капитал стремился встроить свои экономические интересы в государственные механизмы принятия решений на политическом уровне с целью получения своей доли участия в системе эксплуатации хозяйственных ресурсов. Показано, что ссудное дело и ростовщический процент как присвоение того, чего не существует по природе вещей, осуждались с позиции духовно-нравственных ценностей христианства. Обоснование Фомой Аквинским учения о том, что процент – это денежная плата за риск, который является средством возмещения несправедливого убытка, причиняемого должником кредитору, послужило способом приспособления католицизма к реалиям становящейся рыночной экономики.

1. Структура натуральной экономики и рыночного уклада докапиталистического общества

Ростовщический и торговый капитал, обслуживавшие натуральное хозяйство докапиталистического общества, построенного на принудительных отношениях личной зависимости, были опорными элементами специфической рыночной экономики. Собственников земли и труда отличало отсутствие целей, мотивов и стимулов к повышению производительности факторов производства, подобных тем, которые были внутренне присущи субъектам рыночной экономики индустриального капитализма. Капитал рационально высасывал «соки» из тех сфер докапиталистического общества, с которыми он соприкасался, в полном смысле слова иссушая эксплуатируемые им объекты. Сходство целей и мотивов собственников натурального производства, построенного на принудительном труде, с целями и мотивами ростовщических и торговых капиталистов состояло в том, что эти на первый взгляд, казалось бы,

разные субъекты принципиально одинаково смотрели на внешнюю среду, которую они подвергали эксплуатации. Им противостояли инородные объекты, которые должны были быть подвергнуты репрессиям и подавлению с целью хищнического извлечения значимого результата. Разница состояла только в том, что капитал действовал с помощью денег, а собственники земли с помощью прямого принуждения. Совместными усилиями они формировали под свои интересы специфический рынок, в основе которого лежало принуждение. Тацит (55–120) писал: «Говорят, что Рим несет побежденным народам культуру. Нет. Рим оставляет после себя пустыню».

Простое товарное хозяйство мелких владельцев отличается по характеру своей деятельности от торгового и ростовщического капитала. Вместе с тем эти три хозяйственные структуры были рыночными социально-экономическими укладами, подчиненными громадному массиву натурального производства рабовладельческого и феодального обществ. Эти рыночные уклады «тонули» в гигантском океане натурального хозяйства. Ф. Бродель (1902–1985) предложил оригинальную классификацию трех «этажей» доиндустриальной экономики. Первый «этаж» – это натуральное хозяйство, которое являлось потенциальным резервуаром для простого товарного хозяйства. Субъекты натурального хозяйства создавали натуральный продукт для внутреннего потребления с целью поддержания жизнеспособности членов общины. Второй «этаж» – простое товарное производство. Оба уклада соприкасались между собой на товарном рынке, если общины выносили избыток продуктов над потреблением на рынок.

Третий «этаж» – торговый и ростовщический капитал, который замыкался на высшем уровне иерархии общества, обслуживая потребности государства и элиты докапиталистического общества (светскую знать, духовенство). Господствующие сословия (элита) общества формировали цели государства, средства для их достижения, осуществляли политику. Капитал стремился встроить свои экономические интересы в государственные механизмы принятия стратегических решений на политическом уровне, с целью получения своей доли участия в системе эксплуатации хозяйственных ресурсов. Ф. Бродель называет данный уровень высшей иерархии общества «*царством изворотливости и права сильного*» [1, с. 220]. Он считал, что данная особенность общества существует как универсальное свойство не только в докапиталистических формациях, но также и в системах промышленного и постиндустриального капитализма. Ф. Бродель писал: «К доиндустриальной модели следует добавить третий сектор: нижний “этаж” “неэкономики”, своего рода гумусный слой, где вырастают корни рынка, но, не пронизывая всей его массы. Этот нижний “этаж” остается огромным. Выше него, в зоне по преимуществу рыночной экономики, множились горизонтальные связи между разными рынками; некий автоматизм обычно соединял там спрос, предложение и цену.

Наконец, рядом с этим слоем, или, вернее, над ним, зона “противорынка” представляла царство изворотливости и права сильного. Именно там и располагается зона капитализма по преимуществу, как вчера, так и сегодня, как до промышленной революции, так и после нее» [1, с. 220]. Система политической власти, господства и подчинения вытекает из принципов иерархии общества, определяясь правами исключительного суверенитета государства. Государство, допуская капитал экономических субъектов на уровень властной иерархии, объективно придает ему внеэкономический характер. Проблема слияния политической и экономической власти на уровне властной иерархии является сложной проблемой, которую конструктивно решают государства Новейшего времени. Для этой цели формируются демократические механизмы принятия политических решений и система разделения трех ветвей властей, которые осуществляют взаимный контроль деятельности друг друга.

В отношении простого товарного хозяйства, торгового и ростовщического капитала, несколько перефразируя слова К. Маркса, можно сказать, что они «существовали как боги Эпикура в межмировых пространствах». Большая часть продукта в докапиталистической экономике создавалась путем принудительной эксплуатации труда, поэтому рынок был не более чем вспомогательным средством для обслуживания деятельности громадного массива натуральной экономики. Ф. Бродель для объяснения сущности капитала в докапиталистическом обществе использует термин *стеклянный колпак* (*a bell jar*), который адекватно выражает функциональное место капитала в социально-экономической иерархии рабовладельческого и феодального общества. Капитал включался в общественную систему через мировоззренческий фильтр духовно-нравственной системы отношений между людьми. Вместе с тем капитал взламывал фундаментальные устои духовной сферы и нравственности религиозного общества. В рамках этих двух антиподальных состояний происходила эволюция общества. Капитал был относительно локализован от общества, отграничен от эксплуатируемой массы людей и материально-вещественных условий ведения натурального хозяйства. Обслуживая интересы элиты, капитал находился под своеобразным «стеклянным колпаком», функционируя обособленно от жизни подавляющей массы населения. Цели и интересы капитала не были ориентированы на стимулирование роста производительности факторов производства. Собственники земли, рабов и крепостных крестьян, а также торговые и ростовщические капиталисты были внутренне чужды формированию целей, мотивов и стимулов к эффективному труду. В этом заключалась специфика натурального хозяйства, рынка и капитала в доиндустриальной экономике.

Торговый и ростовщический капитал, независимые ремесленные и крестьянские хозяйства были включены в процесс обслуживания натуральной экономики, основанной на отношениях личной зависимости и внеэкономического принуждения к труду рабов и крепостных крестьян. Карл Полян (1886–1964) высказывал сходные с Ф. Броделем идеи о том, что все рыночные

структуры как подчиненные элементы натуральной рабовладельческой и феодальной экономики были надежно интегрированы в принудительную систему хозяйствования. Рыночные протокапиталистические структуры были адекватны доминантной внеэкономической системе социальной иерархии общества. Феномен их совместимости заключался в сложившемся типе рыночных структур, которые обслуживали с том числе и покупку-продажу людей (рабов и крепостных крестьян), используемых в натуральном производстве. Рыночные механизмы обслуживали интересы привилегированных слоев элиты докапиталистического общества и растущего населения городов. Однако этот тип рынка не являлся массовым, так как не существовало *массового покупателя, созданного только индустриальной экономикой капитализма*. По этой причине докапиталистический рынок, по мнению К. Поланьи, не обладал «внутренней тенденцией к расширению за счет остальных сфер» [2, с. 10]. Фильтр системы социальных и духовно-нравственных отношений ограничивал экспансию рынка на натуральную экономику.

2. Условия возникновения торгового и ростовщического капитала

Критерием вызревания товарно-денежных отношений в античной экономике является совершение срочных рыночных сделок с товаром и деньгами, что создавало экономические условия, порождающие торговый и ростовщический капитал. В воспроизводственном цикле рыночной экономики торговые и ростовщические посредники обеспечивают осуществление срочных кредитных сделок, которые при присвоении прибыли ведут к накоплению денежного капитала. Содержание деятельности обоих видов капитала определяет их место, функции и специализацию на рынке. Субъекты торгового и финансового посредничества ставят цели и выбирают средства для максимизации торговой прибыли и ростовщического процента. В производственной сфере натурального хозяйства, которое построено на принудительных отношениях, отсутствует производительный капитал, что оказывает воздействие на формирование торговыми и ростовщическими посредниками специфических целей и средств их реализации. Ростовщический капитал обслуживает цикл воспроизводства торгового капитала, который ведет *торговлю на дальние расстояния*. В процессе деятельности торговцев и ростовщиков происходит авансирование значительных денежных сумм, вкладываемых в товары, которые направляются на продажу с целью возврата первоначально авансируемого капитала с прибылью. Доходы торгового капитала возникают из разницы цен на покупку и продажу товаров на региональных рынках в условиях господства натурального хозяйства. Спрос на товары и деньги порожден потребностями продавцов и покупателей товаров. Ростовщический капитал использовался для покрытия разрывов ликвидности, которые возникали при авансировании торгового капитала и его возврате в процессе совершения срочных сделок. Рождение хрематистики как системы торгового и денежного посредничества в античной экономике означает создание инструментов срочного рынка капитала (векселя). На деятельность субъектов срочных сделок, нацеленных на присвоение прибыли, налагает жесткие ограничения духовно-нравственная система общества.

В городах, лежащих на перекрестках сухопутных и морских торговых путей, происходила «перевалка» грузов. В них концентрировались большие объемы торговых операций с деньгами и товарами. Торговля на дальние расстояния экзотическими товарами создавала благоприятные условия для накопления капитала и специализации субъектов рынка на выполнении специализированных функций в торговле товарами и деньгами. Значительные коммерческие обороты, концентрирующиеся в крупных городах, объективно вели к обособлению сферы обращения товаров, кредитования товарами и деньгами, от системы производства и потребления натуральной продукции. Это привело к возникновению посреднической торговли товарного и денежного капитала. Торговавшие товарами капиталисты-посредники создавали инфраструктуру воспроизводства торгового капитала. Ростовщики, являвшиеся посредниками в сфере денежного обращения, формировали инфраструктуру ростовщического капитала – банки и финансовые инструменты торговли, к которым относились коммерческие векселя и кредитные деньги (банкноты).

Торговый капиталист авансирует свой капитал на покупку товаров, которые он продает с прибылью на рынке. Формула $D - T - D' (D + \Delta d)$ отражает цикл воспроизводства торгового капитала. В товарно-денежном обращении торговые посредники создают инструменты коммерческого кредитования товарами. Денежный капиталист продает деньги заемщику в долг на условиях возвратности, срочности, платности, авансируя денежный капитал в рост под проценты. Формула $D - D' (D + \Delta d)$ отражает цикл воспроизводства ростовщического капитала. В срочных товарных и денежных сделках возникает разрыв во времени между стадиями авансирования капитала и конечной стадией получения прибыли или фиксации убытков. Торговый и ростовщический капиталы ведут специфическую деятельность по обслуживанию своих клиентов на срочном рынке товаров и денег, что отличает капитал от деятельности собственников земли и труда в натуральном хозяйстве и субъектов простого товарного производства.

В цикле воспроизводства торгового капитала объективно возникал разрыв во времени, который позволял ростовщическим посредникам эмитировать кредитные деньги (векселя) на срок, передавая их торговцу-должнику. Вексель ростовщика выполнял функцию безусловного требования к должнику выплатить кредитору указанную сумму денег и проценты по срочной ссуде. Создаются банковские структуры, которые привлекают сбережения, покупая свободные деньги у тех, кто имеет их в избытке, с целью выдачи кредитов заемщикам. Банковские векселя выпускаются банками под учет товарных векселей, которые выпускают субъекты, выдающие товарные коммерческие кредиты на условиях отсрочки платежа по взятым товарам в долг.

Ростовщики осуществляли срочные кредитные операции по финансированию государственных нужд, обслуживая цикл авансирования и возврата денежного капитала. При этом государство представляло ростовщикам гарантии возврата денег, которые для кредитора зачастую отличались большой

неопределенностью. Государство практиковало передачу ростовщикам прав на временную эксплуатацию земли, на которой работали рабы или крепостные, с целью ведения хозяйства и получения доходов. Существовала также система откупов, когда государство делегировало ростовщикам право на сбор налогов с населения.

Кредитная система срочных сделок, созданная капиталом, была обособлена от простого товарного хозяйства, где деньги использовались в функции средства обращения (по принципу «деньги на бочку») при обмене по формуле Т – Д. Существует фундаментальное отличие между срочными кредитными деньгами, которые использует капитал, и деньгами, выполняющими функцию средства обращения в простом товарном хозяйстве. Срочные и текущие сделки выполняют одни и те же деньги, но в двух разных функциях – соответственно средства отсроченного платежа и средства обращения. Государство создало бюджетно-фискальную систему по сбору налогов для осуществления расходов госбюджета. Деньги, бесплатно изымаемые государством в качестве налогов и бесплатно направляемые бюджетополучателям, – это те же деньги, которые применяются в кредитных операциях торгового и ростовщического капитала, где целью является извлечение прибыли.

Ростовщическое дело выводилось христианскими богословами за пределы отношений христианской общины и этически осуждалось как абсолютное зло. Ле Гофф писал: «Время лишь момент вечности. Оно принадлежит одному Богу и может быть только пережито. Овладеть временем, измерить его, извлечь из него пользу или выгоду считалось грехом. Урвать из него хоть одну частицу – воровством» [3, с. 155]. Необходимо уточнить, что по христианскому учению имманентное время, проживаемое земным человеком, не является моментом трансцендентной вечности. Текущее время противостоит вечности, как имманентное существование человека не тождественно трансцендентному Бытию. В приводимой цитате Ле Гофф дает позитивистское толкование соотношения времени и вечности в христианстве.

Христианская этика рассматривала ростовщика как аморального торговца деньгами, который торгует ожиданием присвоения денег в будущем и распоряжается временем, сотворенным Богом. Совершая кредитные операции, ростовщик по существу претендует на присвоение времени, которое сотворено Богом, но не принадлежит ростовщику. Христианство считает, что он крадет и использует в своих корыстных целях время, являющееся достоянием всех божественных творений. В своих трудах христианские теологи использовали идеи Аристотеля, который сравнивал ростовщиков с «держателями публичных домов». В 1179 г. католическая церковь ввела запрет на ведение ростовщического дела христианами. «В английской проповеди XIV в. можно прочесть, что Бог создал клириков, дворян и крестьян, а дьявол – бюргеров и ростовщиков, а немецкая поэма XII в. утверждала, что четвертый класс, класс ростовщиков („Wuocher“), правит тремя прочими» [Там же, с. 244].

Рост богатства купцов и ростовщиков в городах позднего Средневековья (XIII–XV вв.) привел к их консолидации в сословие бюргеров. Из них был сформирован высший слой богачей (нотабли), который контролировал формирования аппарата городского самоуправления. Позднее городские бюргеры получили название *буржуа*. Консолидация социально-экономических интересов городских бюргеров привела к формулированию их требований к монархии, светским феодалам и католической церкви относительно распределения власти и собственности в обществе. Уже в период позднего Средневековья (XII–XIII вв.) города стали благоприятным местом, где пышно расцвели антихристианские ереси катаров, альбигойцев и вальденсов. К сторонникам еретических сект принадлежали не только горожане, но и крестьяне, небогатые рыцари, знатные светские дворяне и духовные лица. Против еретиков римские папы организовывали крестовые походы (1209–1229), ведя кровопролитные Альбигойские войны (по названию центра ереси – города Альби) на юге Франции. В течение многих столетий медленно и постепенно в городском бюргерском сословии росли претензии к социально-экономическому могуществу и политической власти короля, крупных светских феодалов и католической церкви в лице римского папы.

3. Формирование протобуржуазного уклада в городах феодального общества

В Средние века говорили: «Городской воздух делает человека свободным». Города были средоточием новых хозяйственных форм, там производились ремесленные изделия, действовали ярмарки, осуществлялось торговое и финансовое посредничество, возникали новые религиозные, экономические, социальные и политические идеи. В городах Запада с XII в. стали возникать университеты, наследуя традицию монастырей, которые в раннем Средневековье являлись центрами богословия и философии. Церковь осознавала, что в городах чаще всего формировалась благодатная почва для ересей и сектантства. Сектантские утопии расшатывали католическое мирозерцание. Сектанты выдвигали радикальные проекты переустройства мира на противоположных христианству принципах, закладывая принципиально иную традицию толкования духовной связи человека с Абсолютом, перетолковывая понятие Бога-Троицы. В основании радикализма сектантских утопий лежал манихейский дуализм, непримиримо противопоставлявший материальный мир как источник зла духовному миру, как средоточию внеземного Космического Блага. Сектанты считали, что лишь немногие избранные (посвященные) знают истину. Широкое распространение радикальных утопий в Европе осуществлялось через деятельность различных религиозных сект, которые оказали значительное влияние на десакрализацию религиозного католического мирозерцания Средневековья. В центре разнообразных сектантских картин мира стоял не Бог, а человек, избавленный силой своей свободной воли от внутренних самоограничений. Противопоставляя свободу своей воли Богу, смертный человек утрачивал чувство греха. Средневековье породило множество сект,

к которым относятся братья свободного духа, апостольские братья, альбигойцы, катары, адамиты, анабаптисты, табориты. Секты строили свое мировоззрение на еретических идеях «прельщения тварью» и «пленения собственной личностью». На Западе в эпоху Возрождения (XIV–XVI вв.) происходит ренессанс языческого мировоззрения. Богословы и светские интеллектуалы окунулись в изучение античной языческой философии, что в немалой степени способствовало возникновению ересей.

Целью радикальных ересей было воплощение в жизнь утопии построения *Царства Божия* на земле для посвященных, которых избрал Бог, посредством установления общности имущества и жен. Сектантские учения об избранничестве касались только тех немногих посвященных, души которых, по их представлению, были сотворены «благим Богом». Радикальные утопии утверждали, что в душах избранных посвященных находится Бог, поэтому «чего хочет человек, того хочет и Бог». Амальрик де Бен в XII в. говорил: «Кто следует закону любви, тот выше греха». Сектантские ереси по существу обосновывали культ греховных человеческих страстей. Концепции сектантских утопий исходили из аксиомы, что зло по причине его вечной субстанциальности в материальном мире не могло быть устранено из него. Избранные Богом, и потому являющиеся посвященными, утверждают добро посредством ликвидации «зла», которое, по представлению сектантов, олицетворяла система духовной иерархии католической Церкви и светской иерархии государства феодального общества. Радикальное сектантство угрожало фундаментальным основам феодального миропорядка, поэтому жестоко преследовалось духовными и светскими властями.

Средневековый город являлся клятвенным союзом христиан, которые были спаяны католическим вероучением и скреплены социально-экономической солидарностью корпоративных интересов членов городской общины. Городская христианская община противопоставлялась чужакам, т.е. в первую очередь нехристианам (нехристям), жила обособленной жизнью относительно сельских крестьянских общин и светских феодалов. Первоначально города принадлежали феодалам, которые были их владельцами и покровителями. Однако в период позднего Средневековья города разными способами добивались самостоятельности, чаще всего покупая ее за деньги. В некоторых случаях им удавалось силой вырвать право на городское самоуправление из рук светских феодалов, используя покровительство королевской власти. Получив городские привилегии, горожане создавали органы городского самоуправления, выбирали своих магистратов. В средневековых городах возник специфический хозяйственный уклад, который формировало сообщество городских бюргеров. Их цели и интересы отличались от сословных целей и интересов светских феодалов и крестьян, живших сельскими общинами.

Под давлением растущих потребностей бюргерской экономики городов, обслуживавшей усложняющуюся структуру феодального общества, католическая церковь искала возможности богословской интерпретации канониче-

ского права для того, чтобы христиане могли обходить духовно-нравственные запреты при занятии ссудным делом. Фома Аквинский (1225–1274) с точки зрения христианской справедливости осуждал ростовщический процент как присвоение того, чего не существует по природе вещей. Тем не менее Фома учил, что процент – это денежная плата за риск, поэтому он является средством возмещения несправедливого убытка, причиняемого должником кредитору. Фома Аквинский сформулировал фундаментальное значение идеи справедливости и тем самым внес вклад в формирование западной концепции христианского персонализма, в которой давался ответ на вопрос, как католицизму найти способ приспособления к рынку. Идеи Фомы были восприняты его последователями по схоластической богословской традиции и послужили основанием для дальнейшей философской интерпретации процента на капитал европейскими мыслителями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бродель, Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм (XV–XVIII вв.) : в 3 т. / Ф. Бродель. – М. : Прогресс, 1988. – Т. 2 : Игры обмена. – 632 с.
2. *Поланьи, К.* Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги / К. Поланьи // Альманах: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – М., 1993. – Вып. 2, т. 1. – С. 10–17.
3. *Ле Гофф, Ж.* Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – М. : Прогресс-Академия, 1992. – 376 с.

Поступила в редакцию 12.04.2021

В. А. Баграёнок

**ЭТИКА ДИСКУРСА В ПОЛИТИКЕ
(РЕФЛЕКСИЯ ИДЕЙ Ю. ХАБЕРМАСА)**

Политика на сегодняшний день является одной из наиболее крупных и динамично развивающихся сфер человеческой жизни. Рассмотрение политики через призму взглядов Ю. Хабермаса вызвано прогрессивными взглядами философа. Его основная идея, касающаяся политического дискурса, состоит в «истинной власти» – в коммуникации, которая должна происходить в форме диалога. Особое видение политики Ю. Хабермаса состоит в оригинальном подходе философа, в который включают: герменевтико-феноменологическую методологию, идею «жизненного мира», применение коммуникативной рациональности с целью рационализации структур «жизненного мира», формирование общественного мнения и делиберативную политику.

Немецкий философ Юрген Хабермас – один из наиболее значительных представителей западной философии последней трети XX века [1, с. 5]. Творческий капитал Хабермаса внушительен: им написано около 30 книг, в которых наряду с собственно философскими рассматриваются вопросы ряда социальных и гуманитарных наук – социологии, культурной антропологии, правоведения, этики, психологии, лингвистики и других, при этом важнейшим стало то, что Хабермас описывал недостатки классических теорий, к примеру, критической теории [Там же].

Главный недостаток классической философии эпохи модерна Ю. Хабермас видит в монологичности (т.е. субъект-объектной направленности) ее исследовательской парадигмы, в ее претензиях на получение объективного научного знания о социальных процессах в результате индивидуальных усилий познающего субъекта. Взамен он предлагает диалогичный (т.е. не субъект-объектный, а межсубъектный, интерсубъектный) поиск истины в процессе социальной коммуникации, направленной на консенсус [2, с. 2]. Так как Хабермас не только является одним из наиболее авторитетных ученых в академической философии, но и одним из наиболее активных участников политических дискуссий в публичной сфере, его выбор на исследование политического концепта и коммуникации в ней пал не случайно [3, с. 256]. Хабермас разделял точку зрения немецко-американского философа Х. Арндт о том, что власть не есть результат насилия, а результат взаимодействия, диалога членов общества, нацеленного на взаимопонимание. Хабермас развил идеи рациональности такого диалога и задачи власти по сохранению подобной практики. Безусловно, все политические трактаты устремлены на анализ центральной политической категории – категории власти. Но Ю. Хабермас отстает от известного понимания М. Вебера, согласно которому власть – «способность индивида А заставить индивида В выполнять действия в своих интересах». Философу ближе подход вышеупомянутой Х. Арндт: «Власть – это способность граждан действовать ради общего блага, договорившись друг с другом в непринужденной коммуникации» [3, с. 265]. Главная функция

политической коммуникации, как известно – борьба за политическую власть на основе использования коммуникативной деятельности. Ю. Хабермас заостряет внимание на феномене истинно «главной власти» – не административной, а коммуникативной [4, с. 12]. Для Хабермаса (в этом он в значительной степени наследует Ясперсу с его «философской верой» в коммуникацию – это синтез философии и религии, которая сближает культуры [5, с. 111]) в центре осмысления фундаментальных проблем политики права – вопрос подлинной, неискаженной коммуникации. Так, философия политики и права в его размышлениях тесно переплетается с этикой, коммуникативистикой, теорией дискурса [3, с. 257].

Ю. Хабермас выделяет два типа властного действия: стратегическое и коммуникативное. В первичной оригинальной типологии действий Хабермаса 60-х гг. главной парой понятий были инструментальный и коммуникативный типы действия. Впоследствии он, пользуясь уже несколько иными критериями различения, выделил следующие четыре типа: стратегическое, норморегулирующее, экспрессивное (драматургическое) и коммуникативное действие. При этом *стратегическое действие* включает в себя инструментальное и «собственно стратегическое» действие [6]. Упоминая действия властного типа, Хабермас описывает стратегические действия как воздействие одной стороны на другую при помощи угрозы применения санкций или прорисовывает перспективы материального вознаграждения для того, чтобы принудить к взаимодействию. *Коммуникативное же действие* предполагает такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий в целях достижения согласия и признания значимости позиций обеих сторон [7, с. 191]. При этом он говорит не просто о коммуникации, а о коммуникативном действии как о фундаментальном типе социального действия. Данное понятие становится одним из центральных для всей хабермасовской теории коммуникации, которую в силу ее всеобъемлющего диалогического характера мы будем называть *диалогикой*. Под коммуникативным действием немецкий мыслитель понимает «взаимодействие как минимум двух способных говорить и действовать субъектов, вступающих (с помощью вербальных или невербальных средств) в межличностные отношения. Действующие субъекты ищут взаимопонимания относительно ситуации действия с целью взаимосогласованного координирования своих планов действия, а, следовательно, и своих действий» [7, с. 190]. Это определяет и исследование политической коммуникации. Герменевтико-феноменологическую методологию, разработанную Х.-Г. Гадамером, Э. Гуссерлем и др., Ю. Хабермас стремится применить в политическом анализе, используя ее в своей критической теории общества. Рассмотрим данный вопрос подробнее. Центральным для феноменологического подхода является понятие «*жизненного мира*». Э. Гуссерль определяет его как совокупность субъективных, непосредственных представлений людей о себе, окружающем мире, которые всегда изначально заданы в повседневном жизненном опыте, не в объективно заданных, а субъективных взглядах, нормах и ценностях людей, религиозных предпочтениях. Эти представления предшествуют научному опыту исследователей и не зависят от «каких бы то ни было научных... констатаций» [8, с. 3].

Хабермас интерпретирует субъективные смыслы «жизненного мира», которые сообщают участники диалога в стремлении достичь взаимопонимания, в отличие от подхода точных наук [9, с. 95]. По мнению Хабермаса, «жизненный мир» разделяется на две сферы: во-первых, это коммуникации, направленные на частные интересы, т.е. приватность, а во-вторых, это коммуникации, направленные на общие интересы, т.е. *публичная сфера*. Таким образом, публичная сфера понимается как сфера коммуникативного действия, направленного на общие интересы; это совокупность обыденных неприватных коммуникаций, противостоящих политической и экономической системам, которые интегрируются посредством власти и денег [10, с. 135].

Наряду с коммуникативным действием Ю. Хабермас использует еще одну категорию – «дискурс» [7, с. 191]. *Дискурс* – это семантически многозначный и лингвистически довольно расплывчатый термин, который в его политической философии практически полностью совпадает с диалогом. На это обстоятельство указывает целый ряд современных исследователей. Так, О. Ф. Русакова пишет: «По Хабермасу, дискурс представляет собой диалог, – согласование спорных притязаний на значимость с целью достижения согласия» [7, с. 192]. Философ различает «две формы коммуникации: коммуникативное действие (интеракция) – с одной стороны, дискурс – с другой. В первом случае значимость наивно предполагается смысловой связностью в целях обмена информацией, связанной с приобретенным опытом» [7, с. 191]. Во втором случае дискурс у Хабермаса конституируется коммуникацией, а не проблематизацией, как у Фуко. Не дискурс возникает по поводу проблемы, а проблемы репрезентируются дискурсом [10, с. 133]. В идеале дискурс по Ю. Хабермасу – это образец, модель выработки коммуникативной компетенции. Конкретные дискурсы могут быть более или менее успешными, но не исключены споры, обиды, несогласия (дисконсенсусы). Для Хабермаса важнейшее значение имеет сам факт актуальности дискурса или общественного диалога. Именно в нем коллективно вырабатываются правила совместного общежития людей, в том числе и в публичной сфере, где осуществляется политическая коммуникация и дискурс (диалог) власти и общества [7, с. 195]. Диалог требует соблюдения определенных неписаных и официально не закрепленных принципов (культуры диалога или регламента его проведения) со стороны всех участников, равенства и симметрии их дискурсивных позиций, возможности не только выслушать чужую, но высказать и аргументировать свою собственную позицию, возразить партнеру (оппоненту) по диалогу, затем вновь толерантно выслушать замечания или критику в свой адрес. «Участники диалога, стремящиеся преодолеть трудности понимания, могут в итоге прийти к удовлетворительному решению, потому что распределение в диалоге ролей “говорящего” и “адресата” всегда уже предполагает существование той глубинной симметрии, которая необходима для любых ситуаций вербального общения. Каждый компетентный “говорящий” участник диалога уже научился пользоваться системой личных местоимений; кроме того, он умеет обмениваться в разговоре перспективами первого и второго лица. В динамике такого взаимного обмена

перспективами и имеет свое основание процесс совместного создания горизонта значений, в котором обе стороны способны прийти... к intersубъективно разделяемой интерпретации» [7, с. 193].

Совокупность условий, обеспечивающих в ходе переговоров коммуникативный консенсус, обозначается понятием *этика дискурса*. Этика дискурса, по Хабермасу, характеризуется тем, что он формулирует четкие рациональные правила: ни одна из сторон, затрагиваемых предметом обсуждения, не должна исключаться из дискурса (требование общего блага); все участники должны иметь равную возможность предъявлять претензии на общезначимость и критиковать других (автономия); участники должны быть готовы и способны «вчувствоваться» (to empathize) в претензии других на общезначимость (принятие идеальных ролей); существующие между участниками различия в смысле обладания властью не должны оказывать воздействие на выработку консенсуса (нейтральность); наконец, участники должны открыто разъяснить свои цели и намерения (прозрачность) [3, с. 256]. В этой связи Хабермас рассматривает политику с точки зрения не функциональности, а этического подхода, обсуждения моральных норм общества, влияющих на осуществление политики. Как последователь И. Канта, он полагает, что общество должно по предписаниям разума определять нормы, правила. Этому служит дискурсивная этика. В отличие от подхода Парсонса, обсуждение ценностей, норм общества происходит не на уровне государственного аппарата, а в публичной сфере гражданского общества. Таким образом, Хабермас развивает *контрактуалистский подход*, предполагая, что государственный строй, его легитимность должны утверждаться не только государственной элитой, а рационально обсуждаться и определяться всем обществом. Также и нормативные основы, ценности общества должны «оправдываться» в обсуждениях граждан – этому служит коммуникативное действие. В контрактуализме отношения граждан основаны на взаимоуважении, основой для обсуждения также становится коммуникативный подход, предложенный Хабермасом [9, с. 99]. Ю. Хабермас рассматривает взгляды людей не только как существующие отдельно, но и как intersубъективно связанные в обществе, чему служит коммуникация, взаимопонимание. Он отвергает различие понятий *общность* и *общество*, чувство идентичности, приобщение к культурным ценностям для взаимопонимания людей происходит в intersубъективном жизненном мире. При усвоении знаний, традиций происходит социализация, далее воспроизводство культурных символов общества, за счет чего поддерживается общественная интеграция на социальном, а не на системном уровне, чему служит язык, общественность сознает себя как «языковое сообщество». Ученый критикует рационально-бюрократическую природу современных государств, в которой реализуется инструментальная рациональность, ее критерии – эффективность и целедостижение [9, с. 100].

Рассматривая этику дискурса в качестве инструмента публичной политики, Ю. Хабермас формулирует свою концепцию делиберативной или диалогической политики, построенной не на силе принуждения, не на

рыночной прагматике и экономическом расчете, а на диалоге, в основе которого лежат принципы взаимопонимания и признания политических притязаний всех сторон [7, с. 191]. Ю. Хабермаса интересует не субъект вообще (человек как таковой), а субъект направленной социально-политической активности, который может выступать в таких модальностях, как отдельный индивид, социальная группа и даже гражданское общество или социум в целом [7, с. 190]. *Делиберативность* (от *deliberation* ‘обсуждение’ [2, с. 6]), по мнению Ю. Хабермаса, представляет собой политическую установку, направленную на социальное и политическое сотрудничество, на открытость, готовность внимать разумным доводам других лиц так же, как своим собственным. Пространство публичной делиберативной коммуникации создает благоприятные условия для добросовестного обмена мнениями. Диалог мнений, вынесенный на общественно-политическую арену, обладает силой легитимации, поскольку в нем проявляется отношение граждан к существующей власти, а также политическая воля граждан, требующая своего воплощения в нормах закона и в административных практиках демократических государственных институтов. Делиберативная политическая практика рассматривается Ю. Хабермасом с позиции легитимации демократической дискурсивной процедуры, управляющей переговорным процессом и механизмом принятия решений [7, с. 191]. Демократия и право в его трактовке не просто внутренне взаимосвязаны (как в либертарной концепции В. С. Нерсесянца, где демократия и право предстают как равноценные составляющие свободы – ее институциональную и нормативную формы). *Демократия* у Ю. Хабермаса – это конституирующая основа права, которое выступает как продукт демократического, т.е. справедливого, в его понимании, дискурса. Права человека для него – это не только и не столько то, что обеспечивает возможность участия человека в процессе социальной и политической коммуникации, сколько продукт такого участия. Концепция демократии участия Ю. Хабермаса (демократии, ориентированной на максимально полное вовлечение в политический процесс выработки решений всех заинтересованных сторон на равных основаниях) базируется на специфической трактовке гражданского общества, в рамках которой «либералистское представление о гражданском обществе как сфере хозяйственного взаимодействия частных собственников уступает место модели добровольных ассоциаций, которые образуют центры политической коммуникации». Суть современной демократизации он видит в установлении нового «разделения властей» – не между государственными властями, «но между различными источниками интеграции общества» [2, с. 6].

Таким образом, Хабермас развивает оригинальный подход к политической коммуникации. Существенными чертами данного подхода являются: 1) герменевтико-феноменологическая методология при изучении коммуникации, в отличие от позитивистского подхода, раскрывающая качественный аспект коммуникации и глубинный смысл сообщаемого ее участниками; 2) нормы и ценности не задаются политической системой с целью легити-

мации, а рассматриваются и проясняются на уровне «жизненного мира» – субъективных ценностей и предпочтений граждан, посредством коммуникации в публичной сфере; 3) применение коммуникативной рациональности, коммуникативного действия способствует сохранению и рационализации структур жизненного мира. Благодаря этому становится невозможной «технизация» жизненного мира как совокупности подлинных норм, ценностей граждан в интересах политической системы. Это защищает суверенитет, сознание личности, охраняемой от манипуляции со стороны государственной и экономической подсистем, и способность к рациональному суждению и действию; 4) формирование общественного мнения в «публичной сфере» поддерживает основы демократии, не давая перейти к авторитарно-технократическому управлению. Вместе с преимуществами подхода Ю. Хабермаса необходимо отметить, что им недостаточно полно представлен анализ конкретных политических институтов, служащих поддержанию коммуникации и делиберативной демократии. Поэтому проведение прикладного исследования представляется важной задачей. Однако противоречия между идеалами теории демократии, определением подлинного общественного мнения и пониманием политической коммуникации в системном подходе были преодолены в его теории. Существование принципов «неискаженной» политической коммуникации и формирование подлинного общественного мнения объясняет теория коммуникативного действия, служащая осуществлению делиберативной демократии [9, с. 103].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фурс, В. Н.* Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса / В. Н. Фурс. – Минск : ЗАО «Экономпресс», 2000. – 224 с.
2. *Лапаева, В. В.* Политико-правовая концепция Ю. Хабермаса (с позиций либертарного правопонимания) [Электронный ресурс] / В. В. Лапаева. – Режим доступа: http://www.igpran.ru/public/publiconsite/Lapaeva.Polit_prav_konc_Habermasa.pdf. – Дата доступа: 06. 04. 2021.
3. Диалог как восприятие Другого в политике / А. О. Зиновьев [и др.] // *Власть*. – 2020. – Т. 28. – № 4. – С. 263–270.
4. *Хабермас, Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука (Сер. «Слово о сущем»), 2001. – 417 с.
5. *Кцоева, С. Г.* Философская вера или о смысле религиозных воззрений Карла Ясперса / С. Г. Кцоева // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 6 (12): в 3-х ч. Ч. II. – С. 107–111.
6. Основные понятия и идеи теории коммуникативного действия Хабермаса [Электронный ресурс] / *История философии: Запад-Россия-Восток (книга четвёртая. Философия XX в.)*. – М. : «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1999. – 448с. – Режим доступа : <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000197/st079.shtml>. – Дата доступа : 11. 04. 2021.

7. Зайцев, А. В. Юрген Хабермас и его диалогика: понятие и сущность / А. В. Зайцев // Вестн. КГУ, 2012. – № 5. – С. 190–196.
8. Линде, А. Н. Значение коммуникативного подхода Ю. Хабермаса в развитии современной теории политической коммуникации / А. Н. Линде // Общество: политика, экономика, право, 2016. – № 2. – С. 53–57.
9. Линде, А. Н. Подход Ю. Хабермаса к теоретическому изучению политической коммуникации / А. Н. Линде // Вестн. Моск. Ун-та. – Сер. 7. Философия. – 2015. – № 5. – С. 91–104.
10. Зиновьев, А. О. Роль дискурса в организации политических позиций / А. О. Зиновьев // ЖССА, 2003. – № 4. – С. 130–144.

Поступила в редакцию 30.04.2021

А. М. Захаров, Е. С. Савельева

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ ИНТЕГРАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА: ФАКТОР «РАЗУМНОЙ СИЛЫ»

В статье рассмотрено использование стратегии «разумной силы» как фактора оптимизации защиты национальных интересов Республики Беларусь в процессе реализации принципа многовекторности ее интеграционных усилий и возможностей в современном мире с учетом диалектики интересов и ценностей, свойственной белорусской модели синтеза суверенитета и интеграции. Определено, что единой платформой для осуществления данной стратегии является цивилизационный код, свойственный белорусской нации. Раскрытие возможных приоритетов в использовании Беларусью «разумной силы» позволило обосновать тезис, что ее применение представляет собой оптимальный вариант использования Беларусью как государством с ограниченными геополитическими возможностями своего влияния в международных отношениях на основе принципа равноудаленности от блоков, коалиций, сверхдержав.

Эффективность национальной безопасности, стабильного развития, государственного суверенитета Республики Беларусь во многом зависит от адекватных объективной реальности концептуальных предпосылок и оснований. Однако реальность противоречива, и те законы, которые ее обуславливают, в конечном счете, не имеют иной реальности, кроме как в приближении, в тенденции, но не в непосредственной действительности. Это происходит отчасти потому, что их действие перекрещивается с одновременным действием других законов: одни из этих законов перспективны, другие требуют минимизации, и это проблема выбора между альтернативами, а также проблема превентивного управления.

Этот императив обретает новый смысл в условиях современных процессов глобализации и регионализации мира. Все более развивается *стратегия «разумной силы»*. Это понятие означает синтез «твердой» и «мягкой силы». «Твердая» и «мягкая сила» находятся во взаимозависимости и нуждаются друг в друге. Обе формы силы имеют в принципе равновесную страте-

гическую значимость и должны учитываться в равной мере. Отныне позиции государств в мире обусловлены прежде всего их геоэкономическим и геокультурным весом и влиянием, что приводит к формированию многомерного, взаимосвязанного мира [1, с. 39–40].

Всякий союзник – партнер, но далеко не всякий партнер – союзник. Иначе ими были бы едва ли не все субъекты международных отношений. К тому же союзников объединяют не только сходные интересы и общие цели, но и единые ценности, смыслы сотрудничества. Для нашей темы перво-степенный интерес заключается в том, чтобы выяснить диалектику интересов и ценностей, свойственную белорусской модели синтеза суверенитета и интеграции, с позиции именно защиты национальной безопасности, национальных интересов Республики Беларусь. Признаки такой модели можно заметить в политической практике государств, которые борются за сохранение собственного «Я» в мировой системе, ощущают себя достойными своего будущего. Среди развитых стран – это Канада, Норвегия, Япония. Основа такой модели – оптимизация защиты национальных интересов Республики Беларусь в процессе реализации принципа многовекторности ее интеграционных усилий и возможностей в современном мире. Оптимизация защиты этих интересов должна осуществляться в рамках использования нашей страной стратегии «разумной силы». Единой платформой для ее реализации может выступить цивилизационный код, свойственный белорусской нации. *Цивилизационный код* – это строго фиксированный набор доминирующих в обществе, в том числе в конкретном этносе генетических и социальных знаков, ценностей и символов, устойчивый комплекс формальных и неформальных признаков и правил, норм и установок трансляции и сохранения исторической памяти народа, его поведенческих форматов и знаний, благодаря которым социальный опыт и смысл жизни, взгляды и традиции, умения и навыки, формы общения и социальные уклады передаются от поколения к поколению, являются источником жизненных планов, стратегий и перспектив развития, формируют комплекс ролей и статусов, способных стать основой для сохранения и развития цивилизационных отношений. Уникальность цивилизационного кода, свойственного определенному этносу, заключается в том, что он детерминирует историческое понимание прошлого, порождает определенное отношение к современной социальной реальности и направляет создание моделей будущего общества [2, с. 214]. Для успешного продвижения вперед любого социума, любого государства необходим комплексный анализ взаимосвязи, характера и динамики развития политических и социально-экономических структур, социальных слоев населения в качестве системообразующих элементов цивилизационного кода, в рамках которого реализуется этническая специфика во всем ее разнообразии, формирование исторически и культурно адаптированных моделей национального развития.

По нашему глубокому убеждению, применение «разумной силы» в контексте приведенных выше соображений относительно цивилизационного кода представляет собой оптимальный вариант использования Беларусью как государством с ограниченными геополитическими возможностями своего

влияния в международных отношениях. Стратегия «разумной силы» – наиболее выгодный бонус для роста в перспективе европейской значимости Беларуси. Страна владеет ее необходимыми составными частями, чтобы повышать собственную эффективность, способность к стратегическому выбору и маневру, выгодной интеграции с мировыми центрами – даже независимо от своего геополитического веса. Разработав и удачно апробировав стратегию «разумной силы», Республика Беларусь в реальности смогла бы реализовать принцип равноудаленности от блоков, коалиций, сверхдержав.

Можно выделить ряд возможных приоритетов в использовании Беларусью стратегии «разумной силы». В первую очередь речь идет о перспективах развития белорусской идентичности в условиях интеграционных процессов. Здесь необходимо отметить особую экспликацию принципа «социальных эстафет», общественно-политической преемственности в историко-культурном процессе и национально-государственном строительстве. «Издержки» национального самосознания, связанные с пробелами в образовании и воспитании, компенсируются интуитивным выстраиванием типичного образа белоруса и самой белорусскости, соответствовать которому хотел бы среднестатистический житель страны. Это достаточно обнадеживающая тенденция, свидетельствующая об отсутствии в общественном сознании завершенного «стандарта» белорусской идентичности, но в то же время – связанная с ситуацией активного формирования этнонационального самосознания и поиска соответствующих принципов идентификации.

В таком контексте нужно иначе взглянуть на стереотипы белорусской «тутэйшнасці», на философию территориального и духовно-культурного положения Беларуси между Западом и Востоком с учетом ценностей планетарного единства, взаимодействия и взаимообогащения культур, стратегии коммуникативного партнерства. Можно много говорить о национальных особенностях восприятия исторического прошлого, правилах дискурсов идентичности и парадигмах самопонимания и представления исторического опыта. Однако действительная и непреходящая парадигма любого конкретного опыта, будь то человека или целой нации, состоит в том, чтобы заботиться о подлинном масштабе единой духовной Европы.

С толерантностью, упорством и трудолюбием выстоять перед натиском глобализации на этническую самобытность вполне возможно. Можно предположить, что белорусы должны еще больше культивировать данные качества и довести их до совершенства, они вполне соответствуют вызовам современности. Кроме того, у белорусского этноса достаточно сформирована и национальная гордость. Однако, по нашему мнению, такие качества, как «памяркоўнасць» и умение терпеть отнюдь не всегда можно расценить как положительные, особенно в контексте современного мирового развития. Белорусам следует создавать будущее, в котором как мировое сообщество, так и сами белорусы будут четко понимать, кто они есть. Представляется, что и руководству Республики Беларусь в контексте глобализационных вызо-

вов и интеграционных процессов следует развивать стратегическую линию на укрепление сильных качеств нации и избавление от слабых. Задача представляется вполне реальной.

Весьма перспективным представляется также следующий весьма широкий спектр шагов страны для повышения собственного политического влияния, роста регионального авторитета в контексте использования «разумной силы»:

- оздоровление демографической ситуации, что повысит ее притягательность для качественной иммиграции;
- укрепление энергетической безопасности белорусского государства;
- структурная, интеллектуальная и технологическая модернизация национального информационного пространства;
- актуализация способностей к осуществлению информационной безопасности Республики Беларусь;
- совершенствование системы национальной собственности в целях повышения авторитета страны в экономической и гуманитарной сферах;
- национально-политическая консолидация как средство сближения ментальной ориентации белорусов, геополитической устойчивости государства и способности подтягиваться к уровню передовых стран мира;
- повышение влияния белорусского языка как фактора национальной консолидации и преобразования внутреннего мира белорусской нации;
- гармонизация состояния регионального исторического самосознания белорусов.

Приоритетным направлением в использовании стратегии «разумной силы» является обеспечение эффективности рынка труда в нашей стране в контексте ее интеграционных возможностей. Здесь важно отметить необходимость проведения сбалансированной политики регулирования трудовых отношений, учитывающей не только национальную специфику, но и интеграционные процессы. Политика жесткого протекционизма и защиты национального рынка труда в условиях глобализации в большей степени ориентирована на достижение краткосрочных, тактических целей. Она позволяет временно защитить рабочие места и занятость, обеспечить дополнительные конкурентные преимущества отечественных товаров на текущих рынках. Но она не может быть принята в качестве стратегического и долгосрочного ориентира, так как сопровождается ухудшением структуры рабочих мест, снижением их качества и заработной платы. В конечном счете, это негативно воздействует на национальный рынок труда, способствует оттоку работников в другие страны. Поэтому регулирование данного рынка в условиях развития интеграционных процессов должно предусматривать: минимизацию и отказ от принимаемых жестких протекционистских мер по защите рабочих мест за исключением узких зон защиты определенных по научно обоснованным критериям и соответствующим целям национальной безопасности и социального мира; содействие повышению конкурентоспособности отечественных

производство; повышение качества и конкурентоспособности рабочей силы; развитие институционального строения рынка труда и обеспечение экономической эффективности занятости.

Важным направлением в стратегии использования «разумной силы» Беларусью является развитие интеллектуальной составляющей в содержании экономики знаний, понимание инноваций как глобальной, сложной, динамической и нелинейной системы, что позволяет сформулировать новые направления политики, опирающиеся на интеграционный потенциал белорусского государства и способствующие инновационному прорыву, инвестициям в человеческий и особенно в интеллектуальный капитал, как основы национальной инновационной системы. Среди этих направлений можно выделить следующие:

- постоянный рост доли расходов на НИОКР и образование в национальном ВВП;
- повышение социального статуса научных и высококвалифицированных кадров;
- развитие академической мобильности, обеспечение участия белорусских научных и научно-образовательных организаций в международных технологических и исследовательских проектах;
- активное участие в формировании единого научного пространства в рамках региональных союзов;
- селективную миграционную политику по привлечению в страну научных кадров и высококвалифицированных специалистов;
- эффективное взаимодействие с зарубежными учеными-соотечественниками.

Большое значение при использовании «разумной силы» по защите национальных интересов Республики Беларусь в контексте ее интеграционных усилий имеет развитие проектно-ориентированного управления государственных органов в рамках участия нашей страны в интеграционных объединениях. При этом всегда должна быть ясна основная цель подобного управления – создание эффективного инструмента подготовки и практического осуществления национальных программ, программ в рамках интеграционных объединений, а также международных программ и проектов, наилучшим образом обеспечивающих заданные руководством страны темпы и результаты социального и экономического развития. Для достижения указанной цели проектно-ориентированное управление государственных органов власти в Республике Беларусь в пространстве интеграционных объединений может решить задачи:

- определения приоритетных направлений развития государственных участников интеграционного объединения, отражающихся в государственных программах в рамках интеграционных объединений и международных проектах;
- установления стратегических целей и определения ожидаемого результата для Республики Беларусь от реализации программ в рамках интеграционных объединений и международных проектов;

- согласования характера участия Республики Беларусь в программах в рамках интеграционных объединений, определения потенциальных рисков такого участия;
- инициирования форм участия Республики Беларусь в рамках интеграционных объединений путем формирования национального портфеля программ и проектов;
- прогнозирования результатов и последствий участия Республики Беларусь в международных программах интеграционных объединений, в которые она включена;
- осуществления управления операционной деятельностью при реализации программ участия Республики Беларусь в рамках интеграционных объединений;
- внедрения унифицированных стандартов проектно-ориентированного управления государственных органов власти в рамках требований, предъявляемых к участникам интеграционных объединений, в которые включена Республика Беларусь.

При условии выполнения вышеперечисленных задач проектно-ориентированное управление государственных органов власти в рамках участия Республики Беларусь в многовекторных интеграционных объединениях будет способствовать повышению эффективности данного участия, эффективности использования ресурсов в процессе реализации интеграционных проектов, привлечению дополнительных инвестиций для осуществления тех из них, которые особо значимы в контексте национальных интересов Республики Беларусь.

Учитывая, что Беларусь испытывает геополитическое воздействие двух региональных центров – ЕС и ЕАЭС – императивом во внешнеполитической сфере является осуществление сбалансированных действий, учитывающих исторические традиции, национально-государственные интересы и основные тенденции мирового развития. Эти усилия направлены на прекращение геополитического соперничества в европейском регионе, предотвращение военной эскалации, на координацию действий в борьбе с терроризмом, действий по регулированию миграционных процессов, обеспечению кибербезопасности, реализации идеи неконфронтационного сотрудничества различных интеграционных моделей, призванного содействовать стабильному, устойчивому развитию Европы. Как раз в координаты «разумной силы» и вписывается участие государства во внешнеполитической командной игре в системе европейских отношений. Основной геополитической особенностью Республики Беларусь в этой системе является то, что она вынуждена практически играть как бы в двух командах, причем по различным «нотам», поскольку имеет с Россией и Евросоюзом ассиметричные отношения. Стержень эффективности белорусской геополитической линии: найти баланс во взаимоотношениях с Российской Федерацией и Западом, предотвратить возможность

включения Москвой собственных реинтеграционных козырей, преимущественно экономических и культурно-цивилизационных. Для укрепления национальной безопасности Беларуси важно гибкое сочетание поддержки со стороны ЕС с союзными отношениями между Беларусью и Россией. Любой иной вариант нежелателен; помимо всего, он в несколько раз повысил бы нестабильность в регионе Центральной и Восточной Европы [3].

Как резюме можно отметить: и ЕС, и Россия воспринимают Беларусь как страну с геополитическим потенциалом, имеющим возможность влиять на европейские процессы. Практическая же реализация этого потенциала возможна только при осуществлении следующих компонентов стратегии «разумной силы» – действительного сотрудничества как с ЕС, так и с Россией по проблемам совершенствования политической системы государства, национально-политического оздоровления, укрепления национального информационного пространства и продуманной тактики компромиссов, которые приводили бы к избеганию конфронтации с главными центрами силы в Европе.

Все вышеприведенные соображения приводят к следующему выводу: с высокой степенью вероятности использование Беларусью стратегии «разумной силы» в международных отношениях (и прежде всего опять-таки в Европе) приводит к реализации такого типа внешнеполитического поведения, как потенциальный или отложенный нейтралитет, что во многом способствует строительству эффективного государства. Если в целом дефиниции нейтралитета присущи определенная правовая многозначность и нечеткость, то нейтралитет отложенный предполагает значительное поле для внешнеполитического маневра, позволяет многонациональной Беларуси формировать собственную, отличную от других стран идентичность. Республика Беларусь – состоявшееся государство, реализующее творческую ситуативную комбинацию различных поведенческих стратегий. Белорусский нейтралитет уже имеет свою собственную, хотя и короткую историю. Стремление к нейтральному статусу позволит преодолеть сложившиеся внешнеполитические стереотипы, сформировать новый внешнеполитический имидж. Такой путь отвечает ментальности белорусов, способствует легитимизации власти в глазах мирового сообщества. Стремление к нейтральному государству может стать уникальным проектом Беларуси. Трудно обозначить временные рамки, когда осуществление внешнеполитических приоритетов белорусского государства приведет к реальному нейтральному статусу. Выбор курса на нейтральный статус являлся бы стратегическим решением, принимаемым в существующих условиях неопределенности. Данный курс не направлен на изоляционизм, он не препятствует участию Беларуси в разнообразных интеграционных образованиях, а формирование национальной идентичности идет в русле общечеловеческих ценностей. Нейтралитет может стать характерной чертой белорусской идентичности, важнейшим фактором достижения национальной конкурентоспособности и консолидации нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Левяш, И. Я.* Стратегические приоритеты Республики Беларусь в структурах евразийской интеграции / И. Я. Левяш // Беларусь в условиях глобализации и интеграции: Материалы Междунар. Науч. конф. (Минск, 24–25 октября 2013 г.). Министерство образования, Белорусский национальный технический университет, Министерство иностранных дел Республики Беларусь; редкол.: В. А. Бобков (гл. ред.) – М. : БНТУ, 2013 – С. 39–40.
2. *Котляров, И. В.* Цивилизационный код как социально-политическая модель будущего / И. В. Котляров // Белорусская политология: многообразие в единстве: Материалы IX междунар. науч.-практ. конф. (Гродно 2020 г.). В 2 ч. Ч. 1 / Ин-т филос. Нац. акад. Наук Беларуси, Гродн. гос. ун-т. им. Я. Купалы; редкол.: В.Н. Ватыль (гл. ред.) – Гродно : ГрГУ, 2020 – С. 214–217.
3. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://house.gov.by/ru/official-documents-ru>. – Дата доступа : 11.02.2020.

Поступила в редакцию 07.04.2021

И. В. Ковалева

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК СРЕДСТВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ

В статье рассматриваются проблемы использования культуры в качестве инструмента внешней политики государств. Анализируется понятие *культурная дипломатия* и связанные с ним понятия *публичная дипломатия*, *народная дипломатия*, *внешняя культурная политика*, *мягкая сила*. Отмечается, что важнейшими целями культурной дипломатии являются формирование позитивных представлений о стране и ее ценностях, продвижение языка, культуры; привлечение людей в страну для туризма и получения образования; привлечение иностранных инвестиций и политических союзников. В качестве примера стран, использующих средства культурной дипломатии, автор приводит Францию и Россию, накопивших достаточный опыт в распространении своего языка, культуры, традиций по всему миру.

В современном глобализирующемся мире возрастает роль культуры во внешнеполитической деятельности государств. Культура все активнее используется в качестве инструмента внешней политики. Культурное воздействие в сравнении с политическим, экономическим, военным обладает такими преимуществами, как возможность влияния на общественное мнение и формирование положительного образа своей страны и народа, разрушение существующих стереотипов и предрассудков, установление доверительных отношений, упрощение коммуникации людей из разных стран: «Культурная дипломатия становится важнейшим элементом реализации внешней политики в современ-

ном мире и позволяет наиболее эффективным образом решать задачи обеспечения национальных интересов, сохранения национальной идентичности и культурного многообразия в условиях глобализации...» [1, с. 22].

Возможности использования культуры как инструмента внешней политики и соответствующий научно-методологический аппарат еще недостаточно разработаны. Активное практическое использование культурной дипломатии опережает научную проработанность данного феномена. Понятие *культурная дипломатия* требует уточнения понятия *культура*. В контексте культурной дипломатии культура включает как «высокую» культуру (искусство, литература), так и материальные, духовные, интеллектуальные особенности общества (традиции, обычаи, убеждения, система ценностей). Именно эти составляющие культуры и стремятся демонстрировать государства мировой общественности в процессе реализации культурной дипломатии.

Культурная дипломатия – это «совокупность методов и средств, разрабатываемых и реализуемых в целях решения внешнеполитических задач с использованием достижений отечественной культуры и возможностей межкультурного взаимодействия» [1, с. 24].

На современном этапе «профессиональная дипломатия становится инструментом межкультурной коммуникации. В свою очередь, межкультурная коммуникация и есть дипломатия в широком смысле этого слова, дипломатия, которая вершится как государственными и межгосударственными дипломатическими структурами, так и негосударственными акторами» [1, с. 23].

Расширение использования культуры как инструмента внешней политики государства привело к появлению термина *внешняя культурная политика*, под которой понимают «систему мер, направленных на использование достижений культуры и возможностей межкультурного взаимодействия для решения внешнеполитических задач государства» [1, с. 24].

Таким образом, отношение между культурной дипломатией и внешней культурной политикой государства можно рассматривать как отношение между «системой мер, обеспечивающих достижение внешнеполитических целей и совокупностью используемых при этом методов и средств» [1, с. 24].

Некоторые российские исследователи предлагают использовать более широкое понятие *гуманитарное влияние*, «определяемое как воздействие на внешнюю и внутреннюю политику целевой страны через посредничество общественных групп и институтов... Понятием более высокого уровня выступает гуманитарная политика, которая объединяет *влияние* как одностороннее воздействие и *сотрудничество* как взаимодействие на основании общих целей между несколькими субъектами» [2, с. 7]. Гуманитарная политика на современном этапе охватывает значительно более широкий спектр видов деятельности или каналов влияния, не ограничиваясь только культурным влиянием. Речь идет о и научно-техническом влиянии (оказание технического содействия, передача технических стандартов и создание инфраструктуры), экономическом влиянии (оказание материальной помощи, предоставление

связанных кредитов), политическом влиянии (продвижение политических решений, улучшение имиджа, использование агентов влияния в политических элитах) и т.д. На практике эти каналы и их инфраструктуры часто переплетены.

Наряду с термином *культурная дипломатия* используется понятие *публичная дипломатия*. Под публичной дипломатией понимается процесс, посредством которого субъекты международных отношений достигают внешнеполитических целей, оказывая воздействие на иностранную общественность. Публичная дипломатия открыта для общественности и противопоставляется тайной дипломатии. Культурная дипломатия может рассматриваться как вид публичной дипломатии, которая направлена на развитие и поддержание взаимодействия с другими странами в сфере культуры и образования с целью создания привлекательного образа государства за рубежом.

Близким к публичной и культурной дипломатии является термин *народная дипломатия*, под которой подразумевается международная деятельность общественных организаций, учреждений науки, образования, культуры, местного самоуправления, деловых кругов, а также частных лиц, направленная на развитие и укрепление дружественных отношений, научных, культурных и иных связей между общественностью разных государств.

Важно отметить различия в понимании и использовании описанных выше терминов в разных странах. Например, во Франции употребляются сразу несколько терминов: *внешняя культурная деятельность*, *внешняя культурная политика*, *международная культурная политика*, *культурная дипломатия*. В Великобритании и США используются термины *культурная дипломатия* или *публичная дипломатия*. Для Китая более характерен термин *народная дипломатия*. Немецкие ученые считают, что на достижение политических задач и пропагандистских целей может быть направлена исключительно внешняя культурная политика государства. В российской науке идут дискуссии относительно тождественности понятий *культурная дипломатия* и *внешняя культурная политика*.

В политической практике и науке культурную дипломатию рассматривают как основополагающий компонент «*мягкой силы*», которую автор термина – американский политолог Дж. Най – характеризует как «способность влиять на то, чего хотят другие страны, связанную с нематериальными ресурсами, такими как культура, идеология и институты». По его мнению, «*мягкая сила*» является одним из трех источников власти наряду с военным и экономическим принуждением, для которых он использует общий термин «*жесткая сила*» [3, с. 160]. По мнению Дж. Най, использование таких инструментов «*мягкой силы*», как язык, культура, национальные ценности дает возможность государству добиваться желаемых результатов.

В настоящее время практически все государства стремятся включить культурную дипломатию в свою внешнеполитическую стратегию. Для реализации задач культурной дипломатии создаются специальные институты

с разветвленной сетью зарубежных представительств, деятельность которых координируется дипломатическим ведомством или непосредственно правительством.

Важнейшими целями культурной дипломатии являются повышение осведомленности о стране; формирование позитивных представлений о стране и ее ценностях; привлечение людей в страну для туризма и получения образования; продвижение товаров за рубежом; привлечение иностранных инвестиций и политических союзников. Субъектами культурной дипломатии являются как правительства и органы государственной власти, так и общественные организации и граждане. Основными институтами культурной дипломатии являются культурные центры за рубежом, которые в своей деятельности используют следующие инструменты: проведение конференций и выставок; организацию гастролей известных деятелей культуры и искусства; проведение «Дней культуры»; организацию языковых курсов; реализацию совместных межгосударственных образовательных программ, ретрансляцию телевизионного вещания, издание книг. Главная цель данных мероприятий – познакомить зарубежное общество с культурой страны, обеспечить понимание и благоприятные условия для дальнейшего взаимодействия.

В зависимости от особенностей реализации внешней культурной политики государств в современных международных отношениях используются различные модели воплощения культурной дипломатии. Для первой модели характерна достаточно жесткая координация деятельности структур и учреждений в зарубежных странах со стороны государства. Данная модель культурной дипломатии осуществляется Китаем, Россией, США. Такие страны, как Германия, Италия, Япония в реализации культурной дипломатии исходят из того, что правительственные органы косвенно регламентируют международную культурную деятельность, но имплементацией государственных решений в жизнь должны заниматься как государственные, так и неправительственные общественные институты. Финансирование деятельности таких организаций в пределах отведенной для них компетенции осуществляется государством. В современных условиях происходит сближение моделей: страны, придерживающиеся централизованной модели, постепенно отходят от нее, предоставляя определенную автономию своим зарубежным структурам и все чаще привлекают к внешней культурной деятельности негосударственные структуры.

В качестве примера осуществления разных вариантов культурной дипломатии обратимся к опыту Франции и России.

Франция, являясь одной из основоположниц современной мировой дипломатии, наработала огромный опыт использования инструментов культурной дипломатии в достижении своих национальных интересов и внешнеполитических целей. Для усиления своего влияния в мире французское государство всегда стремилось сделать свои ценности, идеи, цели и приоритеты притягательными для других народов.

Истоки современной культурной дипломатии связаны с созданием специализированного культурно-дипломатического учреждения «Альянс Франсез», основанного в Париже в 1883 г., и действующего до настоящего времени. Главной его целью было продвижение французского языка и культуры за рубежом. «Альянс» является неправительственной организацией, но на практике его деятельность координируется Министерством иностранных дел, которое является центральным институтом всей французской культурной дипломатии. Государство долгое время являлось и основным источником финансирования данного направления внешней политики. Так, в конце XX в. бюджет Генеральной дирекции по культурным, научным, техническим связям составлял 35 % бюджета МИД, или 5,3 млрд. франков. В 2008 г. бюджетные расходы на внешнюю политику страны составили 800 млн евро [4, с. 45–47].

Однако данная модель организации культурно-гуманитарного направления внешней политики перестала быть эффективной и в силу изменения тенденций развития международных отношений, и в силу раскоординированности деятельности многочисленных участников внешнекультурного направления, и в XXI в. претерпела изменения. Целью реформы стало формирование вертикали для лучшей координации проводимых мероприятий и экономии бюджетных средств.

Согласно реформе, Министерство иностранных дел сохранило за собой функцию института стратегического планирования культурно-гуманитарного направления. Для ее реализации в МИДе Франции была создана Генеральная дирекция глобализации, развития и партнерства. Кроме того, были созданы операторы, которые должны выполнять роль посредника между задействованными министерствами и ранее существовавшими структурами внешнекультурной деятельности. В каждой стране, где Франция имеет дипломатическое представительство, созданы финансово автономные учреждения, объединяющие культурные службы, культурные центры и центры для учебы во Франции. Главой такого учреждения является культурный советник посольства.

В 2010–2015 гг. были созданы такие операторы, как Французский институт, «Кампус Франс», «Франс Медиа Монд», Французское агентство развития, Агентство по преподаванию французского языка за границей, «Бизнес Франс», которые курирует Генеральная дирекция глобализации, развития и партнерства МИД. Операторы являются общественными учреждениями промышленного или коммерческого назначения и должны разрабатывать свои планы работы, на основе которых заключать трехлетние договоры с государственными министерствами и исполнителями. Договоры готовятся министерством иностранных дел и иными заинтересованными министерствами, в них определяются цели, средства их достижения, план реализации, финансирование и инструменты контроля деятельности оператора.

За различными операторами закреплены определенные направления деятельности. Французский институт, опираясь на сеть культурных учреждений за границей, призван способствовать распространению французской культуры. Работа института подведомственна Министерству культуры, также к его

работе подключается Министерство образования и Альянс Франсэз. За время своей работы Французский институт сумел консолидировать культурные сети и продемонстрировал эффективность новых принципов культурно-гуманитарной внешней политики. Французский институт осуществляет свою работу в 93 странах мира.

«Кампус Франс» занимается организацией студенческих обменов. Эта структура поддерживает контакты с 358 высшими учебными заведениями и исследовательскими центрами. Данный оператор предоставляет информацию о возможностях получения высшего образования для иностранцев во Франции и оказывает им помощь в прохождении административных процедур, также сопровождает выпускников французских высших учебных заведений. Будущий студент может подать заявку через сайт, далее местное отделение «Кампус Франс» вместе со службой по сотрудничеству и культуре посольства проверяет поданные документы, проводит собеседование на предмет мотивации и владения французским языком. Бюджет «Кампус Франс» на 2018 г. составил около 192 млн евро, из них почти 65 млн евро направлено на выплаты стипендий иностранным студентам. При назначении стипендий приоритет отдается уровню магистра и доктора, в основном представителям развивающихся стран [4, с. 52].

«Франс Медиа Монд» ориентирован на продвижение французской культуры и языка путем распространения телевизионных и радиопередач, телекоммуникационных средств. В 2016 году бюджет холдинга «Франс Медиа Монд» составил 264 млн евро [Там же].

Агентство по преподаванию французского языка за границей призвано предоставлять образование французским детям за границей и распространять французский язык и культуру. Агентство осуществляет организацию работы сети французских зарубежных учреждений образования, их сертификацию и выполнение учебных программ. В настоящее время почти 500 таких учебных заведений принимают 350 тыс. школьников в различных странах мира. Объем государственного финансирования Агентства по преподаванию французского языка достигает почти 400 млн евро [4, с. 54].

Оператор «Экспертиз Франс» – Французское агентство международной технической экспертизы – создано с целью продвижения технической помощи и международной французской экспертизы за рубежом.

Французское агентство развития осуществляет поддержку и финансирование развивающимся странам в решении таких проблем, как экономический рост, борьба с бедностью, защита окружающей среды и т.д. В 2018 г. Франция выделила на поддержку развивающихся стран по линии Агентства развития 9,7 млрд евро.

Деятельность оператора «Бизнес Франс» сосредоточена на оказании помощи в продвижении французских предприятий за рубежом, сопровождении зарубежных проектов среднего и малого бизнеса. Данное агентство имеет 93 отделения в 64 странах, еще в 49 странах работают его партнерские структуры. Бюджет «Бизнес Франс» в 2017 г. составил 200 млн евро [Там же].

Таким образом, в осуществлении культурной дипломатии Франции главенствующая роль принадлежит Министерству иностранных дел в лице Генеральной дирекции глобализации, развития и партнерства, осуществляющей выработку приоритетов культурно-гуманитарной составляющей внешней политики, координацию деятельности различных министерств и государственных операторов.

Другим примером использования культурной дипломатии как средства внешней политики является опыт Российской Федерации. Культурная дипломатия современной России во многом продолжает традиции СССР. По-прежнему осуществление культурной дипломатии поставлено на государственный уровень. За государством сохранилась ведущая роль в поддержке, пропаганде и продвижении национальных культурных достижений за рубежом. С этой целью привлечены дипломатические органы, которые осуществляют контроль и координацию всех задействованных в реализации внешней культурной политики структур, правительством выделяются средства из государственного бюджета. В последние годы в данную сферу все активнее стали включаться полугосударственные и частные фонды.

Реализация внешней культурной политики России возложена на Россотрудничество (Федеральное агентство по делам Содружества Независимых государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству), подведомственное Министерству иностранных дел РФ.

Важную роль в реализации культурной дипломатии играют такие структуры, как Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, Постоянное представительство Российской Федерации при ЮНЕСКО, Комитет по Всемирному наследию, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, Международный фонд гуманитарного развития сотрудничества государств-участников СНГ (МФГС), Российский комитет по сохранению нематериального культурного наследия.

Важнейшими приоритетами российской культурной дипломатии являются следующие: во-первых, поддержка соотечественников за рубежом (численность российской диаспоры составляет около 27 млн человек, из них 10 млн в странах СНГ), выражающаяся в оказании поддержки в сохранении языка, получении образования и информации на русском языке; во-вторых, организация вещания российских СМИ за границей, которые позволят бывшим соотечественникам смотреть передачи на русском языке и получать информацию о российской политике. В настоящее время несколько российских телеканалов осуществляют спутниковое вещание в зарубежных странах. Это «Первый канал – Всемирная сеть», «РТР-Планета», «НТВ-Мир», «Россия сегодня» и др. Третьим важным направлением культурной дипломатии является продвижение русского языка за рубежом. С этой целью Россией создана сеть славянских университетов в Азербайджане, Армении, Кыргызстане, Молдове и Таджикистане.

Свой вклад в достижение целей и задач культурной дипломатии вносят российские научные и образовательные институты. Расширяется сеть филиалов ведущих российских университетов за границей. Среди них – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Московский институт стали и сплавов, Российский государственный университет нефти и газа им. И. М. Губкина, Московский государственный университет экономики, статистики и информатики и др. Россия активно привлекает иностранных студентов в свои вузы, занимая восьмое место в мире по их количеству. В российские вузы приезжают в основном студенты из Африки, Азии, Латинской Америки. Привлекая иностранцев на обучение, «Россия стремится к достижению еще одной важнейшей внешнеполитической цели – подготовке будущей элиты зарубежных стран» [5, с. 79].

Следующим направлением культурной дипломатии России является деятельность культурных центров за рубежом. Важнейшим направлением работы таких центров является распространение информации о культуре, истории, образовании и науке России, организация курсов по изучению русского языка, оказание информационной и организационной поддержки для желающих обучаться в России, поддержание контактов с соотечественниками за рубежом. Культурные центры за рубежом, реализуя широкий спектр деятельности, способствуют формированию положительного имиджа и продвижению влияния России в мире.

Таким образом, культурная дипломатия вносит существенный вклад в повышение эффективности и достижение целей внешней политики Российской Федерации. Модель воплощения культурной дипломатии, используемая Россией, носит централизованный характер. Главенствующая роль в выработке приоритетов, определении стратегии, финансировании проектов, координации деятельности агентов внешней культурной политики принадлежит Федеральному агентству – Россотрудничеству. Российские исследователи обращают внимание, что в настоящее время не в полной мере используется потенциал российской культуры в реализации внешней политики. Обусловлено это недостаточностью финансовых средств, ориентацией на традиционные формы сотрудничества – отдельные культурные мероприятия, проекты, программы, а также направленностью к взаимодействию с узким кругом лиц, в основном с соотечественниками и интересующимися русской культурой.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов. В современных условиях возрастает значимость культуры в международных отношениях. Практика международного сотрудничества показывает, что культурное влияние отличается особой эффективностью по сравнению с другими методами. Выбор модели осуществления культурной дипломатии обусловлен историческими традициями и особенностями политической системы, степенью влияния государства на динамику культурных процессов, международной конъюнктурой. Франция и Россия обладают уникальным опытом активного использования

инструментария культурной дипломатии для достижения своих внешнеполитических целей, который может быть полезен для использования во внешней политике Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Каширина, Т. В.* Культурная дипломатия как средство внешней культурной политики / Т. В. Каширина, К. Е. Федотова // *Дипломатическая служба*. – 2017. – № 2. – С. 22–28.
2. *Сутырин, В. В.* Гуманитарное влияние во внешней политике: ресурсы, каналы, инфраструктура / В. В. Сутырин // *Общественные науки и современность*. – 2020. – № 5. – С. 5–20.
3. *Паксютов, Г. Д.* «Мягкая сила» и «культурный капитал» наций: пример киноиндустрии / Г. Д. Паксютов // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2020. – № 11. – С. 106–113.
4. *Левицкий, В. Б.* Реформа культурно-гуманитарного направления французской дипломатии / В. Б. Левицкий // *Дипломатическая служба*. – 2019. – № 3. – С. 43–56.
5. *Лебедева, О.* Культурная дипломатия как инструмент внешней политики России на современном этапе / О. Лебедева // *Международная жизнь*. – 2016. – № 9. – С. 76–84.

Поступила в редакцию 09.04.2021

Б. Я. Мигас, В. В. Наумова

КОРОНАВИРУС КАК КАТАЛИЗАТОР НЕСТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА

В статье пандемия коронавируса, несущая угрозу здоровью и жизни людей, исследуется в глобальном, региональном и национально-государственном аспектах. Наряду с этим она рассматривается как значимый фактор дестабилизации отношений между странами в экономике, политике и других сферах деятельности. В связи с тем, что отдельные страны мира стремятся за ширмой пандемии реализовать свои геополитические планы, совершить новый передел мира, сама пандемия ими всемерно политизируется и используется для дискриминации как стран-конкурентов, так и тех стран, которые сами выбирают для себя собственный, а не навязанный извне путь социально-экономического и политического развития. И поскольку сложившаяся в мире ситуация отличается нестабильностью, авторы высказывают свое отношение к концепции «ответственного развития», призванной определить пути стабилизации международных отношений в постпандемическом мире.

При исследовании данной проблемы необходимо четко разграничивать такие понятия, как *пандемия* и *эпидемия*, обозначающие масштабы угрозы болезни. Так, термин *пандемия* акцентирует внимание на том, что инфекционная болезнь распространяется на целые страны и материки более широко, чем при эпидемии. Последняя же означает значительное распространение какой-либо инфекционной болезни, превышающее обычный для данной местности

уровень заболеваемости [1, с. 438, 720]. Такое уточнение позволяет объективно охарактеризовать переживаемую пандемию как явление глобальное со всей совокупностью опасных последствий, ведь по данным ВОЗ на октябрь 2020 г. уже 216 стран имели заболевших короновирусом, а к концу года стало известно, что заболевание проникло даже в ряды исследователей Антарктиды.

История человечества богата событиями подобного рода. Но человечество преодолевает их как медико-биологическими средствами (главным образом через вакцинацию населения), так и социально-экономическими и политическими мерами, что превращает пандемии в затухающие эпидемии и сезонные заболевания. Фактически «История показывает: эпидемии, кризисы несут большие испытания, но они проходят и преодолеваются, а человечество пытается найти способ противодействия все новым и новым угрозам» [2, с. 67].

Таким образом, COVID-19 – это пандемия XXI в., борьба с которой только начинается. Ее опасность и масштабность нельзя недооценивать, но, на наш взгляд, нельзя и абсолютизировать значимость ее влияния на глобальные социально-политические процессы. Для вируса человек – только биологический организм, внутри которого он существует, сохраняется и развивается. А для общества и политики человек, сообщества людей, их дифференциация имеют первостепенное значение. В данном случае мы рассматриваем ситуацию, где слепая сила природы противостоит обществу, сознательной деятельности людей и их интересам. Столкнувшиеся силы явно не равны. Человек, общество возникли и развиваются в своей истории благодаря преобразованию природы, противостоянию ей, опираясь на опыт, науку и целеустремленную, сознательную модернизацию мира. Это и гарантирует нам победу над очередной пандемией. Вопрос лишь в том, за какое время, какими средствами и каким числом жертв. Ответы на эти вопросы находятся в сферах экономики, политики и науки. В этой триаде потенциал успешной деятельности разный: экономика в современной пандемии погружается в глубокий кризис, наука активно и не без успеха ищет средства противодействия ей, политика же должна решать возникающие задачи, мобилизуя свой потенциал и предшествующий опыт, накопленный на национально-государственном и глобальном уровнях. Однако в политике отдельных стран, претендующих на мировое лидерство, часто наблюдается существенный разрыв между словом и делом, между должным и сущим. Подтверждением тому является их стремление использовать пандемию как политический (точнее политизированный) аргумент в отношениях с другими странами и их союзами, а также международными организациями. Осуществляется такая деятельность с целью реализации собственных геополитических интересов. Для этого ими используются как современные коммуникации и технологии, так и старые, апробированные на практике средства, схемы и шаблоны. В ход идут акции в «защиту прав человека», политические и экономические санкции, формирование и финансирование оппозиции и протестных движений в «неудобных» для них странах, провокации и т.д.

Так порождается хаос в странах-оппонентах, их дезорганизованность, политическая и экономическая нестабильность. Этими странами потом легко управлять по навязанным извне меркам и шаблонам. В такой борьбе сильные считают, что для достижения цели все средства хороши, а в результате такой политики мир подталкивается к усилению напряженности, нестабильности и неуправляемости, что в условиях глобализации грозит перерастанием «горячих точек» на планете в крупные военные конфликты.

В интервью Президента А. Г. Лукашенко политическим обозревателям Беларуси и зарубежья в ноябре 2020 г. дана следующая оценка современным международным отношениям: «Мир сегодня живет в условиях серьезных потрясений, которые требуют глубокого анализа. Мы практически в прямом эфире наблюдаем слом привычного образа жизни, погружение планеты в системный кризис. Главной причиной происходящего многие СМИ называют коронавирус. Уже говорил... что это лишь повод, ширма, прикрываясь которой глобальные игроки в очередной раз пытаются переделать мир на свой манер» [3, с. 2]. Тесную связь между пандемией коронавируса и международными отношениями отмечает и экономическая наука Беларуси. Академик НАНБ, доктор экономических наук, председатель президиума академии В. Гусаков и кандидат экономических наук, директор Института экономики НАНБ В. Гурский пишут следующее: «Страх перед коронавирусом активно нагнетается и используется в разных странах как предлог для оправдания непопулярных мер, которые зачастую идут вразрез с законодательством и международными договоренностями. Принудительно остановлены конкурентоспособные предприятия и современные высокотехнологичные отрасли... Закрылись границы, прервано сообщение между государствами-партнерами. Под шумок происходит передел рынков и сфер влияния. Во многом это следствие жесткой изоляции и карантинных мер, а также неспособности ведущих государств справиться с социальными и экономическими проблемами, а возможно преднамеренные действия крупных торговцев» [4, с. 5].

Действительно, крупные торговцы и ТНК вместе с политикой в борьбе с конкурентами широко используют весь арсенал средств для победы над ними. В результате они «активно вытесняют национальные государства из экономической сферы, манипулируют ими в своих интересах» [Там же]. Все это подтверждается и отношением к Беларуси со стороны США, ЕС и отдельных международных организаций, не только экономических, политических, но и некоторых других.

Поскольку в условиях пандемии ни предприятия, ни границы Беларуси не закрывались, экономика нашей страны, по сравнению с теми, которые вводили жесткие карантинные меры, не понесла столь значительного урона. Несмотря на прогноз стремительного падения экономики Республики Беларусь со стороны международных организаций, а после президентских выбо-

ров вообще обвального коллапса, реальные результаты экономики страны обеспечили нам лидирующие позиции по росту экономики не только среди соседей, но и в целом по Европе.

Не подтвердили прогноз и санкции, очень широко используемые доминирующими политическими силами для давления на страны, самостоятельно выбирающие путь развития. Это подрывает авторитет международных отношений и права, а также отрицательно влияет на имидж стран и стабильность в мире. Комментируя ответные санкции Беларуси, направленные на стабилизацию положения в стране, специалисты отмечают их высокую эффективность. Так, профессор БГУ, экономист М. Ковалев поясняет, что Балтийские страны, даже опережая Евросоюз по вводу против нас политических санкций, не могут не осознавать, что мы можем переориентировать грузы из Клайпеды и Риги на территорию России. Он также обращает внимание на то, что «любое давление на нашу страну еще сильнее подталкивает Беларусь к интеграции с Россией», что принципиально противоречит планам геополитических устремлений Запада. Солидарен с этим мнением и политический обозреватель В. Боровик. Он считает, что под санкционным давлением извне «у белорусских предприятий появится возможность вместе с Россией и партнерами по ЕАЭС больше внимания уделить развитию импортозамещения, созданию наукоемких высокодоходных продуктов, услуг и тем самым минимизировать зависимость от тех стран, которые путем санкций пытаются воздействовать на Беларусь». Кроме того, он указывает и на очень болезненную для Европы проблему: «Беларусь защищает ЕС от нелегальных мигрантов, наркотрафика и других угроз. Мы можем не тратить на это деньги из бюджета, а всех направлять напрямую через границу... Мы, конечно, в этом не заинтересованы, но нас вынуждают к этим мерам» [5, с. 6–7].

Таким образом, белорусская модель социально-экономического устройства и развития продемонстрировала свою жизнеспособность и стойкость в условиях жесткого международного давления, длящегося уже четверть века, и ограниченности собственных природных ресурсов, даже вопреки пандемии, варшавско-вильнюсскому сговору под эгидой спецслужб США и ряда европейских стран, пытавшихся организовать государственный переворот в Беларуси, чтобы ликвидировать страну-оппонента и экономического конкурента. Сейчас мировой экономический кризис, подстегнутый коронавирусом, одни называют самым серьезным за столетие, другие – за послевоенный период. Но сам факт его развития не отрицает никто. Однако далеко не все его глубину и масштабность связывают с тем, что либеральная экономическая модель накопила и обострила целый ряд проблем социально-экономического и политического характера еще до появления коронавируса, которые он вывел в разряд первостепенных, требующих неотлагательного внимания и решения. Поэтому в научный обиход вошел и термин *коронакризис*, синтезирующий происходящие в мире процессы медицины, экономики и политики воедино.

Отнюдь не смягчают международные отношения и такие события скандального характера как, например, обвинение Соединенными Штатами

Америки Китая в том, что причиной пандемии коронавируса стала его утечка из лаборатории в Китае, где он якобы был произведен. В ответ на это обвинение министр иностранных дел КНР отвечал, что «в последние несколько месяцев мы видели отчеты, судя по которым вирус фиксировали в разных частях мира. Возможно, он возник там раньше, чем попал к нам». Действительно, в печати были сообщения о том, что в образцах сточных вод в Барселоне он был обнаружен еще в марте 2019 г., а в Италии, тоже в образцах сточных вод, его обнаружили в ноябре 2019 года. В связи с этим ВОЗ расследовала инцидент и безоговорочно сняла с Китая выдвинутое обвинение.

Между тем, в сложившейся международной ситуации появились признаки ее улучшения. 20 января 2021 г. новый президент США Дж. Байден в первый же день своего правления отменил ряд распоряжений прежнего, 45-го президента Д. Трампа, выразив готовность вернуться к единству с миром. Он одобрил возвращение США во Всемирную организацию по здравоохранению. В 2020 г. Трамп обвинил ВОЗ в том, что она в интересах Китая скрыла там масштабы эпидемии коронавируса и в отказе от реформ. Байден отменил и выход страны из Парижского соглашения по климату, которое мобилизует политику на сокращение углеводородных выбросов в атмосферу. Он также остановил строительство стены на границе с Мексикой, отменил ограничение на въезд в США мигрантов из ряда стран Ближнего Востока, введенное еще в 2017 году.

На этом фоне Европа ждет от США пересмотра пошлин на товары из ЕС (в размере почти 75 млрд долларов), остановки строительства газопровода «Северный поток-2» из Российской Федерации в ФРГ. Начало тенденции ослабления напряженности, смягчения международных отношений обнадеживает и имеет перспективу развития. Это четко просматривается и в том, что после телефонного разговора Президента РФ В. В. Путина с Президентом США Дж. Байденом был продлен договор об ограничении стратегических наступательных вооружений еще на 5 лет, о выходе из которого объявил Д. Трамп перед своим уходом с поста Президента США. Этот договор являлся и остается основой безопасности всего мира: он сдерживает гонку вооружений и сохраняет паритет сил на планете.

В третьем десятилетии XXI в., на первом всемирном экономическом форуме в Давосе В. В. Путин изложил позицию России по происходящим в мире событиям, связанным с пандемией коронавируса и ее влиянием на международную стабильность [6]. Он подчеркнул, что пандемия «лишь подстегнула, ускорила структурные изменения, предпосылки для которых уже были достаточно давно сформированы..., обострила проблемы и дисбалансы, ранее накопившиеся в мире», что «мы видим кризис прежних моделей и инструментов экономического развития», усиление социального расслоения, как на глобальном уровне, так и в отдельных странах, что вызывает «резкую

поляризацию общественных взглядов, ...рост популизма, ...обострение и ожесточение внутривнутриполитических процессов, в том числе в ведущих странах». По его мнению, все это «неизбежно сказывается и на характере международных отношений, не добавляет им стабильности и предсказуемости».

В данной ситуации, считает он, необходимо адекватно ответить на три ключевых вызова нашего времени. Первый из них – социально-экономический. За последние 40 лет глобальный ВВП удвоился, мощный подъем в развивающихся странах позволил более чем миллиарду человек выйти из бедности. Это коснулось также Китая и России. Как констатирует В. В. Путин: это выгодно «одному проценту населения, крупным транснациональным, прежде всего американским и европейским компаниям». В то же время, отмечает он, «за последние 30 лет в ряде развитых стран доходы более половины граждан в реальном выражении стагнировали, не росли. Зато стоимость услуг образования и здравоохранения выросли втрое». Наблюдается и рост безработицы в массовом масштабе, что усиливает напряжение в обществе. А на фоне широкого применения искусственного интеллекта, автоматизации и роботизации безработица затрагивает и основу современного общества – средний класс. Следовательно, резюмирует Президент В. В. Путин, «без активных и эффективных действий государства в этой ситуации не обойтись».

Второй вызов – общественно-политический. Экономика и неравенство раскалывают общество, порождают нетерпимость (социальную, национальную, расовую) и в странах с устойчивыми демократическими институтами. Нарастающее недовольство требует решения проблем по существу. Одновременно в жизни общества стали играть все большую роль информационные гиганты, способные по отдельным направлениям де-факто конкурировать с государством, влияя на миллиарды своих пользователей. Их монопольное положение в обществе оптимально для деятельности. «Но насколько этот монополизм соответствует общественным интересам, если они пытаются грубо и по своему усмотрению управлять обществом, подменять легитимные демократические институты, ограничивать или узурпировать право человека на выбор позиции в жизни и свободу ее высказывать?», – ставит вопрос В. В. Путин.

Третий вызов – это явная угроза дальнейшего обострения всего комплекса международных проблем. «Ведь нерешенные и нарастающие внутренние социально-экономические проблемы могут подтолкнуть к поиску того, на кого можно свалить, обвинить в своих бедах и перенаправить раздражение и недовольство своих граждан. И мы это уже видим», – констатирует российский Президент.

Анализируя обострение глобальной нестабильности под влиянием пандемии коронавируса, не стоит упускать из вида и ее региональные проявления. Например, в ЕС, как в одном из ведущих центров политической и экономической мощи мира, пандемия также явилась не только проверкой на прочность,

но и катализатором процессов, накопившихся ранее, а также «угрозой нового типа, к которой мировое сообщество оказалось не готово, что породило дискуссии о том, что “мир больше не будет прежним”» [7, с. 37, 38].

Пандемия подтвердила, что катализатором напряженности международных отношений могут быть и внешнеполитические риски. Например, Италия, одной из первых в Западной Европе столкнувшись с коронавирусом, остро ощутила проблемы соотношения региональной и центральной власти в стране, а также власти Рима и Брюсселя в ЕС. В первом случае каждая из областей Италии искала свой рецепт борьбы с болезнью или не воспринимала угрозу всерьез. Это вынуждало центральную власть Италии руководствоваться реактивным подходом к грозной опасности: вводить постепенно «красные зоны», а не предотвращать заражение. В результате таких действий (а зачастую бездействия) Италия стала одним из чемпионов по распространению болезни и количеству жертв в Европе. Во втором случае Евросоюз, получив обращение Италии о помощи в Центр координации чрезвычайного реагирования ЕС, ответил ей отказом. А затем последовало полное закрытие границ между странами ЕС, скандалы с поставкой масок и гуманитарной помощи Италии. Эту помощь в итоге ей оказали не НАТО и ЕС, а Россия и Китай, сделав лояльным пострадавшее население. На сложившуюся ситуацию общество страны отреагировало следующим образом: «62 % итальянцев настроены “негативно” или “очень негативно” по отношению к ЕС свидетельствовали данные июньских (2020 г.) опросов, при этом около 70 % не доверяет структурам ЕС». Более того, Дж. Парагоне в июле 2020 г. заявил, что “готов создать партию, стержневой идеей которой станет вопрос членства Италии в ЕС”» [Там же, с. 43–44].

В то же время, как отмечает А. А. Громыко, член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН, помощь со стороны России Италии или Сербии имела и другую оценку. В печати, констатирует он «например в *La Stampa*, появились заказные статьи, где опять пишут, что Россия это делает для раскола Запада, что эта помощь на самом деле бесполезная, что вместе с этими врачами-вирусологами Кремль запускает в Италию, Сербию и другие страны новых шпионов» [8, с. 74]. Западная пресса подобные претензии выдвигает и к Китаю, который «был страной, где оказался первый очаг этого вируса, но это и первая страна, которая выходит из кризиса...и как бы Китай не воспользовался этой ситуацией, чтобы с новой силой заявить о своих притязаниях на мировое лидерство» [8, с. 73].

Академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (ИСКРАН) С. М. Рогов анализирует ситуацию с коронакризисом в комплексе с проблемой национальной безопасности. Он рассматривает эффективность беспрецедентных бюджетных мер для ликвидации ее угрозы, в том числе военные расходы. США и другие ведущие страны Запада по сравнению с кризисом 2008–2009 гг. в нынешней ситуации в разы увеличили бюджетные расходы (в % от ВВП) на решение возникших проблем: США их удвоили (пока не принят очередной дополнительный пакет): Германия – более чем в 5 раз; Франция, как и Великобритания – в 7 раз и т.д. США тратят на оборону беспреце-

дентно много: в настоящее время 700 млрд с лишним долларов в год. Это весомо нарушило устоявшиеся стереотипы экономической философии, запрещавшей финансирование с бюджетным дефицитом. Но это в свое время не спасло Америку от 9/11 (террористического акта 11 сентября 2001 г.), как «не смогло защитить американцев от коронавируса. Более того, сотни американских моряков и солдат сами стали жертвой пандемии. Количество умерших от коронавируса в штатах может превысить количество всех американцев, погибших в корейской войне, во вьетнамской войне, войнах на Ближнем Востоке и так далее» [9, с. 84].

В сложившейся ситуации большое внимание уделяется концепции «ответственного развития» как основы формулирования стратегических задач развития общества в его национальных и интернациональных аспектах и практики управления. Исходя из того, что «глобальные вызовы требуют глобальных ответов, но в условиях пандемии они должны быть адекватными и быстрыми», А. Дынкин и Е. Телегина дополняют: «Ответственное развитие требует широкого взаимодействия специалистов и менеджеров систем здравоохранения на международном уровне. Только объединенными усилиями можно решать задачи создания новых вакцин... Такая деятельность ни в коем случае не может развиваться на чисто коммерческой основе. Доступность результатов исследования и медикаментов для всего населения планеты независимо от доходов и географии должна быть закреплена в регламентах международных организаций, занимающихся проблемами здоровья и жизни людей» [10, с. 14].

Представляется, что концепция «ответственного развития», как и многие концепции прошлого, рисуют развитие и будущее состояние общества как идеал, к которому надо стремиться. Однако известно, что идеалы, как писал А. Я. Гуревич, характеризуются тем, что никогда полностью не соответствуют жизненной реальности и дают образец, достигнуть которого невозможно. Отличаясь относительностью и изменчивостью содержания, они формируются и определяются многими социальными и историко-культурными факторами. Это значит, что идеалы общественного развития устраивают далеко не все слои общества, не все политические силы и государства. За их реализацию необходимо бороться (зачастую и в жестких формах), что не всегда и не для всех приемлемо. Пока это так, безусловно, необходимо учитывать, что идеалы играют весомую роль в развитии общества, определяют поведение личности и масс, но в движении к ним следует тщательно взвешивать соотношение возможного и необходимого, темпов движения вперед, цену за достигнутый успех. Брать на себя ответственность за реализацию идеалов подобного уровня готовы не все политические силы или не все желают это делать, хотя такая потребность появилась давно и актуализируется со временем все больше и острее.

Итак, очевидная, но идейно-политически нейтральная, глобальная угроза, подобная пандемии коронавируса, уже не в первый раз в истории человечества демонстрирует миру его хроническую неспособность объединить усилия стран

и народов в борьбе со всеобщей опасностью. Она вызвала серьезные и масштабные медико-санитарные проблемы, угрожающие жизни и здоровью людей и подстегнула, но не породила требования народных масс разрешить и накопившиеся еще до пандемии острые проблемы социально-экономического и политического характера: ликвидировать бедность и нищету, реализовать на практике права человека, право наций и государств на самостоятельный выбор пути социально-экономического и политико-правового развития, обеспечить мирное сосуществование стран и народов... Эти проблемы могут решиться только политическим путем, который очерчен и обоснован в разных теоретических концепциях, в том числе и в концепции «ответственного развития». Но пока мировые центры силы и экономической мощи в первую очередь заняты реализацией своих геополитических устремлений, движения в этом направлении мы не увидим. Скорее наоборот. Эти центры сами склонны создавать управляемый хаос в намеченных районах, используя для этого любой повод, в том числе пандемию коронавируса, которая пришлась «кстати» для «боссов мира» в сложившейся ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современный словарь иностранных слов. – СПб.: Дуэт, 1994. – 752 с.
2. *Лебедева, Л. Ф.* О социальной ответственности в условиях борьбы с пандемией коронавируса и ее последствиями /Л. Ф. Лебедева // США & Канада: экономика, политика, культура 2020. – С. 57–70.
3. СБ Беларусь сегодня. – 14.11.2020. – С. 2.
4. СБ Беларусь сегодня. – 14.10.2020. – С. 4–5.
5. *Кононович, Е.* Не рой яму другому / Е. Кононович, Д. Умпирович // СБ Беларусь сегодня. – 03.12.2020. – С. 6,7.
6. Сессия онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/64938>. – Дата доступа: 18.02.2021.
7. *Маслова, Е.* Пандемия по-итальянски: стресс-тест для политической системы / Е. Маслова, Д. Савино // Современная Европа. – 2020. №4. – С. 37–49.
8. *Громыко, А. А.* Последствия пандемии для международных отношений / А. А. Громыко //США & Канада: экономика, политика, культура 2020. – С. 71–76.
9. *Рогов, С. М.* Пандемия коронавируса – возможны ли радикальные изменения образа жизни? / С. М. Рогов //США & Канада: экономика, политика, культура 2020; – 50/5/. – С. 81–84.
10. *Дынкин, А.* Шок пандемии и посткризисный мир / А. Дынкин, В. Телегина // МЭиМО 2020, Т. 64. – № 8. – С. 5–14.

Поступила в редакцию 12.04.2021

В. В. Наумова

РАБОТА С ДОКУМЕНТАМИ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В настоящее время в Республике Беларусь одним из направлений борьбы с преступностью является противодействие экологическим преступлениям. В статье рассматривается тактика работы следователя с документами при расследовании указанных деяний. Автором предлагается систематизация данных материалов по группам с указанием примерного перечня необходимых для изучения документов, а также ряд практических шагов для решения некоторых из указанных в исследовании проблем.

Преступления против экологической безопасности и природной среды считаются одними из немногих видов деяний, последствия которых затрагивают не только государство и любого его гражданина, но и мировое сообщество в целом. Спецификой рассматриваемой сферы отношений является то, что здесь «...всегда будет нарушение прав человека на экологическую безопасность» [1, с. 49].

По данным Генеральной прокуратуры Республики Беларусь число экологических преступлений ежегодно увеличивается [2]. В связи с этим актуальным представляется решение республиканского координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией от 18.12.2019 г. № 20, согласно которому была утверждена одноименная Программа на 2020–2022 гг., одним из направлений деятельности которой следует выделить «...предотвращение угрозы безопасности природной среды» [3]. Уголовный кодекс Республики Беларусь, в рамках главы 26 – «Преступления против экологической безопасности и природной среды» (статьи 263–284) также призван противостоять рассматриваемым деяниям [4]. Среди научных публикаций в указанной области отношений можно выделить работы Г. Ж. Мухтарова, В. Н. Ждан, М. А. Кравцовой, О. А. Петрухиной, В. К. Потапова, Д. И. Тисленко и др.

При расследовании экологических преступлений следователю приходится работать с документами, которые можно разделить на 3 группы:

1) нормативные материалы, содержащие предписания по обеспечению экологической безопасности (напр., законы, указы, постановления, правила, инструкции и пр.), которые имеют ориентирующее значение, помогая устанавливать факты нарушений правил экологической безопасности и давать им правильную оценку;

2) документы, отражающие состояние охраны природы на предприятии в целом и обстоятельства конкретного происшествия на производстве;

3) разрешительные документы для частных лиц и организаций, которые используются в качестве средств доказывания.

При исследовании вопроса об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, многие из этих источников уже названы. Имеющие доказательственное значение документы второй и третьей групп, в свою очередь, можно разделить на 2 вида:

а) являющиеся средствами доказывания в силу своего содержания, которые при случайной утрате можно заменить точно такими же (приказ, характеристика, справка и пр.);

б) имеющие доказательственное значение не только в силу своего содержания, но и благодаря определенным материальным признакам, недостоверности содержащихся в них данных (напр., поддельное разрешение на выброс, лесорубочный билет, охотничья путевка, разрешение на оружие и т.д.).

Согласно ст. 100 уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь документы первого вида играют роль письменных доказательств, второго вида – вещественных (ст. 96 указанного выше нормативного правового акта). Последние из них подлежат осмотру и приобщению к делу специальным постановлением.

Следует отметить, что работа с документами включает, в первую очередь, ознакомление с нормативными документами, регламентирующими деятельность по охране природной среды на хозяйственных объектах. Целесообразно ознакомиться, например, с материалами по контролю за газоочистными и пылеулавливающими установками: указаниями по применению и заполнению форм первичной учетной и отчетной документации по охране воздуха и воды, экологическим паспортом предприятия. Консультации рекомендуется получать у работников объекта-источника загрязнения и сотрудников органа экологического контроля.

С нашей точки зрения, документы, отражающие состояние различных объектов в экологическом отношении и позволяющие выяснить важные для дела обстоятельства, могут значительно облегчить расследование. Устанавливая, каков режим региона и проверяемого объекта в природоохранном отношении, следователю рекомендуется изучить:

- решения администрации региона об отводе санитарной защитной зоны вокруг предприятия, водоема, переселения жителей из нее;
- разрешение природоохранного контролирующего органа на водопользование и сброс сточных вод (данные об условиях сброса, времени спуска, допустимой концентрации вредных веществ, требования к очистным сооружениям), а также журналы:
 - учета стационарных источников загрязнения и их характеристик ПОД-1;
 - учета выполнения мероприятий по охране атмосферного воздуха – ПОД-2;
 - учета работы газоочистительных и пылеулавливающих установок – ПОД-3;
 - учета водопотребления и качества сбрасываемых вод;
 - эффективности очистки сточных вод;
 - операций со сточными водами и мусором, что позволяет установить, являлся ли конкретный объект источником загрязнения.

Для определения, имеются ли на объекте очистные сооружения и установки, каковы их состояние, данные о работе, действия по очистке выбросов, стоков, а также действия лиц, которые могут быть ответственными за совер-

шенное правонарушение, целесообразно ознакомиться: с проектами предприятия и очистных сооружений; паспортами надежности; актами-предписаниями, удостоверениями о качестве монтажа, справками (актами) о дефектах очистных сооружений; нарядами, актами об их работе и т.п.

По нашему мнению, для выяснения вопроса, имелись ли ранее на предприятии факты загрязнения природной среды, принимались ли меры для их предотвращения, каковы были отрицательные последствия, необходимо изучить: решения администрации региона, жалобы населения и работников в связи с фактами нарушения природоохранного законодательства на объекте; материалы специальных проверок, проведенных природоохранными и другими контролирующими органами; акты специального расследования, заключения инспекторов (например, о количестве и стоимости деревьев и кустарников, незаконно порубленных или поврежденных до степени прекращения роста в лесах первой группы), приложенные к ним фото и видеоматериалы, схемы, объяснения должностных лиц.

Собирание и исследование документов рекомендуется производить на первоначальном этапе расследования происшествия, так как многие материалы впоследствии могут быть изъяты, уничтожены или изменены заинтересованными лицами.

Для собирания и исследования документов желательно привлекать специалиста, который окажет содействие в определении круга подлежащих изучению документов и их исследовании. Материалы следует изымать в подлинниках, так как копии могут содержать умышленные или случайные пропуски и искажения. С нашей точки зрения, наиболее важным представляется приобщение документов-вещественных доказательств в подлинниках. При невозможности изъятия последних изготавливаются копии документов, предпочтительнее фотокопии. Рекомендуется установить, что копия полностью соответствует подлиннику.

В процессе расследования преступлений в сфере экологической безопасности возникают ситуации, когда не требуется весь документ, а необходимы лишь его отдельные положения. В этом случае желательно сделать соответствующие извлечения из этих документов (заверенные).

При ознакомлении с документами рекомендуется убедиться, что ими действительно пользовались на предприятии, они не составлены специально в связи с расследуемым событием, о чем, в частности, может свидетельствовать внешний вид документа.

При осмотре документов, с нашей точки зрения, следует обратить внимание на наличие в них необходимых реквизитов и соответствие последних установленной форме (наличие дат, подписей, удостоверительных знаков и т.д.). Изучение материалов рекомендуется осуществлять путем отдельного осмотра и, в необходимых случаях, – путем сопоставления. Раздельный осмотр позволяет уяснить характер документа и установить, какие фактические данные он фиксирует. Такой осмотр, проводимый по мере необходимости с применением научно-технических средств в соответствии с имеющимися рекомендациями,

позволяет выявить имеющиеся признаки изменений в документах. Особо следует обращать внимание на нумерацию страниц, наличие исправлений, посторонних штрихов и загрязнений, признаки замены страниц или частей документов.

Сопоставление применяется в отношении различных документов, в которых отражены одни и те же данные или процессы. Это позволяет выявлять несоответствие в отдельных документах, что может свидетельствовать о внесении изменений в документ или умышленном искажении фактов при его составлении.

Таким образом, расследование экологических преступлений представляет собой трудоемкий и, в отдельных случаях, длительный процесс, в результате которого следователю приходится работать с большим массивом информации и документов. Для успешной реализации поставленных задач представляется целесообразным:

- дифференцировать исследуемые материалы по группам;
- привлекать при необходимости к работе специалистов;
- строго придерживаться последовательности работы с указанными документами и их анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кравцова, М. А.* Экологическая преступность как угроза экологической безопасности / М. А. Кравцова // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2017. – № 2. – С. 49–53.
2. Справочно-аналитическое пособие: Криминологическая характеристика преступности в Республике Беларусь и государствах-участниках СНГ в 2019 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.prokuratura.gov.by/ru/about/nauchno-prakticheskiy-sentr/izdaniya-i-razrabotki-npts/spisok-nauchno-metodicheskikh-i-analiticheskikh-razrabotok>. – Дата доступа: 25.01.2021.
3. Программа по борьбе с преступностью и коррупцией на 2020–2022 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iti.bsuir.by/files/m_education/8/Приложение%20№2%2С%20Программа%202020%20-%202022%20-гг%20%282058985%20v1%29.pdf. – Дата доступа: 25.01.2021.
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июня 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.11.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

Поступила в редакцию 01.03.2021

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

XIX МІЖНАРОДНАЯ НАВУКОВАЯ КАНФЕРЭНЦЫЯ
«БЕЛАРУСЬ І ГЕРМАНІЯ: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ» У МДЛУ

3 красавіка 2020 г. у Мінскім дзяржаўным лінгвістычным універсітэце кафедрай гісторыі, сусветнай культуры і турызму і аддзелам ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі праведзена XIX Міжнародная навуковая канферэнцыя «Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць», прысвечаная 75-годдзю Вялікай Перамогі савецкага народа ў Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гадоў. У канферэнцыі прыняў удзел 51 даследчык, у тым ліку прадстаўнікі розных навуковых, вучэбных, архіўных і музейных устаноў Беларусі (Брэст, Гомель, Мінск, Магілёў, Полацк), а таксама навукоўцы з Германіі (Саар-брукен) і Расіі (Санкт-Пецярбург).

Адкрываючы канферэнцыю, рэктар ўніверсітэта, старшыня аргкамітэта Н. П. Баранава адзначыла, што гэта сустрэча праходзіць у адметны год у гісторыі краіны – 75-годдзя Вялікай Перамогі. Канферэнцыя праводзіцца ў рамках завяршэння Дзяржаўнай комплекснай праграмы навуковых даследаванняў на 2016–2020 гг. «Эканоміка і гуманітарнае развіццё беларускага грамадства», выкананне якой забяспечвае і часовы навуковы калектыў у складзе гісторыкаў універсітэта, выканаўцаў падпраграмы «Гісторыя і культура». У заканчэнні ў адрас удзельнікаў канферэнцыі ад імя рэктара ўніверсітэта былі выказаны пажаданні творчых поспехаў і перакананні ў тым, што ў ходзе сустрэчы будзе зроблены важкі крок у напрамку далейшага ўзбагачэння гістарычнай навукі новымі знаходкамі, важнымі як для навукоўцаў, так і для беларускага студэнцтва, у тым ліку нашай лінгвістычнай установы адукацыі.

Праца канферэнцыі ладзілася ў фармаце трох пленарных пасяджэнняў:

1. 75-годдзе Вялікай Перамогі: дакументальны нарматыў і даследчыцкія падыходы (вядучыя У. К. Коршук і А. М. Літвін).

2. Вялікая Айчынная вайна: падзеі – факты – людзі (вядучыя У. В. Здановіч, М. В. Стралец).

3. Абмеркаванне праекта «Жыць і памятаць» (вядучы С. Я. Новікаў).

Пасяджэнні, якія праходзілі ў Цэнтры беларускай мовы і культуры, ўяўлялі сабой самастойныя міні-канферэнцыі, у фокусе якіх знаходзілася тэматыка навуковых дакладаў і паведамленняў выступоўцаў.

У ходзе першага пасяджэння «75-годдзе Вялікай Перамогі: дакументальны нарматыў і даследчыцкія падыходы» былі заслуханы навуковыя даклады айчынных і замежных даследчыкаў, у тым ліку: Ю. З. Кантар (Санкт-Пецярбург), У. В. Здановіча (Брэст), У. К. Коршука (Мінск), А. М. Літвіна (Мінск), С. Я. Новікава (Мінск) і Г. Поль (Патсдам).

Вядомы расійскі гісторык Ю. З. Кантар раскрыла сутнасць гістарычнай палітыкі на постсавецкай прасторы ў сувязі з 75-годдзем завяршэння Другой сусветнай вайны. Даследчык адзначыла, што ў апошнія гады «гістарычная палітыка» ў некаторых краінах пераўтварылася ў адзін з рычагоў маніпулявання масавай свядомасцю. У гэтай сувязі аўтар даклада зрабіла акцэнт на

тым, што гісторыю патрэбна не «перапісваць», а дапісваць, выяўляючы новыя дакументы, у тым ліку тыя, якія не «ўкладваюцца ў новы палітычны дыскурс». Таму важна сумеснымі намаганнямі гісторыкаў і музейшчыкаў розных краін пазбаўляцца ад палітызаванага кантэксту.

У выступленні прафесара У. В. Здановіча прагучалі ацэнкі беларускай гістарыяграфіі ў дачыненні да гісторыі паўсядзённасці падчас нацысцкай акупацыі 1941–1944 гадоў. Аўтар адзначае, што ў сувязі з пачаткам новага перыяду ў сучаснай гістарыяграфіі гісторыі Вялікай Айчыннай вайны важна надаваць як мага больш увагі падзеям, якія не зусім поўна, або аднабакова даследаваліся беларускай савецкай гістарычнай навукай, калі галоўную ідэю бачылі ў арганізацыі штодзённай барацьбы з ворагам, а не пошук стратэгіі выжывання мірным насельніцтвам, якое апынулася на акупаванай тэрыторыі Беларусі.

Заслужаны работнік адукацыі прафесар У. К. Коршук закрануў тэму ўдзелу беларускіх дзяцей у барацьбе супраць акупантаў на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Гісторык падзяліўся ўласнымі ўспамінамі пра ваеннае дзяцінства, нагадаў аб трагічным лёсе матулі, а таксама раскрыў асноўныя накірункі барацьбы дзяцей супраць германскіх акупантаў у 1941–1944 гадах.

Знаўца ваеннай гісторыі А. М. Літвін спыніўся на гісторыі святкавання савецкіх свят насельніцтвам і партызанамі падчас нацысцкай акупацыі Беларусі. Аўтар заўважыў, што дакументы і матэрыялы, мемуарныя крыніцы сведчаць аб тым, што падрыхтоўкі і святкаванні савецкіх дзяржаўных і рэвалюцыйных дат і свят былі адным з элементаў штодзённага ваеннага часу, а для падпольных органаў і камандавання партызанскіх фарміраванняў – дзейным механізмам уздзеяння на свядомасць насельніцтва на акупаванай тэрыторыі. У дакладзе прагучала думка пра тое, што святкаванню розных рэвалюцыйных дат, у першую чаргу гадавіны Вялікай Кастрычніцкай рэвалюцыі, надавалася вельмі важнае значэнне.

Сустаршыня аргкамітэта Новікаў С. Я. пазнаёміў удзельнікаў канферэнцыі з формамі інструменталізацыі гісторыі Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне ў сучасным навучанні, выхаванні і памяці. Асновай для паказу з’яўляўся змест першага ў Беларусі і адзінага на постсавецкай прасторы вучэбнага падручніка «Вялікай Айчыннай вайна савецкага народа ў кантэксце Другой сусветнай вайны», які напярэдадні 75-й Вялікай Перамогі быў перавыдадзены ў чарговы раз Міністэрствам адукацыі разам з Нацыянальным інстытутам адукацыі і Нацыянальнай акадэміяй навук Беларусі. Дзякуючы гэтаму ва ўстановах адукацыі былі створаны ўмовы для паспяховага вырашэння трыадзінай задачы навучання, выхавання і памяці.

Магістр гуманітарных навук Патсдамскага ўніверсітэта Г. Польша характарызавала новы помнік «Аўстрыйскім ахвярам Халакосту», які быў адкрыты на высокім дзяржаўным узроўні на тэрыторыі Мемарыяльнага комплексу «Трасцянец» вясной 2019 года. Нямецкі даследчык адзначыла, што «Масіў імён» прысвечаны памяці амаль дзесяці тысячам аўстрыйскіх яўрэяў, дэпартаваных з Вены ў Мінскае гета і Малы Трасцянец толькі з адной мэтай – іх забойства. У ходзе прапанаванай дыскусіі нямецкі даследчык адзначыла, што

аўстрыйскія імёны кантрасна выступаюць на фоне практычна поўнай адсутнасці імёнаў іншых ахвяр, якія загінулі ў Трасцянеццы. Таму было б слушным падтрымаць ідэю беларускага архітэктара Г. Левінай аб стварэнні побач з аўстрыйскім масівам імёнаў помніка «Масіў невядомых імён» для таго, каб можна было ўшанаваць памяць аб усіх тых, імёны каго не магчыма аднавіць у сувязі са знішчэннем інфармацыі ці яе адсутнасці.

Дацэнт кафедры гісторыі Расіі БДУ В. В. Брыгадзіна спынілася на паказе вынікаў дзейнасці «Аператыўнага штаба Розенберга» на акупаванай тэрыторыі СССР, у тым ліку Беларусі ў гады нацысцкай акупацыі. Старшы навуковы супрацоўнік аддзела ваеннай гісторыі Беларусі І. Ю. Варанкова расказала аб удзеле ўрадженцаў Кітая ў Віцебскім антыфашысцкім падполлі 1941–1944 гадоў. Загадчык кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін БДАТУ Я. А. Грэбень закрануў тэму вайны ў вымярэнні дзіцячай памяці, якія перажылі акупацыю. Кіраўнік навукова-даследчай групы вайсковай гісторыі і археалогіі Беларусі «Рубон» Д. Г. Кіенка падрабязна раскрыў гісторыю падзення самалётаў у гады вайны на прыкладзе статыстычных даных, атрыманых у ходзе палявых пошукаў на тэрыторыі Мінскай вобласці і прадстаўленых у трох табліцах. Загадчык кафедры гісторыі і турызму Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта А. І. Корсак прадставіла вынікі даследавання аб пахаваннях партызан на тэрыторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны, прадэманстравалішы на 5 дыяграмах колькасныя паказчыкі. Вядучы навуковы супрацоўнік аддзела ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі А. А. Крыварот расказаў пра ўзаемадзеянні партызан Беларусі і Арміі Краёвай. Дацэнт кафедры гісторыі Беларусі новага і найноўшага часу БДУ Г. С. Хадасевіч падзялілася вынікамі пошукаў аб гісторыі ўніверсітэта ў першыя гады пасляваеннага аднаўлення і развіцця БССР. Дацэнт кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму МДЛУ А. Г. Цымбал раскрыў пытанне аб ахове здароўя грамадзянскага насельніцтва ва ўмовах акупаванай паўсядзённасці паводле матэрыялаў калекцыі дакументаў Генеральнай акругі «Беларусь» (1941–1944 гг.).

На другім пленарным пасяджэнні прагучалі даклады І. М. Кузняцова (Мінск), С. В. Кулінка (Мінск), С. Я. Новікава (Мінск), В. А. Латышавай (Мінск), А. М. Мох (Мінск), Л. С. Скрабінай (Гомель), М. В. Стральца і С. А. Пцічкінай (Брэст).

Дацэнт БДУ І. М. Кузняцоў звярнуў увагу аўдыторыі на гэтак званы «беларускі катынскі спіс», які на цяперашні час уяўляе адну з таямніц у гісторыі масавага расстрэлу польскіх грамадзян вясной 1940 г. на тэрыторыі Беларусі. Аўтар заўважае, што напамін аб «беларускім катынскім спісе» па цяперашні час адсутнічае ў афіцыйнай беларускай гістарыяграфіі і застаецца без належнай увагі з боку грамадскасці.

Загадчык аддзела публікацый НАРБ С. В. Кулінок звярнуўся да пытання аб ўзроўні падрыхтоўкі нямецкай разведвальна-дыверсійнай агентуры на акупаванай тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Характарызуючы створаную сістэму навучання агентуры, гісторык адзначае, што ў нямецкіх спецшколах адсутнічала ўніфікаваная падрыхтоўка курсантаў. Увогу-

ле на беларускай тэрыторыі дзейнічала школы як з кароткатэрміновым (да 1 месяца), так і доўгатэрміновым (да 1 года) навучаннем. Найбольш аптымальным з'яўляліся падрыхтоўчыя цэнтры ў тэрмінам падрыхтоўкі ад 3 да 6 месяцаў.

Загадчык кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму МДЛУ С. Я. Новікаў упершыню прадставіў аўдыторыі вынікі даследавання матэрыялаў нямецкіх «Александрыйскіх мікрафільмаў», якія ўтрымліваюць новыя звесткі пра адну з «белых плям» сучаснай беларускай гістарыяграфіі – аб штрафных ротах і штрафніках, якія ўдзельнічалі ў вызваленні Беларусі ў канцы 1943 – 1944 гг. Аўтар прыходзіць да высновы, што на цяперашні час гэта тэма пакуль яшчэ не знайшла свайго даследчыка ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі, не стала прадметам спецыяльнага даследавання ў навуковых працах, таму застаецца без крытычнага аналізу.

Загадчык лабараторыі Нацыянальнага інстытута адукацыі А. М. Мох прааналізавала стан медыка-санітарнага абслугоўвання савецкіх ваеннапалонных у шталагу № 352. Аўтар прыходзіць да высновы, што да верасня 1942 г. лазарэт у Пушкінскіх казармах Мінска быў галоўным лазарэтам Шталага-352 і ў яго на лячэнне паступалі хворыя ваеннапалонныя з гарадскога аддзялення і ўсіх філіялаў лагера, а таксама перавадзіліся для спецыялізаванага лячэння з лазарэта «Лясны лагер» у Масюкоўшчыне.

Дацэнт Беларускага ўніверсітэту транспарту ў Гомелі Л. С. Скрабіна прадставіла вынікі новага прачытання дакументаў асабістага архіва легендарнага арганізатара партызанскага руху ў Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны Героя Савецкага Саюза В. З. Каржа, на падставе якога аўтар раскрывае адметнасці разгортвання партызанкай барацьбы на Піншчыне цягам часу з чэрвеня 1941 па верасень 1942 года. Даследчык падкрэслівае, што ўнікальныя гісторыка-дакументальныя матэрыялы даюць дадатковую магчымасць для паглыблення ведаў пра самы складаны этап разгортвання партызанскай барацьбы і пераўтварэнне яе ў арганізаваны масавы супраціў супраць нямецка-фашысцкіх захопнікаў. Як адзначае аўтар, дзякуючы высілкам В. З. Каржа да пачатку лістапада 1942 г. на тэрыторыі Пінскай вобласці было створана 7 партызанскіх атрадаў.

Прафесар Брэсцкага тэхнічнага ўніверсітэта М. В. Стралец прадставіў у сааўтарстве з старшым выкладчыкам кафедры гуманітарных навук БрДТУ С. А. Пцічкінай вынікі даследавання аб удзеле арганізацыі ўкраінскіх нацыяналістаў в Халакосце, раскрываючы тэму на некаторых прыкладах гісторыі «канчатковага вырашэння яўрэйскага пытання» на акупаванай тэрыторыі Украіны

У паведамленнях, заслуханых на другім пленарным пасяджэнні, звярталася ўвага на новыя дакументальныя знаходкі, гістарыяграфічныя факты і даследчыцкія ацэнкі, ў тым ліку па асобных старонках гісторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны і пасляваенны час. Так, прагучалі паведамленні па наступнай тэматыцы: «Гандлёвы баланс індустрыяльнай эканомікі: урокі Германіі і выклікі для Беларусі» (І. С. Благущ), «Эрмітаж у эвакуацыі 1941–

1945 гг.: гісторыя ў эга-дакументах» (А. В. Канівец), «Вайна у музейных выставах 1944–1950 гг. Стварэнне музейнай экспазіцыі на прыкладзе матэрыялаў Музея абароны Ленінграда і музея “Свірская перамога”» (І. А. Карпенка), «Выкарыстанне рэпарацыйных паставак і працы ваеннапалонных пры стварэнні Мінскага аўтамабільнага завода (1944–1950 гг.)», «Станаўленне антыгітлераўскай кааліцыі дзяржаў» (І. А. Літвіноўскі, Ю. І. Літвіноўская), «Германскі кампанент ранняй этнічнай гісторыі Беларусі» (А. М. Кушнярэвіч), «Ахова здароўя і медыцынскае абслугоўванне ў Мінску ў перыяд польскай акупацыі (1919–1920 гг.)» (А. Г. Трубчык), «”Без гонару, высакароднасці і сэрца”: антыгерманская рыторыка ў Расіі пад уплывам пачатку Першай сусветнай вайны» (І. Р. Чыкалава), «Баявая дзейнасць НКДБ-НКУС на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944 гг.)» (Н. А. Шыманская), «Форты Гродзенскай крэпасці ў гады Першай і Другой сусветных войнаў» (А. Ю. Лісіцына, С. А. Сіткевіч), «Беларускае пытанне ў гістарычным дыскурсе сацыялістычных партый Польшчы (1921–1939 гг.)» (А. Г. Цымбал).

У ходзе трэцяга пленарнага пасяджэння былі праведзены два адметныя мерапрыемствы: 1) адбылося абмеркаванне праекта «Жыць і памятаць» і серыі кніг А. В. Шаркова і А. І. Харашэвіч, вылучаных для ўдзелу ў конкурсе на саісканне Дзяржаўнай прэміі Рэспублікі Беларусь 2020 г.; 2) IN MEMORY – ушанаванне памяці пра Анатоля Васільевіча Шаркова (18.04.1948–20.01.2020). Арганізатарамі канферэнцыі была падрыхтавана слайдавая прэзентацыя, прысвечаная доктару гістарычных навук прафесару А. В. Шаркову, аднаму з шматгадовых чальцоў рэдакцыйнай калегіі і рэцэнзенту зборніка матэрыялаў штогадовай міжнароднай навуковай канферэнцыі «Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць», аўтару шматлікіх матэрыялаў, вядучаму на пленарных пасяджэннях, актыўнаму ўдзельніку дыскусій. Прагучалі выступленні беларускіх гісторыкаў – У. В. Здановіча, П. А. Канцавога, В. А. Латышавай, С. Я. Новікава, якія падзяліліся ўспамінамі пра свайго старэйшага калегу, нагадалі вехі яго навуковай біяграфіі і паказалі вяршыні ў літаратурна-навуковай спадчыне, прывялі шматлікія прыклады незабыўных сяброўскіх стасункаў, у тым ліку з замежнымі даследчыкамі – дактарамі гісторыі з нямецкага ўніверсітэта ў Саарбрукене Р. Худэманам і А. Фрыдманам, якія падзяліліся сваімі думкамі і адзначылі асабліваю кампетэнтнасць, высокаадукаванасць і высокі прафесіяналізм беларускага вучонага.

У заключэнні былі падведзены вынікі канферэнцыі, удзельнікі якой адзначылі, што міжнароднае навуковае супрацоўніцтва з’яўляецца адметнай прыкметай сустрэч у МДЛУ. Добрай традыцыяй стала таксама рэгулярнае выданне і прадстаўленне на заключным пасяджэнні чарговага зборніка матэрыялаў міжнароднай навуковай канферэнцыі «Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць».

Сяргей Новікаў,
сустаршыня аргкамітэта канферэнцыі
кандыдат гістарычных навук

Поступила в редакцию 22.04.2021

ПАМ'ЯТИ КОЛЛЕГИ

КУБЕКА СЯРГЕЙ ПАЎЛАВІЧ

Панядзелак перадапошняга лістападаўскага тыдня 2020 г. стаў для калектыву выкладчыкаў кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму чорнай датай у календары – на 67-м годзе заўчасна пайшоў з жыцця любімец кафедры, супрацоўнікаў і студэнтаў універсітэта, Педагог з вялікай літары, надзейны калега і апантаны гісторык Сяргей Паўлавіч Кубека.

З 15 жніўня 1980 г. – ён выкладчык МДЛУ. Надаваў шмат увагі педагагічнай, выхаваўчай і вучэбна-метадычнай працы са студэнтамі. З'яўляўся аўтарам звыш 30 навуковых артыкулаў і вучэбна-метадычных выданняў.

У 2006–2010 гг. – сувыканаўца Дзяржаўнай комплекснай праграмы навуковых даследаванняў «Гісторыя беларускай нацыі, дзяржаўнасці і культуры», з 2002 г. – член аргкамітэта штогадовай міжнароднай навуковай канферэнцыі «Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць».

Гэты выкладчык шмат працаваў над развіццём творчых здольнасцей таленавітай студэнцкай моладзі. Многа разоў з'яўляўся навуковым кіраўніком цікавых прац, якія ўдзельнічалі ў рэспубліканскіх конкурсах творчых работ вучняў і студэнтаў па сацыяльна-гуманітарных навукках.

Светлая памяць пра Сяргея Паўлавіча Кубеку – паважанага калегу, цікавага суразмоўца, адкрытага дарадчыка, шчырага настаўніка, адказнага паплечніка, апантанага расказчыка і надзейнага сябра – застанецца ў нашых сэрцах.

Калегі

Мы друзей выбираем сами
Посвящаю памяти С. П. Кубеки

Наши судьбы рисует Бог
В вечной книге своих эскизов:
Дни рожденья, маршрут дорог
И немало других сюрпризов...
Ведь любой урок и итог
Только Бог и определяет...
Нам врагов посылает в срок...
Лишь друзей нам не выбирает!
Бог дарует все в жизни нам...
Мать-отца дарит нам Всевышний...
А друзей ты находишь сам:
Друг надежный – совсем не лишней!
Нам родных назначает Бог –
Так устроено небесами...
Но, шагнув за родной порог,
Мы друзей выбираем сами!..

Сяргей Кузьмін (аднакурснік)

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

АЎСТРЫЙСКАЯ КАНЦЭПЦЫЯ ЎШАНАВАННЯ ПАМЯЦІ
Ў МЕМАРЫЯЛЬНЫМ КОМПЛЕКСЕ «ТРАСЦЯНЕЦ»¹

DAS MASSIV DER NAMEN. Ein Denkmal für die Österreichischen Opfer der Shoa in Maly Trostinec / Hrsg. von Pia Schölnberger. – Wien: Czernin Verlag, 2019. – 168 S.

Калектыўнае выданне, прысвечанае новаму аўстрыйскаму помніку на тэрыторыі Мемарыяльнага комплексу «Трасцянец», выканана пад навуковай рэдакцыяй П. Шольнбергер – супрацоўніцы Інстытута прававой і канстытуцыйнай гісторыі Венскага ўніверсітэта і адначасова кіраўніка праекта па стварэнні помніка аўстрыйскім яўрэям у Малым Трасцянец. У падрыхтоўцы выдання бралі ўдзел гісторыкі, пісьменнікі, грамадскія дзеячы, а таксама кіраўнікі Аўстрыйскай Рэспублікі – прэзідэнт А. Ван дэр Белен і канцлер Себасціян Курц.

Распачынае выданне ўступны артыкул «Аўстрыйскі помнік у Беларусі» (S. 12–18) кіраўніка праекта П. Шольнбергер. Яна адзначае, што аўстрыйскаму грамадству спатрэбіўся даволі доўгі шлях ад моманту, калі ў Аўстрыі загучала назва Малы Трасцянец, да прыняцця рашэння, агучанага ў парламенце 8 чэрвеня 2015 г. На аснове дакументаў, выяўленых у архіве аўстрыйскага супраціву, упершыню з’явілася ініцыятыва па стварэнні і фінансаванні помніка ахвярам, якія загінулі за межамі Аўстрыі – у Малым Трасцянец. У канцы 2017 г. на ўзроўні федэральнага ўрада было вырашана ўзвесці такі помнік не пазней 2019 г. Гэта было зроблена нягледзячы на тое, што Беларусь не з’яўляецца краінай Еўрапейскага саюза. 29 студзеня 2018 г. Мінскі гарадскі савет прыняў рашэнне адносна стварэння «помніка», праект якога палягаў узгадненню з беларускім бокам і адпавядаў яго прапановам аб неабходнасці адсутнасці на ім поўных імёнаў ахвяр. Прапанаваная кніга ўяўляе сабой пэўны летапіс, які распавядае пра гісторыю стварэння помніка ад моманту ўзнікнення канцэпцыі да яе рэалізацыі на месцы ў выглядзе помніка «Масіў імёнаў», прапанаванага архітэктарам Даніэлем Занвальдам і аднагалосна падтрыманага журы конкурсу, распачатага ў 2013 годдзе.

Кароткі матэрыял Г. Лесінг – генеральны сакратар Нацыянальнага фонду ахвяр нацыянал-сацыялізму Рэспублікі Аўстрыі – падае пад назвай «Такі працяглы час быў штыль» (S. 20). Яна адзначае, што беларускі Малы Трасцянец доўгі час заставаўся «белай плямай» на карце аўстрыйскай памяці. Было забыта, што на гэтым месцы ў гады панавання нацыянал-сацыялізму знайшлі жахлівы канец 10 тысяч мужчын, жанчын і дзяцей з Аўстрыі. Пры гэтым былі забытыя іх імёны, іх лёсы, быццам бы яны ніколі не жылі на гэтай зямлі. У дачыненні да Малога Трасцянца быў пройдзены працяглы шлях ад

¹ Аўтар выказвае шчырую падзяку вядучаму бібліятэкару Аўстрыйскай бібліятэкі ў Мінску В. В. Навумчык за дапамогу ў атрыманні кнігі.

забыцця да памяці. Пачатак гэтага шляху палягаў ад першай паездкі ініцыятыўнай групы на чале з В. Бартан, якая ўпершыню стварыла ў 2010 г. ва ўрочышчы Благаўшчына «лес памяці», дзе былі развешаны першыя жоўтыя шыльды з імёнамі забітых тут. Гэты шлях знайшоў працяг летам 2018 г., калі падчас наведвання прэзідэнтам А. Ван дэр Беленам быў закладзены першы камень у падмурак будучага помніка «Масіў імёнаў» як часткі сумеснай памяці Аўстрыі.

Непасрэдны выканаўца праекта архітэктар Д. Занвальд прапануе матэрыял пад назвай «Масіў імёнаў. Памятны камень для аўстрыйскіх ахвяр Шоа ў Малым Трасцянец» (S. 22–30). Праца над праектам пачалася ў 2013 г., калі аўстрыйскае грамадскае аб'яднанне IM-MER абвясціла конкурс, на які архітэктарам быў прапанаваны зусім іншы варыянт. У яго аснове ляжала ідэя аб тым, каб у лясным урочышчы Благаўшчына паставіць вялізны помнік з імёнамі забітых грамадзян Аўстрыі, што давала б магчымасць больш чым праз 70 гадоў пасля трагедыі стварыць месца памяці. Для гэтага было неабходна пабудаваць агульную сцяну, у якую планавалася ўмураваць пліты памерам 60x30x20 см з поўнымі імёнамі і датамі жыцця забітых. Як адзначае Занвальд, па розных прычынах ад гэтага праекта прыйшлося адмовіцца. Вынікам новых пошукаў стала рашэнне аб стварэнні новага помніка не ва ўрочышчы Благаўшчына, а на тэрыторыі афіцыйна адкрытай першай чаргі Мемарыяльнага комплексу «Трасцянец» каля вёскі Малы Трасцянец. Адною з умоў для архітэктара з'явілася патрабаванне аб «адмове ад поўных імёнаў аўстрыйскіх ахвяр» (S. 26). У аўтарскім апісанні будучага помніка адзначана, што назва «Масіў імёнаў» азначае захаванне ў памяці не канкрэтных людзей, а іх вобразаў, звязаных з жаночымі, мужчынскімі і дзіцячымі імёнамі 10 тысяч аўстрыйскіх грамадзян, пазбаўленых жыцця ў гэтым месцы. Гэта лічба перададзена 10 асобнымі помнікамі вышыняй 3 м, што з'яўляецца сімвалічным для ўвасаблення колькасці «венскіх транспартаў». Каля адной тысячы імёнаў умураваны ў фібрабетон фрагментарна. Гэта работа праводзілася з улікам кансультацый са скульптарам К. Касцючэнка, аўтарам помніка «Брама памяці». У сакавіку 2019 г. побач з ім быў афіцыйна адкрыты новы аўстрыйскі помнік «Масіў імёнаў» (S. 30).

Генеральны сакратар аўстрыйскай грамадскай ініцыятывы IM-MER, створанай у Вене ў 2010 г., В. Бартон прапануе матэрыял «Помнік» (S. 34–41). Такая назва вынікае з яе асабістай біяграфіі, якую яна пачала даследаваць ва ўзросце больш за 40 гадоў дзеля свайго сына, не ўяўляючы, што яе чакае адкрыццё сваёй яўрэйскай радаводнай лініі як з боку матулі, так і бацькі. Ёй удалося высветліць імёны родзічаў, хто быў адпраўлены ў Малы Трасцянец толькі з адной мэтай – знішчэння адразу ж пасля іх дастаўкі на месца. Сярод іх і бабуля – Мальвіна Бартон. Таму ў 2009 г. было прынята рашэнне аб стварэнні аб'яднання пад назвай IM-MER, у кожнай літары якой закладзены пэўны сэнс. У перакладзе яна гучыць так: *ініцыятыва Мальвіна – Малы Трасцянец памяць*. Галоўнай мэтай стала вяртанне памяці пра аўстрыйскіх грамадзян, дэпартаваных з Вены ў Малы Трасцянец. У тым жа годзе сюды была арганізавана першая паездка, якая вельмі ўразіла наведвальнікаў. У Малым Трасця-

цы, куды як ні ў якое іншае месца было дэпартавана больш за ўсё грамадзян з Вены, дэлегацыя не выявіла ніводнага помніка, прысвечанага ахвярам Шоа. Таму пачынаючы з 2010 г. яна штогод ладзіла паездкі на месца непасрэдных расстрэлаў у Благаўшчыне, дзе ў невялічкім сасновым узлеску на дрэвах вывешвала жоўтыя шыльды з імёнамі і датамі жыцця тых, хто тут быў расстраляны за сотні кіламетраў ад радзімы. З таго моманту галоўнай задачай аб'яднання было вызначана стварэнне памятнага месца пахавання – саміх магіл, якія павінны ўшаноўвацца ў памяці. Цягам наступных гадоў аб'яднанне не толькі працягвала ладзіць вандроўкі ў Благаўшчыну, але і выступіла з шэрагам важных ініцыятыў, у тым ліку па ўзвядзенні помніка. У верасні 2017 г. гэтыя намаганні завяршыліся тым, што федэральны ўрад прыняў рашэнне аб стварэнні помніка аўстрыйскім ахвярам Шоа ў Малым Трасцянец (S. 40). Ім стаў «Масіў імёнаў», дзякуючы якому забытым былі вернуты іх імёны.

Прэзідэнт ізраільскай культурнай абшчыны О. Дойч выказаў у матэрыяле пад назвай «Памяць пра забітых Малага Трасцянца» (S. 44) думку пра тое, што толькі праз больш чым 70 гадоў пастаўлена кропка ў забыці імёнаў амаль 10 тысяч венскіх яўрэяў, дэпартаваных у Малы Трасцянец. З іх засталася ў жывых толькі 17 чалавек. Таму неабходна рабіць усё дзеля таго, каб падобныя злачынствы больш ніколі не паўтарыліся.

Псіхолаг прыватнай практыкі з Таронта (Канада) Э. Ц. Магдэр называе матэрыял «Тэрэзія Хані (Лёв) Унгар-Броды» (S. 47–65). Унучка прысвячае свае ўспаміны памяці бабулі Тэрэзіі Хані Броды, адной з трох сясцёр, якая была дэпартавана ў Малы Трасцянец, дзе загінула разам з іншымі дэпартаванымі з Вены яўрэямі 18 верасня 1942 г. Пошук месца трагедыі быў распачаты ў 1990-я гады і першапачаткова прывёў да шыльды на месцы ўшанавання памяці аб дэпартацыі дзядулі з Вены ў 1942 г. Па сямейных успамінах, гэтым месцам павінен быў стаць лагер у Тэрэзіне, які выкарыстоўваўся пры перасылцы яўрэяў у Асвенцім. Аднак сляды бабулі Тэрэзіі дзякуючы дапамозе В. Бартон былі знойдзены ў Малым Трасцянец і ўшанаваны на адным з цэнтральных камянёў помніка «Масіў імёнаў» (S. 61).

Наступны матэрыял «У гэту ноч шмат хто згубіў розум» (S. 65–73) выйшаў з-пад пяра гісторыка В. Р. Гаршы, які з 1987 па 2017 г. з'яўляўся навуковым супрацоўнікам архіва дакументаў аўстрыйскага супраціву ў Вене, аўтарам мноства публікацый на тэму выгнання і Халакосту. У сваім артыкуле ён распавядае аб гісторыі шматлікіх дэпартацый з Вены ў Мінск і Малы Трасцянец у 1941–1942 гг. Пры гэтым адзначае, што апрача прамых транспартаў з больш чым 15 тыс. яўрэяў, адпраўленых у чэрвені 1942 г. з Вены ў Тэрэзін, амаль 7500 з іх былі потым дэпартаваны ў іншыя месцы знішчэння: Асвенцім, Трэблінку і Малы Трасцянец (S. 67). Першы транспарт з Вены быў адпраўлены 28 лістапада 1941 г. і цалкам знішчаны летам 1942 г. у Малым Трасцянец. З яго жывымі засталіся толькі тры з першай тысячы венскіх яўрэяў, адпраўленых у акупаваны Мінск. Пасля зімы дэпартацыі з Вены аднавіліся 6 мая 1942 г., калі на станцыю Мінск-таварны былі адпраўлены наступныя 5 транспартаў з 5 тысячамі дэпартаваных, з якіх выжылі толькі 8 чалавек. Апошнія 4 транспарты

з 3547 дэпартаванымі былі адпраўлены з Вены не ў Мінск, а цераз станцыю Калодзішчы непасрэдна ў Малы Трасцянец. У жывых з іх засталіся толькі 6 чалавек (S. 72). Па падліках гісторыка, на цяперашні час вядома, што непасрэдна ў Малы Трасцянец былі дэпартаваны 8690 аўстрыйскіх яўрэяў, з якіх 8547 – з Вены і 143 – з Тэрэзіна. З усіх удалося выратавацца толькі 17. Цяперашнія даследаванні паказваюць, што агульная колькасць аўстрыйскіх ахвяр Халакосту ў Мінску і Малым Трасцянец складае 9735 чалавек. Як сцвярджае В. Р. Гаршы, за выключэннем канцэнтрацыйнага лагера Асвенцім-Біркенаў ні на якім іншым нацысцкім месцы знішчэння не было забіта больш яўрэяў з Вены (S. 72).

У матэрыяле «Ніколі гэта не забыць» (S. 78) Федэральны канцлер Аўстрыі С. Курц адзначае, што 28 сакавіка 2019 г. быў афіцыйна адкрыты помнік у памяць аб забітых у Малым Трасцянец аўстрыйскіх яўрэях. Момант, калі быў створаны гэты мемарыял, наступіў толькі праз 77 гадоў пасля таго, як у напрамку Мінска з венскага вакзала Аспанг быў адпраўлены першы транспарт. На думку канцлера, стварэнне помніка служыць таму, каб вярнуць з забыцця імёны ахвяр, паказаць, як мы смуткуем з гэтай нагоды. «Масіў імёнаў» будзе выступаць у сваёй бетоннай форме супраць забыцця тых падзей, якія адбыліся ў гэтым месцы, і адначасова ўвасабляць талерантнасць і адкрытасць.

Супрацоўніца Інстытута найноўшай гісторыі Венскага ўніверсітэта М. Рагам-Блеш звяртаецца да тэмы «Дэпартацыі з яўрэйскіх дзіцячых дамоў у Малы Трасцянец» (S. 83–89). Пасля пачатку вайны ў верасні 1939 г. у Вене ў дзіцячых дамах знаходзілася ўсяго 592 чалавекі яўрэйскага паходжання. У сувязі з іх дэпартацыяй у гэта, лагеры і месцы знішчэння на ўсходзе 140 дзяцей былі адпраўлены ў Малы Трасцянец. Самая вялікая колькасць была адпраўлена транспартам 14 верасня 1942 г., калі ў Малы Трасцянец дэпартавалі 33 хлопчыкі і 42 дзяўчынкі, самым малодшым з якіх быў 8-гадовы хлопчык з дзіцячага дома, што знаходзіўся ў завулку Тэмпель у Вене. У самым апошнім транспарце, адпраўленым 5 кастрычніка 1942 г., сярод 547 чалавек знаходзіліся адна дзяўчынка і 5 хлопчыкаў ва ўзросце ад 8 да 13 гадоў. З Ваўкавыска іх вязлі 4 дні ў вагонах для перавозкі жывёлы. Яны прыбылі на часовы прыпынак побач з Малым Трасцянец у 8 гадзін 50 хвілін 9 кастрычніка 1942 г, пасля чаго адразу ж былі расстраляны (S. 88).

Гісторык П. Штадэльбаўэр у матэрыяле «Аўстрыя і нацысцкія злачынствы ў Малым Трасцянец» (S. 93–100) заўважае, што з моманту ўзвядзення аўстрыйскага помніка ў Малым Трасцянец гэта месца становіцца «вяхой аўстрыйскай культуры памяці» (S. 94). Як спецыяліст па даследаванні злачынстваў нацысцкага рэжыму ў пасляваеннай юстыцыі аўтар надае ўвагу ў сваім матэрыяле не толькі аўстрыйскім ахвярам, але і найбольш знакавым злачынствам. Сярод апошніх спыняецца на дзейнасці камандзіра паліцыі бяспекі і службы бяспекі ў Мінску Э. Эрлінгера, якога ў складзе зондэркаманды 1 б айнцагруппы А камандзіравалі ствараць гэту службу ў складзе 25 служачых СС і 55 латышскіх калабарантаў, а таксама двух нямецкіх камандзіраў.

Яго дзейнасць у Мінску была непрацяглай па прычыне адпраўкі ў генеральную акругу «Украіна». Злачынную дзейнасць у Беларусі і Украіне гісторык раскрывае на аснове матэрыялаў судавага працэсу, які прайшоў у пачатку 1960-х гадоў у нямецкім горадзе Карлсруэ. З іх вынікае, што ў другі раз Эрлінгер вяртаецца ў Мінск 18 кастрычніка 1943 г., калі пры вышэйшым кіраўніцтве СС і паліцыі ў Расіі (Цэнтр) і Беларусі была ўведзена новая пасада «камандуючага паліцыі бяспекі і службы бяспекі ў Мінску» (S. 96). Аўтар адзначае, што матэрыяламі для правядзення судовых працэсаў сталі ўспаміны тых, хто выратаваўся ў Малым Трасцянеццы. У ліку такіх стараста працоўнага лагера Вольф Зайлер, народжаны ў Вене ў 1895 г. Разам з сям'ёй яму ўдалося ўцячы з лагера і выратавацца, што дае магчымасць вачыма ахвяр убачыць нацысцкія злачынствы ў Малым Трасцянеццы.

Культуролаг Р. Бінэрт з венскага Інстытута Візенталя па даследаванні Халакосту прапануе матэрыял на тэму «Забойцы ў Мінску і Малым Трасцянеццы» (S. 103–112), у якім зыходзіць з важнай задачы, якая па цяперашні час застаецца маладаследаванай. Гэта выяўленне імёнаў злачынцаў і іх злачынстваў, чым у пасляваенны час займаўся сусветна вядомы «паляўнічы за нацыстамі» Сімон Візенталь. Гэта датычыцца месца забойстваў у Малым Трасцянеццы, якое з'яўляецца «не толькі месцам надзвычайнага гвалту, але таксама і адным з цэнтраў Халакосту», хаця доўгі час заставалася малавядомым для шырокай грамадскасці. Аўтар адзначае яшчэ адзін важны гістарычны момант, звязаны з прыездам у Мінск рэйхсфюрэра СС Г. Гімлера ў сярэдзіне жніўня 1941 г., калі апошні прыняў рашэнне аб «выкарыстанні форм надзвычайнага гвалту» (S. 105). Непасрэдным выканаўцам «работы па забойствам» у Мінску і Малым Трасцянеццы займаўся Г. Хойзер, пераведзены на новае месца службы ў снежні 1941 г., калі з пачатку наступнага года ён узначаліў аддзел IV (гестапа) у падраздзяленні камандзіра бяспекі ў Мінску. З-пад яго пяра выходзілі загады, паводле якіх вялася гэтак званая барацьба з партызанамі і праводзілася знішчэнне яўрэяў, у тым ліку кантраляваўся ход «канчатковага вырашэння яўрэйскага пытання» на месцы знішчэння ў Малым Трасцянеццы. Таму аўтар матэрыялу сярод навуковых задач пакідае пошук забойцаў, якія паходзяць з Аўстрыі, пра што сведчаць шматлікія дакументы пасляваенных судовых працэсаў (S. 111), у тым ліку гучны працэс над Хойзерам у Кобленцы ў пачатку 1962 г., дзе фігуравалі аўстрыйскія імёны ўдзельнікаў тых злачынстваў.

У матэрыяле «Да пытання аб трансфармацыі савецкага месца памяці каля Малога Трасцянца ў агульнаеўрапейскае месца памяці» (S. 115–129) беларускі гісторык А. Далгоўскі звяртаецца да складаных падзей, звязаных з мемарыялізацыяй гістарычных падзей у раёне Малога Трасцянца. Аўтар паказвае гісторыю злачынстваў, якія мелі месца каля Малога Трасцянца з моманту ўзнікнення працоўнага лагера і да яго ліквідацыі ў канцы чэрвеня 1944 г. Разгляд савецкага наратыву аб захаванні памяці аб гэтым месцы нацысцкіх злачынстваў аўтар праводзіць на аснове аналізу дакументаў Надзвычайнай дзяржаўнай камісіі, якая працавала тут у канцы лета 1944 г.

Галоўнай высновай было заключэнне аб знішчэнні на гэтым месцы «мірнага насельніцтва» (S. 120). Даследаванне пытання аб мемарыялізацыі Малога Трасцянца ў кантэксте савецкай культуры памяці паказала, што 10 чэрвеня 1958 г. гарадскі выканаўчы камітэт прымае рашэнне аб выдзяленні зямлі пад гарадскі сметнік, размяшчэнне якога амаль супадала з межамі месца знішчэння ва ўрочышчы Благаўшчына. Як адзначае гісторык, толькі паслясавецкі перыяд мемарыялізацыі падзей у раёне Малога Трасцянца прывёў да істотных зменаў у практыцы ўшанавання як самога месца, так і розных катэгорый ахвяр. Аўтар адзначае, што разам з беларускай грамадскасцю ў гэтым актыўна ўдзельнічаў нямецкі бок. У выніку былі афіцыйна адкрытыя першая і другая чэргі Мемарыяльнага комплексу «Трасцянец», узведзены «Масіў імёнаў». Сярод актуальных задач, якія бачыць прадстаўнік Гістарычнай майстэрні ў Мінску імя Леаніда Левіна, – неабходнасць арганізацыі інфармацыйнага і дакументацыйнага цэнтра, дзе магла б месціцца перасоўная беларуска-нямецкая выстава «Лагер смерці Малы Трасцянец: гісторыя і памяць» і былі створаны ўмовы для актыўнай работы ў месцы агульнаеўрапейскай памяці і навучання (S. 128).

Прэзідэнт Аўстрыі А. В. дэр Белен прапанаваў чытачу матэрыял пад назвай «Знак супраць безыменнасці» (S. 130–133), з якім ён выступаў у сярэдзіне чэрвеня 2019 г. у Доме гісторыі Аўстрыі пры адкрыцці перасоўнай нямецка-беларускай выставы «Лагер смерці Малы Трасцянец: гісторыя і памяць». Як адзначана ў выступленні, гэта месца да лета 2018 г. было яму, як і шматлікім аўстрыйцам, амаль невядомым, хоць менавіта яно было гістарычным месцам знішчэння. Мужчыны, жанчыны і дзеці, якія некалькімі днямі да гэтага былі ў Вене, праз пэўны час знікалі назаўсёды тут, у раёне Малога Трасцянца. Толькі 17 з іх перажылі гэты ад. У памяць пра загінулых ён пасадзіў дрэва на тым месцы, дзе праз 9 месяцаў быў адкрыты помнік «Масіў імёнаў». Гэтыя імёны аўстрыйскіх ахвяр падказваюць, наколькі важна памятаць іх, а таксама безыменных ахвяр. Для гэтага неабходна кіравацца запеветам – ніколі не забываць (S. 133).

Аўтары матэрыялу «Малы Трасцянец – аўстрыйскае месца памяці» (S. 138–145) М. Зомэр і Х. Уль прадстаўляюць чытачу вынікі знаёмства аўстрыйскай грамадскасці з аўстрыйскай часткай перасоўнай нямецка-беларускай выставы «Лагер смерці Трасцянец: Гісторыя і памяць», якая працягвалася ў Доме аўстрыйскай гісторыі з 14 чэрвеня па 27 кастрычніка 2019 г. З гэтай мэтай былі зроблены дадатковыя вітрыны, якія пашыралі перспектыву знаёмства з месцам знішчэння ў раёне Малога Трасцянца, а таксама прадстаўлялі наведвальнікам дакладныя жыццёвыя біяграфіі дэпартаваных. Асаблівая ўвага пры гэтым надавалася малавядомым крыніцам, напрыклад, сямейным фота. На адным з іх можна пабачыць Розу, Віктара і іх 13-гадовую дачку Герду Ранцэрхофер – цётку заснавальніцы аб'яднання IM-MER В. Бартон; сям'я 9 чэрвеня 1942 г. была дэпартавана і загінула ў Малым Трасцянце, тады як іх сын Альфон быў адпраўлены ў Англію яшчэ ў 1939 г. (S. 143). Сярод іншых вітрын былі выстаўлены матэрыялы аб дзецях, дэпартаваных у Малы Трасцянец. Аўтары прыходзяць да высновы, што гэта месца звязана не толькі

з аўстрыйскімі ахвярамі Шоа, але і з аўстрыйцамі, якія з'яўляліся злачынцамі. У адной з вітрын такую інфармацыю прадставіў венскі Інстытут Візенталя па даследаванні Халакосту. Аўтар заўважае, што комплекснае абыходжанне з мінулым вызначае далейшую перспектыву працы ў Доме гісторыі Аўстрыі.

Пасол Аўстрыі ў Беларусі А. Вёргетэр прапануе матэрыял пад назвай «Работа памяці як элемент двухбаковых сувязяў паміж Аўстрыяй і Беларуссю» (S. 149–156). У сваім матэрыяле яна падкрэслівае важнасць міжкультурнага дыялогу, які ў апошнія гады характарызуе адносіны паміж краінамі. Яна адзначае, што рашэнне аб стварэнні аўстрыйскага помніка на тэрыторыі Мемарыяльнага комплексу «Трасцянец» вынікала з грамадскай ініцыятывы. Пасол выказвае перакананне, што будучыню можна прагназаваць, толькі ўсведамляючы ўрокі мінулага і праводзячы адпаведную работу па захаванні памяці. У гэтым плане асаблівае значэнне набывае будучая работа з «Масівам імёнаў».

Аўстрыйскі пісьменнік М. Полак прапануе матэрыял над назвай «Успаміны ў Малым Трасцянец» (S. 160–162). Як адзначае аўтар, ягоны прамы абавязак заключаецца ў тым, каб казаць не толькі пра ахвяры, сярод якіх амаль 10 тысяч яўрэяў з Аўстрыі, але і назваць непасрэдных забойцаў, якія выконвалі «свой абавязак», у ліку якіх быў і бацька пісьменніка. М. Полак заўважае, што зусім невыпадкова ў пасляваеннай Аўстрыі склалася традыцыя па забыцці і выцясненні з памяці такіх гістарычных фактаў. Грамадства супрацьстаяла гэтаму, ставячы ў цэнтр абмеркавання трагічныя факты гісторыі, даследуючы і памятаючы пра мінулае такім, якім яно было. У гэтым прамы абавязак як дзяцей, так і ўнукаў. Аўтар прыходзіць да думкі, што стварэнне помніка ў Малым Трасцянец з'яўляецца моцным сігналам, хоць і запозненым, але якім можна ганарыцца ў Аўстрыі (S. 162).

Важна адзначыць, што выдадзеная кніга вельмі багата аздоблена шматлікімі копіямі дакументальных матэрыялаў, асабістымі здымкамі і актуальнымі фота, зробленымі ў ходзе ўдзелу высокіх гасцей з Аўстрыі ў адкрыцці другой чаргі Мемарыяльнага комплексу «Трасцянец» і помніка «Масіў імёнаў».

Такім чынам, знаёмства з аўтарскімі матэрыяламі прыводзіць рэцэнзента да наступных важных высноў: 1) выданне ўяўляе сабой незаменны матэрыял аб малавядомых старонках трагічнай гісторыі аўстрыйскіх яўрэяў блізу акупаванай беларускай сталіцы ў 1942–1944 гг.; 2) матэрыялы калектывага выдання значна паглыбляюць нашы веды аб падзеях гісторыі генацыду не толькі аўстрыйскіх, але і беларускіх яўрэяў, удзельнікаў партызанскай барацьбы і падпольшчыкаў, ваеннапалонных, а таксама мірнага мясцовага насельніцтва на месцах масавых злачынстваў у раёне вёскі Малы Трасцянец; 3) практычны бок аналізу матэрыялаў бачыцца не столькі ва ўвядзенні малавядомых матэрыялаў у шырокі зварот, колькі ў неабходнасці іх выкарыстання ў турыстычных бюро, экскурсійных фірмах і непасрэдна самімі экскурсаводамі. У якасці вынікавага падсумавання рэцэнзаванай працы можна зрабіць выснову, што

матэрыялы выдання будуць служыць новай важнай крыніцай не толькі для даследавання гісторыі нацысцкага генацыду, але і ўшанавання памяці аб аўстрыйскіх яўрэях у Беларусі.

Сяргей Новікаў
кандыдат гістарычных навук

Поступила в редакцию 22.04.2021

В. Н. Усоский

ПРИРОДА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА ИНДУСТРИАЛЬНОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

24 – 26 января 2020 г. в Минской духовной академии состоялась IV Международная научно-практическая конференция. Одной из актуальных тем, обсуждаемых на мероприятии, было исследование деятельности экономического человека, обладающего утилитарным мышлением и способностью к активному конструированию внешнего объекта (природа, общество). Созданный утилитарным автономным человеком индустриальный тип производства стал следствием субъект-объектного дуализма, породившего проблему отчуждения, овеществления и механицизма рыночных отношений в экономике. Рыночные механизмы феодального общества обслуживали интересы привилегированных слоев элиты и растущего населения городов, которые налаживали торговые связи, создавая городские и региональные ярмарки, а также вели морскую торговлю на дальние расстояния с другими континентами. Однако эти рынки не обладали механизмами массового спроса и предложения, которые стали формироваться в XIX в. в условиях индустриализации. Становящаяся промышленность создавала массовый рынок, который удовлетворял нужды *деперсонифицированного (анонимного) массового покупателя*. Карл Поланьи отмечал, что локальные рынки феодальной экономики, в структуре которой доминировало натуральное хозяйство, не обладали «внутренней тенденцией к расширению за счет остальных сфер» [1, с.10]. Экономист глубоко исследовал процесс трансформации рынка протокапиталистического уклада феодальной экономики в массовый рынок индустриального капитализма в Западной Европе. Он писал: «В условиях феодализма и цеховой системы земля и труд непосредственно составляли часть социальной организации (деньги тогда еще не развились до такой степени, чтобы стать основным элементом производства). Земля была стержнем феодального порядка, основой военной, юридической, административной и политической системы; ее статус и функции определялись законодательно утвержденными нормами и общепринятыми правилами. Независимо от того, имел ли владелец право на передачу земли, а если да, то кому и на каких условиях; что понималось под правами собственности; как именно могли использоваться те или иные земли – все эти вопросы исключались из сферы купли-продажи и подлежали совершенно отличному от них типу институцио-

нального регулирования» [1, с. 11]. Рынок в феодальной экономике не представлял собой самодовлеющей подсистемы развития общества. Еще не была создана автономная от иерархии социума *экономика как таковая*, которая бы обладала универсальным спонтанным механизмом функционирования, пронизывающим все подсистемы общества. Свойства самодовлеющей универсальности рынок приобрел только на стадии индустриального капитализма.

Докапиталистический рынок обслуживал натуральную экономику и потому был крайне ограничен в своих возможностях воздействия на нее. Большая часть продукта в докапиталистической экономике создавалась путем эксплуатации принудительного труда, поэтому рынок был не более чем вспомогательным средством для функционирования громадного массива натурального хозяйства. Ф. Бродель для объяснения сущности капитала в докапиталистическом обществе использовал термин *стеклянный колпак (a bell jar)*, который адекватно отражает функциональное место капитала в социально-экономической иерархии рабовладения и феодализма. Торговый и ростовщический капитал – это локальный фактор в функционировании общества, не оказывающий существенного влияния на массы работников и материальную базу натурального хозяйства. Капитал действительно находился под своеобразным стеклянным колпаком, функционируя обособленно от социума. Он обслуживал интересы элиты и не был ориентирован на стимулирование роста производительности субъектов натурального хозяйства. Гарантии своего существования капитал искал в благоволении власти. Институты рыночной экономики были зыбкими и неустойчивыми, рынки – локальными и ограниченными, так как определялись закономерностями функционирования доминирующей системы «ойкономос».

Экономика как таковая, в основе которой лежит система торгового и финансового посредничества, обслуживающая массовое производство, не была сформирована. Этому препятствовало доминирование духовно-нравственных религиозных ценностей античности и христианства, которые формировали под себя натуральное хозяйство. В условиях доиндустриального капитализма овеществление человеческих отношений как массовое явление не могло возникнуть, так как оно является атрибутом массового производства товаров, которое функционировало в среде расширяющихся товарных и кредитных рынков. Создание растущего анонимного массового рынка, пронизывающего все сферы социума, выражает сущность индустриальной экономики капитализма.

Секулярные идеи рационалистической философии Западной Европы (XVII – XVIII вв.) являлись продуктом методологии механистического детерминизма. Формировалось сознание автономного человека, создававшего новый строй общественных отношений, радикально изменявший Старый Порядок (фр. Ancien Regime). На анализе поведения экономического человека, пронизанного утилитарной рациональностью, А. Смит построил классическую политическую экономию. Исходная интуиция христианского мировоззрения заключается в том, что истинное Бытие человека находится в потустороннем мире Вечности, а спасение уникальной вечной души личности возможно только в Боге. Эпоха Нового времени (XVII – XVIII вв.) безвозвратно утратила эту

фундаментальную интуицию. Экономического человека, наделенного автономным утилитарным мышлением, отличает интенция на поиск смысла жизни в пределах земного существования, представляющего собой краткий временной отрезок мирской жизни. Доминирующим стремлением светского человека стало получение выгоды в текущий момент времени – именно здесь и сейчас. В этом состоит смысл утилитарной рациональности автономного человека Новой Европы.

Секулярная интенция светского мышления поставила под сомнение Бытие, ведя к отрицанию Вечности Бога, Его трансцендентной значимости в земной жизни человека. Это означало имманентизацию устремлений человека, т.е. максимальное приземление целей, потребностей и интересов к решению текущих задач. Автономный человек вырабатывал представление о *чистых экономических отношениях*, имеющих самостоятельный характер функционирования вне зависимости от воздействия на *экономику как таковую* разнообразных общественных подсистем (этики, религии, культуры, государства).

На основании изменения фундаментальных мировоззренческих интуиций, происходивших в эпоху Реформации и Нового времени, человек утрачивает чувство первородного и личного греха. «Известно, что человек в концепции Руссо не только не затронут первородным грехом и раны природы не имеют к нему никакого отношения, он обладает по сути чистой добротой, которая дает ему возможность соучастия в божественной жизни и проявляется в нем в своей первозданной невинности. Таким образом, благодать растворяется в природе. Подлинный смысл теории Руссо состоит в том, что человек по природе *свят*, что он более чем добродетелен! Человек свят, если он созидает себя в божественном единстве с Природой, что делает благими и верными все его первичные побуждения» [2, с. 67].

Профанная сакральность протестантизма, рожденная в горниле функциональной рациональности бюргерской экономики католических городов позднего Средневековья, создала благоприятную почву для развития утилитарной деятельности экономического человека Нового времени. Профанная сакральность позволила сделать зрелыми представления светского человека о естественности природы утилитарного поведения, самостоятельной выработке целей самостоятельной жизни в рамках ограниченности времени его земного существования. Новоевропейское общество стало представляться светскому человеку как *простое суммативное целое* взаимодействующих на договорной основе обособленных индивидов (разумных эгоистов). Порядок взаимосвязей между ними строился на формальных нормах права и неформальных институтах традиции, которые не прописаны в юридических законах, однако императивно предписывают правила рациональной светской этики поведения человека. Философия и политическая экономия на базе рациональной светской этики (разумного эгоизма) в XIX в. формулирует идеи либерализма.

На принципах рыночного утилитаризма строится экономика рыночного типа, представляющая собой конкурентное взаимодействие частных лиц, обладающих частной собственностью на факторы производства и потреби-

тельские блага. Экономическому человеку было внутреннее присуще утилитарное поведение, выражавшееся в стремлении к максимизации рыночной выгоды. В основе экономической жизни капиталистического общества лежит частнособственнический, частнопредпринимательский *архетип хозяйственной деятельности*, формирующий его экономический фундамент, придавая историческую определенность техногенной цивилизации капитализма в рамках теории прогресса. А. Смит в своей книге «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) писал: «... Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов... Ни один индивид не действует в общественных интересах, не знает, насколько он соблюдает общественные интересы ... он только преследует собственные цели. И в этом, и во многих других случаях им движет *невидимая рука*, которая приводит к тому, что не входило в его намерения... Преследуя собственные интересы, человек часто более эффективно преследует интересы общества, чем когда он на самом деле собирается действовать на благо людей» [3, с. 77]. Идеи А. Смита легли в основу западноевропейского мировоззрения «освященного эгоизма», став следствием естественного развития профанной сакральности протестантизма.

Секулярная система новоевропейского мировоззрения способствовала распаду традиционных солидарных отношений, на которых строилась жизнь христианских общин, где поведение христианина определяли трансцендентные духовно-нравственные ценности. В буржуазном обществе с разветвленной системой разделения труда, необходимость в интенсивном обмене результатами экономической деятельности, объективно приводит к широкому распространению товарно-денежных отношений. В этих условиях материальные факторы функционирования западноевропейской цивилизации становятся доминантными, диктуя человеку нормы поведения под сильным воздействием утилитарных ценностей. Сформировалась *светская этика общечеловеческих ценностей*, которая обосновывает утилитарные цели поведения обмирщенного новоевропейского человека – *универсального человека вообще*. Политическая экономия капитализма, исследуя поведение экономического человека, вводит понятие *чистые экономические отношения*, придавая этике нейтральный характер. Эти идеи оказали влияние на формирование «стерильного» предмета экономической науки. Возникло сциентистское предубеждение, которое заключается в том, что для строго научного исследования экономики нет необходимости исследовать все смежные с экономикой сферы (социум, этику, религию, политику). Их влияние на экономику не считалось важным. Формулируется классическая дилемма сциентизма: «эффективность – социальная справедливость». В таких условиях фундаментальная категория *природа человека* перестает быть востребованной для анализа общества и экономики. В XX в. постмодернизм отрицает ее существование.

Идея *конструктивизма*, рождению которой способствовал И. Кант, легла в основание развития инженерной мысли Западной Европы. Она означает то, что автономный человек конструирует свою жизнь по собственным

лекалам, формулируя в своем сознании критерии допустимости тех или иных поступков своего поведения. Ограничения своей деятельности он определяет исходя из эмпирического опыта и правил рациональной этики. Из сознания человека вытесняется христианское понятие объективности протекания событий под влиянием Провиденциализма Творца. Оно заменяется принципиально иной трактовкой объективности взаимодействия между людьми, построенной на принципе *конвенциональности*. Идею конвенциональности мышления и поведения человека прорабатывал У. Оккам, исходя из номиналистического принципа интенциональности (нейтральности). Принцип конвенциональности положен в основание мировоззрения протестантизма. Считается, что взаимодействие автономных индивидов на основе оговоренных ими условий и правил создает общество как динамичную целостность, движущуюся по пути прогресса. С точки зрения христианства конвенциональное общество – это суммативное целое взаимодействующих индивидов, где Провиденциализм Творца заменяется идеей общественного прогресса.

Общество Новейшего времени (XIX – XXI вв.) строится на конструируемости сознанием секулярного человека своего автономного поведения. Повседневные установки жизни человека в отношении к другим людям базируются на *теории разумного эгоизма*. В межсубъектных отношениях значимую роль стало играть извлечение *на рынке полезного эффекта от использования утилитарных вещей*. Любые предметы, в том числе и человеческие качества (честь, совесть), могут быть превращены в рыночной экономике в вещь. Поэтому человеческие отношения стали *овеществляться*. В наемном работнике была выделена способность к труду (рабочая сила), которая стала рассматриваться утилитарно как специфическая «живая вещь» (товар), используемая как средство реализации автономных интересов другого человека (капиталиста), который по своему социально-экономическому статусу (собственность, власть, влияние) доминирует в обществе. Индустриальный капитализм создает формы социально-экономических отношений, объективно ведущие к *господству вещей над человеком*. Конструируемые людьми утилитарные цели, которые они воплощают в социально-экономическую действительность, порождают процесс *отчуждения людей в системе капиталистических рыночных отношений*. Рыночный порядок означает переворачивание духовных смыслов, что было невозможно в докапиталистической экономике.

Динамичное развитие товарно-денежных отношений капитализма привело к тому, что *вещные отношения* становятся самодовлеющими, вырастая из утилитарных целей людей, действующих в рамках мировоззрения механистического рационализма. К. Маркс писал: «В меновой стоимости общественное отношение лиц превращено в общественное отношение вещей, личная мощь – в некую вещную мощь» [4, с.103]. Тотальное обмирщение людей в новоевропейском обществе означало забвение духовно-нравственных ценностей христианства и возникновение этики разумного эгоизма. Современники XIX в. назвали этот феномен «переворачиванием ценностей вверх дном». На человека как уникальное духовное существо, сотворенное Богом, стали механистически переноситься свойства бездушных вещей (товара и денег). Происходит

механистическая редукция – сведение сущности высшего порядка к сущности низшего порядка. Усиливается стремление механицизма загнать природу человека в четкие математические алгоритмы. Экономический человек стал представляться в качестве хорошо работающего механизма или автомата, который действует на рынке с помощью постоянного рационального соизмерения издержек и выгод. В отличие от средневекового христианского общества, которое было целостно, буржуазное общество строится как система дуалистических отношений (субъект – объект). «Индивидам их собственный обмен и их собственное производство противостоят как *вещное, независимое* от них отношение» [4, с.107].

Воспроизводство в расширенном масштабе капиталистических отношений, являющихся вещными по своей природе, ведет к утрате человеком ценностей *христианской солидарности*. Механистически холодное отношение автономного человека к Природе является следствием его представления о Природе как пассивном объекте, конструируемом человеком механизмом, который предназначен для реализации утилитарных целей. Для религиозного человека Природа – это храм, для секулярного – склад полезных вещей для утилитарного потребления. Таким же по аналогии с Природой рассматривается человек. Здесь действует та же модель: активный субъект воздействует на пассивный объект, подверженный проектному конструированию. Принцип субъект-объектного дуализма, закрепляемый социально-экономической иерархией общества, переносится на отношения между людьми, становясь нормой поведения для автономного человека. Человек рассматривается как механический объект для получения утилитарной выгоды в системе общественного взаимодействия. В определенных условиях возникает феномен циничного безразличия.

Крепнущий в экономическом человеке утилитаризм поведения исходит из фундаментальных интуиций автономного мышления субъекта (разумного эгоиста), который, обособляя себя от природы и людей, противопоставляет себя им. В сознании новоевропейского человека создается утилитарная модель прагматического поведения по преобразованию природы и всей системы социально-экономических отношений (общества) при слабеющих солидарных связях между людьми.

Формирующийся в людях рассудочный индивидуализм их автономного утилитарного отношения друг к другу ужесточает дуализм структуры субъект-объектного отношения. Однако, несмотря на объективно идущий процесс отчуждения людей от своей христианской природы, душа человека никуда не исчезает. Тертуллиан писал, что «душа по природе своей христианка». Утилитарное отношение к природе и людям ведет к релятивизму, в рамках которого автономный человек на принципах конвенциональности, нейтральности и толерантности стремится постичь относительную истину. Отрицая абсолютность трансцендентных ценностей, христианская душа человека впадает в спящее состояние. Однако кризис индивидуального сознания автономного человека при определенных условиях может побудить христианскую душу проснуться от глубокого сна.

За последние пятьсот лет природа человека подверглась существенной деформации, что выразилось в трансформации солидарных отношений христианского общества в суммативное целое светских индивидов. Радикальная ломка природы человека началась в период религиозных войн XVI–XVII вв., которые стали следствием Реформации. Основными вехами на этом кровавом пути были Нидерландская буржуазная революция (1565 – 1603), религиозные войны во Франции католиков против гугенотов (1562 – 1598), Английская буржуазная революции (1640 – 1658). Тридцатилетняя война (1618 – 1648) была последней религиозной войной, потрясшей Западную Европу. Кризис феодального общества (Ancien Regime – Старый Порядок) проявился в горниле буржуазных революций, произошедших во Франции (1789 – 1799) и западноевропейских странах (1830 – 1871). Радикальные изменения общества и экономики изменяют *старый порядок (иерархию)*, создавая на его месте новый порядок и иерархию буржуазного общества. О духе времени, который был поднят волной Великой Французской буржуазной революции, П. И. Пестель (1793–1826) писал: «От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же – от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции, сих двух противоположностей. То же самое зрелище представляет и вся Америка. Дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать (*fait bouillir les esprits*)» [5, с. 5].

Индустриальный переворот XIX в. привел к созданию системы расширенного воспроизводства капиталистических отношений, которые вытесняют на периферию человеческого сознания духовно-нравственные ценности христианского солидаризма. Мировоззренческие установки мышления и поведения экономического человека XVII – XXI вв. построены на рационалистическом индивидуализме, который имеет склонность перехода в эгоцентризм. Христианин солидарного общества целостно воспринимал Универсум (Космос) и общину христиан как тело Христово, которые пронизаны божественными энергиями. Созерцая гармонию Вечности, он не делал различий между субъектом и объектом. Христианин созерцал вселенское единство, ощущая свою включенность в единый целостный Космос, сотворенный Богом, где находил себе уютное место. В отличие от христианина экономический человек XVII – XXI вв. обладает принципиально иной исходной фундаментальной интуицией, которая порождает рассудочное рассечение единого Универсума на дуалистическое противостояние активного субъекта и пассивный объект.

Рассудочный человек является активным субъектом, противостоящим не только природе как таковой, но и обществу (цивилизации) – второй природе, созданной человеком для себя. Т. Гоббс определил предмет гражданской философии как изучение *искусственных тел*, под которыми он понимал человеческое общество. В своих философских построениях он активно использовал принцип антропоморфизма, рассматривая общество через природу автономного человека. Это исключает Провиденциализм, навязывает светскую трактовку объективности как конвенционального взаимодействия людей между собой в социуме. Исходная фундаментальная интуиция эконо-

мического человека, которая заключается в утилитарной рациональности, позволяет ему субъективно рассудочно рассечь целостное бытие на субъект и объект. Общество, создаваемое утилитарным человеком, представляет собой аналог искусственно механизма, который конструируется по механико-математическим алгоритмам.

Секулярное общество создается и изменяется людьми. Искусственность его конструкции, как верно подмечено Т. Гоббсом, государство регулирует посредством договорного юридического порядка. Общество скрепляется также с помощью неформальных традиций, которые придают связность его элементам. Мироззрение автономного секулярного человека представляет общество как некое суммативное целое, разрозненные автономные части которого «склеиваются» конвенционально, что позволяет создать определенный порядок в стихии взаимоотношений людей. Конструкции рационалистической философии строятся на методологических принципах анализа и синтеза, индукции и дедукции, которые выступают инструментами теоретического системосоздания. Элвин Тоффлер (1928 – 2016) писал: «Современная западная цивилизация достигла необычайных высот в искусстве расчленения на части, а именно в разложении на мельчайшие компоненты. Мы изрядно преуспели в этом искусстве, преуспели настолько, что нередко забываем собрать разъятые части в то единое целое, которое они некогда составляли. Особенно изощренные формы искусство разложения целого на составные части приняло в науке. Мы имеем обыкновение не только вдребезги разбивать любую проблему на осколки размером в байт или того меньше, но и нередко вычленяем такой осколок с помощью весьма удобного трюка. Мы произносим: “Ceteris paribus” (при прочих равных), и это заклинание позволяет нам пренебречь сложными взаимосвязями между интересующей нас проблемой и прочей частью Вселенной» (Цит. по [6, с.11]).

Исходная мировоззренческая интуиция экономического человека лишена целостности, являясь следствием западноевропейского дуализма, в рамках которого активный субъект препарировывает пассивный объект (природу, общество и человека). Природа в представлении экономического человека – это не сакральный Космос, пронизанный божественными энергиями, подобный священному храму, в котором человек поклоняется Богу, испытывая священное благоговение и трепет. Природа представляется как *склад нужных человеку вещей (предметов труда, сырья и материалов)*, используемый для утилитарного потребления в рамках цикла производственной деятельности людей. В романе «Отцы и дети» И. С. Тургенева (1818 – 1883) прекрасно выразил механистическую сущность новоевропейского мышления: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник». К. Маркс хорошо подметил целостность мировоззрения людей докапиталистической цивилизации, что стало основанием построенной на этой фундаментальной интуиции натуральной экономики. «Земля – вот великая лаборатория, арсенал, доставляющий и средство труда, и материал труда, и место для жительства, т.е. *базис* коллектива. К земле люди относятся с наивной непосредственностью как к *собственнос-*

ти коллектива, притом коллектива, производящего и воспроизводящего себя в живом труде. Каждый отдельный человек является *собственником* или *владельцем* только в качестве звена этого коллектива, в качестве его члена» [4, с. 468]. Коллективные трудовые действия людей, организованные в рамках религиозных общин, при низком уровне развития производительных сил и доминировании ручного труда являются материальным условием существования натурального хозяйства.

В эпоху Нового времени автономный секулярный человек радикально меняет мировоззренческое отношение к природе. «Присвоение природного условия труда (земли как самого первоначального орудия труда, лаборатории и хранилища сырья) происходит не при посредстве труда, а предшествует труду в качестве его предпосылки. Индивид просто относится к объективным условиям труда как к своим собственным, относится к ним как к неорганической природе своей субъективности, в которой эта субъективность сама себя реализует. Главным объективным условием труда является не *продукт труда*, а находимая трудом *природа*. С одной стороны, имеется налицо живой индивид, с другой – земля как объективное условие его воспроизводства» [4, с. 478]. К. Маркс отмечает активистскую установку мышления новоевропейского человека на тотальное преобразование природы. Природа как объективное условие труда является объектом для приложения деятельных усилий человека с целью создания продукта труда. Это типичная установка мышления человека Нового времени, утратившего внутреннюю связь и целостное единство с Космосом, что направляет его деятельность на конструктивистское преобразование природной среды. Изменившийся характер взаимодействия человека с природой и обществом является следствием реализации дуализма субъект-объектного отношения.

Светский человек Нового времени ведет наблюдение за природой по механистической модели – через призму созданного им искусственного продукта труда, построенного по аналогии с механизмом. Автономный человек Нового времени приписывает природе искусственно сконструированную им инструментальную рациональность механизма, которая имеет источник в рассудке автономного человека, представляемого тоже как механизм. В природе как неорганическом объекте, где отсутствуют божественные энергии, рассудочный человек отрицает спонтанную разумность бытия живого организма, которую язычник воспринимал как гилозоизм одухотворенной материи языческим эйдосом (φύσις), а христианин как одухотворенность сотворенной материи благодатью трансцендентного Бога.

Философия Нового времени выработала идею рациональных причинно-следственных связей между функциональными элементами природы и общества, трактуемых как механизмы, существующие и действующие вне трансцендентной цели Творца и Его энергий. Деизм построен на отрицании животворящего Бога, Которого заменил Механик Вселенной, лишенный Провиденциальной силы участия в своем Творении. Философия деизма твердо встала на путь конструирования рассудком автономного человека

механистической рациональности, которая концептуально (априорно) встроена в природу, являясь рассудочным каркасом идей Механика Вселенной. Поэтому природа стала интерпретироваться как искусственный механизм – *natura*, смыслы которой определяются разумом человека. И. Кант утверждал, что мир феноменов упорядочивается рассудком человека, с помощью априорных форм пространства и времени. Это означает, что природа рационально просветлена *трансцендентальным разумом субъекта*, т.е. она светит как Луна отраженным светом Солнца. Согласно К. Марксу, «Индивид просто относится к объективным условиям труда как к своим собственным, относится к ним как к неорганической природе своей субъективности, в которой эта субъективность сама себя реализует» [4, с. 478]. Эта установка мышления представляет собой типичный механицизм Нового времени. Здесь природа – это неорганический механический объект, скроенный по рассудочным порядкам панлогизма («порядок и связи идей равны порядку и связям вещей»). Природа препарирована активным конструктивистским сознанием человека и является пластичным объектом, претерпевающим трудовое воздействие человека. Природа – механический объект, не обладающий собственной активностью, она не есть совокупность естественных божественных энергий как Космос языческой античности и христианский Космос. Природу, которую человек в своем сознании представляет в качестве механизма, он интерпретирует как неорганическое тело, превратив просто в объект для своего воздействия и изменения вне этических ограничений. Гносеологическое учение И. Канта об активности мышления человека диаметрально противоположно учению Августина об иллюминации (просветлении) Богом ума человека, который познает Бога и душу. Духовное очищение человека от греха является условием познания Космоса для христианина.

Радикальное изменение мироощущения человека Новой Европы стимулировало развитие рыночной экономики, где рыночный обмен благами между частными лицами породил процесс *овеществления*, означающий механический перенос свойств вещей на людей и рассмотрение человека в качестве утилитарной вещи. Светское сознание стало идентифицировать людей как естественные механические конструкции, подверженные инженерным изменениям по рациональному проекту. Человек, редуцируемый к математически алгоритмизированному механизму, не обладающий вечной душой персонифицированной личности, теряет вечный христианский смысл, становится временной игрушкой социальных стихий богатства и бедности в рыночной системе. Промышленный капитал способствовал формированию *массового капитализма (popular capitalism)*, который был пронизан идеей техногенного прогресса. Этот тип капитализма стал неуклонно расти в промышленно развитых странах Западной Европы и Северной Америки. Во второй половине XX в. он трансформировался в социально-экономическую модель «общества всеобщего благоденствия».

Подводя итог сказанному, отметим, что экономический человек является позитивистом (материалистом) и конструктивистом, мышление которого построено на интуиции, что реальностью обладают только *вещи*, данные в эмпи-

рическом опыте и рассудочно мыслимые. Вещь сведена к кантовской *вещи для нас (явлению)* при отрицании возможности познания ее сущности – *вещи в себе*. В практических целях вещь как фактическое (эмпирическое) существование подвергается количественным измерениям с целью ее механистического препарирования. Математически не формализуемые признаки вещи для позитивиста являются субъективными. Они обладают признаками неопределенности и неустойчивости, поэтому понимаются позитивизмом как вторичные свойства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Поланьи, К.* Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги / К. Поланьи // Теория и история экономических и социальных институтов и систем: альманах. – М. : Начала-Пресс, 1993.– Вып.2. – Т.1. – С. 10–17.
2. *Маритен, Ж.* Философ в мире / Ж. Маритен. – М. : Высш. шк., 1994. – 192с.
3. *Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М. : Эксмо, 2007. – 958 с.
4. *Маркс, К.* Экономические рукописи 1857 – 1861 гг.: в 2 ч. / К. Маркс. – М. : Политиздат, 1980. – Ч. 1. – XXVI, – 564 с.
5. *Ланда, С. С.* Дух революционных преобразований ... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816–1825 / С. С. Ланда. – М. : Мысль, 1975. – 382 с.
6. *Пригожин, И.* Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.

Поступила в редакцию 12.04.2021

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

БАБРОВІЧ ВЯЧАСЛАЎ ІВАНАВІЧ

(да 60-годдзя з дня нараджэння)

21 верасня 2020 г. адзначыў свой юбілей дацэнт кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму, кандыдат філасофскіх навук, дацэнт Вячаслаў Іванавіч Бабровіч. У сувязі з юбілейнай датай ў віншавальным адрасе за подпісам рэктара ўніверсітэта і калектыву кафедры адзначалася наступнае: «з нагоды гэтага адметнага для Вас дня прыміце сардэчныя словы ўдзячнасці за Вашу шматгадовую педагагічную працу, цікавыя задумы, жаданне служыць высакародным мэтам выхавання студэнцкай моладзі, дзяліцца з ёю сваімі творчымі ідэямі і фарміраваць высокія грамадзянскія кампетэнцыі».

Пасля заканчэння з адзнакай філасофскага факультэта Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта, аспірантуры гэтага ж універсітэта па кафедры палітычнай сацыялогіі, працы на розных выкладчыцкіх пасадах у БДЭУ, РІВШ і іншых навучальных установах Вы большую палову сваёй працоўнай біяграфіі прысвяцілі педагагічнай дзейнасці, завіхаючыся на ніве навукі, адукацыі і выхавання беларускай моладзі ва ўстанове адукацыі «Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт».

У кастрычніку 1993 г. Вы паспяхова абаранілі кандыдацкую дысертацыю, праз шэсць гадоў Вам было прысвоена званне дацэнта па спецыяльнасці «паліталогія». Са снежня 2003 г. па лістапад 2009 г. узначальвалі кафедру паліталогіі і міжнародных адносін МДЛУ. З пачатку 2018 г. Вы паспяхова працуеце на пасадзе дацэнта кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму, з'яўляецеся аўтарам звыш 80 навуковых і вучэбна-метадычных прац, кіруеце выкананнем адной з навуковых тэм кафедры.

Вам уласцівыя шчырая любоў да працы і адказнае стаўленне да выканання службовых абавязкаў, творчы падыход у дасягненні высокіх паказчыкаў пры вырашэнні актуальных навуковых, адукацыйных і выхаваўчых задач. Дзякуючы акадэмічнаму прафесіяналізму, педагагічнаму вопыту і шырокаму досведу, Вы ўносіце значны ўклад у сацыяльна-гуманітарную падрыхтоўку будучых спецыялістаў.

Вы прадстаўляеце нашу навучальную ўстанову на міжнародных і рэспубліканскіх навуковых канферэнцыях, умацоўваючы імідж кафедры і ўніверсітэта. Вашы высокія асабістыя якасці здабылі заслужаны аўтарытэт.

Наш дарагі Юбіляр! Вашы калегі, паплечнікі, сябры шчыра віншуюць Вас з юбілейнай датай, жадаюць Вам моцнага здароўя, шчасця і дабрабыту, плёну і творчых поспехаў у справе падрыхтоўкі высокакваліфікаваных спецыялістаў.

Калегі

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 3

*История, философия, социология,
экономика, культурология, политология*

№ 20, 2021

Редакторы: *В. М. Василевская, Ю. И. Варакса, О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Ответственный за выпуск *А. Л. Подгайский*

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 30.06.2021. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 11,63. Уч.-изд. л. 13,68. Тираж 100 экз. Заказ 34.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.